

ЮНОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ С ИЮНЯ 1955 г.

№ 4 (675) • 2012

«ЮНОСТЬ» © С. Красукас, 1962 г.

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юность».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный товарный знак, являющийся собственностью трудового коллектива редакции журнала «Юность».

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

подписной индекс **71120**

ISSN **0132-2036**

E-mail: unost-contact@mail.ru
<http://unost.org>

*Весь 2012 год
на обложках журнала «Юность»
иллюстрации Анны Дудяковой*

© Анна Дудякова, рисунок
на первой стр. обложки, 2012

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Лев АННИНСКИЙ
Зоя БОГУСЛАВСКАЯ
Валерий ЗОЛОТУХИН
Елена ИСАЕВА
Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Валерий КОЗЛОВ
Владимир КОСТРОВ
Нина КРАСНОВА
Татьяна КУЗОВЛЕВА
Валентина ЛАНЦЕВА
Евгений ЛЕСИН
Георгий ПРЯХИН
Владимир РАДЧЕНКО
Ольга РЫЧКОВА
Александр СОКОЛОВ
Борис ТАРАСОВ
Елена ТАХО-ГОДИ
Олег ТОЛКАЧЕВ
Игорь ШАЙТАНОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

главный редактор,
заведующий отделом поэзии
Валерий ДУДАРЕВ

главный художник
Дмитрий ГОРЯЧЕНКОВ

заведующая отделом критики
Анна КОЗЛОВА

ответственный секретарь
Ярослав ЛИТВИНЕНКО

заведующий отделом культуры
Александр МАХОВ

заместитель главного редактора,
заведующий отделом прозы
Игорь МИХАЙЛОВ

главный консультант
Эмилия ПРОСКУРНИНА

заведующая отделом
духовного наследия
Марина РЫБАКИНА

заведующая отделом
публицистики
Екатерина САЖНЕВА

консультант главного редактора
Евгений САФРОНОВ

директор по развитию
Светлана ШИПИЦИНА

ПОЭЗИЯ

Юлия ГИАЦИНТОВА	3
Илья АЛЕКСАНДРОВ	25
Анна САФОНОВА	50
Кирилл КОЗЛОВ	58

ПРОЗА

Максим ЕПИФАНОВСКИЙ Рассказы из цикла «Беспечный студент»	16
Елена САЗАНОВИЧ	
ГАЙДЕБУРОВСКИЙ СТАРИК Роман (продолжение)	29
Михаил ПАК	
ОСТРОВ ТЫСЯЧИ ОСВЕЩЕНИЙ Воспоминание	55
Владимир СЕМЕНЧИК	
КОНСУЛЬТАНТ ПО ЛЮБЫМ	
ВОПРОСАМ Повесть из жизни офисного планктона (окончание)	63
Татьяна МЕДИЕВСКАЯ Два рассказа	87

НАСЛЕДИЕ / ТЕМА НОМЕРА

РЯДОВЫЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. ОСИП ДЫМОВ Два рассказа	
Вступление Марии Михайловой	7
МАРИЯ МИХАЙЛОВА: «МНЕ КАЖЕТСЯ ВАЖНЫМ ВИДЕТЬ ВСЮ	
ПАНОРАМУ ЛИТЕРАТУРЫ...» Разговор поддержал Игорь Михайлов	13

ЗАМЕТКИ НЕТЕАТРАЛА

Лев АННИНСКИЙ	
МОТЫЛЕК ОГНЯ НЕ БОИТСЯ	24

КАК БЕДЕН НАШ ЯЗЫК!

Марианна ТАРАСЕНКО	
КУРИЦА, ТЫ КТО?	48

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Михаил МОРГУЛИС	
СНЫ МОЕЙ ЖИЗНИ, ИЛИ ПОЛУЗАБЫТЫЕ СНЫ Воспоминания	82

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Евгений ВОЙСКУНСКИЙ	
ХОРОШОЛЮБИТЬЖИТЬ Вступление Бориса Лукина	97
СЕНЕЧКА Глава из нового романа	99

ИНОЗЕМНЫЙ СЮЖЕТ

Элия УИЛКИНСОН	
ИСТОРИЯ ОБ ИСЧЕЗНУВШЕЙ ПАЦИЕНТКЕ	
Рубрику ведет Евгений НИКИТИН	105

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

Леонид КОЛГАНОВ	
«СТРАСТИ ПО АНДРЕЮ» О книге Андрея Шацкого	
«Лествица в небо. Избранное»	108

ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

Наталья СМЕХАЧЕВА г. Торжок	111
Зулкар ХАСАНОВ г. Калуга	112
Йосси ВЕРДИ Азербайджан	115
Руслан ЖИГАЛОВ, 13 лет г. Ярославль	116
Татьяна КОРМИЛИЦЫНА г. Нижний Новгород	119
Алена КСЕНОФОНТОВА г. Нижний Новгород	120

В КОНЦЕ КОНЦОВ

// Детектив на ночь //	
Валерий ИЛЬИЧЕВ	
АГЕНТУРНЫЙ РОМАН (продолжение)	121

// Зеленый портфель //

СЛОВЕЧКИ-КАЛЕЧКИ, ИЛИ КОЕ-ЧТО	
ПРО ОПЕЧАТКИ... Перлы собирала Юлия Сысоева	126

// «До востребования» //

Галка ГАЛКИНА	
ВЕЛОСИПЕД — РАЗНОСЧИК ВИРУСОВ	129

// VERIORA VERIS //

Шалун ГЕО, человек-клон	
К ЧЕМУ БЫ ПРИЛОЖИТЬ ДНК?	130

Заведующая редакцией

Лидия ЗЯБИНА

Заведующий отделом информации

Игорь РУТКОВСКИЙ

Специальный корреспондент

по Белгородской области

Нила ЛЫЧАК

Редактор-корректор

Юлия СЫСОЕВА

Верстка и оформление

Елизавета ГОРЯЧЕНКОВА

Главный бухгалтер

Алла МАТЮХИНА

Финансовая группа

Лариса МЕЛЬНИКОВА

Заведующая отделом рукописей

Ирина УШАКОВА

Интернет-версия

Наталья СЫСОЕВА

Заведующая отделом распространения

Ульяна ТКАЧЕНКО

Художник-иллюстратор

Анна ДУДЯКОВА

Дежурные по редакции

Людмила ЛОГАЧЕВА

Татьяна СЕМЕНОВА

Татьяна ЧЕРЫГОВА

Людмила ГУДКОВА

Администратор

Зинаида ПОТАПОВА

Лиц. Минпечати № 112.

Адрес редакции:

Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская,
д. 8, стр. 1.

Для почтовых отправлений:

125047, Москва, а/я 182, «Юность».

Тел.: **+7 (499) 251-31-22,**

+7 (499) 250-83-98,

+7 (499) 250-40-72,

тел./факс: **+7 (499) 250-40-60**

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Авторы несут ответственность
за достоверность предоставленных
материалов. Мнения автора
и редакции могут не совпадать.
При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Юность» обязательна.

Отпечатано в ГУП Академиздатцентр

«Наука» РАН,
ОП «ПИК «ВИНИТИ»-«Наука»

140014, Люберцы, Московская обл.,
Октябрьский пр., 403

Тел. +7 (495) 974-69-76

Тираж 6 500 экз. Формат: 60x84/8

Заказ №

Юлия ГИАЦИНТОВА

Юлия Гиацинтова родилась в Москве в 1991 году. Окончила гуманитарный лицей, в настоящее время — студентка четвертого курса Литературного института им. А. М. Горького (семинар Олеси Николаевой, раньше семинар Евгения Рейна).

Вот ее представление о поэтической традиции: «Самое бесценное и родное для меня — в стихах Н. Некрасова, С. Есенина, А. Твардовского, Н. Рубцова, Н. Тряпкина, глубоко чувствующих Россию и страдающих за нее всей душой. Этой традиции стараюсь следовать и я».

Публиковалась в журнале «Юность», газете «Российский писатель» (зарубежный выпуск), сборнике «Планета поэтов», альманахе «Славянские встречи» и других изданиях.

Участвовала в Первом международном совещании молодых писателей в Переделкине от СП России.

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Ты поймешь меня, златокудрый,
С огоньком в глазах голубых,
Как мы пели и били в бубны,
Что звенели, как русский стих!

Ты бы понял мой нрав упрямый,
Этот ревностный крик сгоряча.
Мы с тобой бы шагали прямо
И рубили б сразу с плеча!

Ты простил бы мое затмение
Головы от хмельной ночи...
Ты любил это русское зелье,
От которого пой-хохочи!

Ты простил бы гордую душу
И двуликость зеленых глаз...
Будто камешек гладь нарушил —
Что-то острое пало в нас...

Ты поймешь меня, златокудрый,
С огоньком в глазах голубых.
Пойся, песня! Звените, бубны!
Да воскреснет наш русский стих!

* * *

Отчего в природе все без боли
Изменяет облик свой?
Так снега серебряные в поле
Переменятся травой.

Так дождливый, сонный, молчаливый
Вдруг пробудится наш сад —
Наливные яблоки и сливы
Тусклую картину изменят.

По-иному в мире человечьем,
Все напоено слезой:
Как стояла дева у крылечка —
Села женщиной седой.

Так приходят и садятся к чаю,
Старо-добрые друзья.
И уходят... отчего, не знаю,
И узнать не в силах я.

А мальчишки жгут траву, и вскоре
Прорастет она опять.
Только человеческое горе
О невозвратимом
Не унять.

* * *

Е. М.

Мы не знали, какие дали
Нам откроет грядущий путь.
Так и шли: то одна, скандаля,
Все пылинки пыталась сдуть.
То второй молчаливым криком,
Тихой речью, буйным нутром
Говорил о любви великой
И о плотской страсти потом.
Мы грешили, грешим и будем
С русским ухарством дураков,
Мы друг друга со злостью судим
И прощаем на веки веков.
Но не знаем, какие дали
Нам готовит грядущий путь,
Обещаю всю жизнь скандалить
И пылинки пытаться сдуть...

ДЕРЕВЬЯ

Прислушайся: это не ива,
А слезы так льются к земле.
Поверь: чья-то боль, не крапива,
Колени все жалит мне.

А там, за купальнею дальней,
Каштан одинокий растет
И смотрит с годами печальней
На ослепленный народ.

О чем же рябинные грозди
Так горько молчат столько лет?
Может, им вечером поздним
Вверили страшный секрет?..

Нам знаки невидимы боле,
Покуда, земному служа,
Мы бьемся в незримой неволе,
А деревце высохло в поле —
Может быть, чья-то душа.

* * *

Разголосится в поле птица,
Заколосится в поле рожь.
А ты его уже не ждешь,
И он навряд ли возвратится.

Еще крикливей ливень хлынет,
Уж вечер синий — стоишь и ждешь.
Замолкнет птица,
Утихнет рожь.
А он покинет, навек покинет —
И не вернешь.

* * *

У поэта на полсвета — гордости.
Так Господь ему за это — горести!

У поэта на полсвета — храбрости.
А Господь ему за это — слабости!

У поэта на полсвета — вольности.
Хвать, Господь ему за это — совести!

У поэта на полсвета — мудрости.
Так Господь ему за это — дурости!

У поэта на полсвета — грешности.
А Господь ему за это — честности!

Так поэт на белый свет — исповедь!
А народ ему в ответ — изгородь!

Так и мучится, по свету — мечется..
А Господь ему за это — вечности!

БОГАТЫРЬ

Я одна и отроду без братьев,
Без сестер.
Одинок хворост собирать мне
На костер.
Я иду по полю, бездорожью,
Темен лес.
За высокою шумливой рожью
Тихий крест.
А под ним, как на Руси над каждым:
«Здесь почил...»
Знать, он кровушкой землицы жажду
Омочил.
Постою — и вспомнится мне песня
Иль псалтырь.
Ты, пожалуйста, услышь, согрейся,
Богатырь.
Буду я тебе сестренкой нежной,
Всех милей.
Будет песня литься безмятежно
И светлей..
Оглянусь я во поле обратно —
Ночка, ты ль?
Я прислушиваюсь: спит и брат мой,
Богатырь.
Я иду по полю, бездорожью,
Темен лес.
Только где-то там, за шумной рожью,
Милый крест.
Я одна и отроду без братьев,
Только ты.
И до смерти в поле собирать мне
Для тебя цветы...

Осип ДЫМОВ

Рядовые русской литературы. Осип Дымов

БЫЛА БЕЗ РАДОСТИ ЛЮБОВЬ... РАЗЛУКА БУДЕТ

Как же надо восторгаться своим кумиром, чтобы взять в качестве псевдонима фамилию героя его произведения! Так сделал начинающий литератор Осип Исидорович Перельман (1878–1959), ставший называться Дымовым, как несчастный муж легкомысленной чеховской «попрыгуньи». Так в русскую литературу вошел писатель еврейского происхождения Осип Дымов. И обращение к этому рассказу, как и другим произведением Чехова, было далеко не случайным. Чеховская тонкая ирония, музыкальность его прозы, подтекст его пьес — это то, на что Дымов будет ориентироваться всю жизнь. С самого первого сборника «Солнцеворот» (1905) Дымов настойчиво укоренял в русской литературе импрессионистическую манеру письма (хотя элементы этого художественного приема уже присутствовали в творчестве А. П. Чехова, произведениях Б. Зайцева). Потом он назвал этот прием «кодак-стиль» — фиксация яркого мгновения, создание особого настроения путем настойчивых повторов ситуаций, чуть разнящихся, но зеркально отражающихся друг в друге или, словно эхо, воспроизводящих основной звук-камертон повествования.

Дымов был плодовитым писателем и журналистом. Сотрудничая с «Сатириконом», пользовался успехом как юморист (сборник «Веселая печаль»), печатался в ведущих газетах и популярных журналах, вел постоянные колонки, срывал аплодисменты на премьерных своих пьес, шедших по всей России и за рубежом. Сумел удачно вписаться и в американскую действительность (он по приглашению уехал в Америку в 1913 году), где продолжал творить, но

уже перейдя с русского на идиш (писал пьесы, сценарии, оставил интереснейшие воспоминания — всё это, к сожалению, пока недоступно русскому читателю). И даже потеряв вследствие болезни способность к писанию, не пал духом, а переключился на изобразительное искусство: стал неплохим скульптором.

«Лидия Биренс», может быть, наиболее «чеховский» рассказ. Он поразил читателей пронзительной интонацией, с какой велось повествование о случайном любовном соединении в общем так и оставшихся чуждыми друг другу людей. Критика его отметила как одно из самых тонких по настроению, неуловимых по аромату тревоги и печали произведений литературы. В качестве сюжета Дымов использовал историю гибели «славной», «тихой» женщины от не любви, или, в интерпретации знакомых, от какой-то «женской болезни» (читатель догадывается, что речь идет о хирургическом прерывании беременности). Совершенно «по-чеховски» настигало это известие косвенного виновника ее гибели: в случайном разговоре с равнодушным собеседником спустя год после разрыва, когда даже память о ней почти стерлась в его сознании. Их сближение, такое нужное обоим, но в итоге не принесшее радости ни одному из них, рисуется через повторяющиеся детали. Хруст падающих на газетную бумагу крошек хлеба говорит не только о черствости этого разделенного «по-братски» куска, но и о тишине, царящей за ежевечерней трапезой, когда не о чем разговаривать и любой шорох становится отчетливо слышен. А то, как тщательно подсчитывает

«издержки» романа «роковой соблазнитель» Чижов, подписало приговор женщине еще задолго до разрыва.

Примечательна фамилия героини — такую же носила реальная возлюбленная О. Дымова, актриса Мирра Биренс, бывшая женой известного петербургского литератора Бориса Харитона (ее сын, Юлий Харитон, станет российским создателем атомной бомбы). Эта история наделала много шума, тем более что Лидия Биренс фигурировала среди персонажей его драмы «Долг», а коллизию с появлением незаконнорожденного ребенка и катастрофическими последствиями этой ситуации (к счастью, в жизни все обошлось благополучно) он использовал и в лучшей из своих пьес — «Ню. Трагедия каждого дня». Но там уже был выведена не слабая и мечтательная, обделенная судьбой несчастливица, а вариация чеховской Душечки, так же бесконечно мечтающая о любви, но менее успешно, чем та, находящая объекты для обожания. О. Дымов настойчиво принялся этот характер разрабатывать, *обнажать* (недаром *Ню* — производное от *Нюты*, но намекает и на обнаженную фигуру), но не *разоблачать* — в отличие от русской традиции, в которой он всегда подавался с долей насмешки, презрения, в крайнем случае — жалости.

Его же героини оказывались, как это ни покажется странным, возвышенными существами, непонятно каким образом сохраняющимися в атмосфере пошлости, которой они, в свою очередь, оказываются заражены. Россыпь пустейших мыслей, переполняющая головку заболевшей *Ню*, передана автором бестрепетно холодно, почти отстраненно. Вот маленькая *Ню* мысленно пишет письмо своему возлюбленному, но при этом не забывает, что капот, в который она облачена, моден и прелестен. Она явно жалеет себя, хотя и умоляет возлюбленного не тревожиться и не печалиться о ней после ее смерти (она почему-то уверена, что он не в силах будет перенести ее ухода). Ее увлекает сам ритуал написания прощального письма, она так погружается в него, что забывает о промокательной бумаге, буквы растекаются от слез, но она все пишет и пишет — чужи-

ми, затасканными, вымученными словами, почерпнутыми из дурных романов и экранных надписей к синематографическим лентам. Дымов очень тонко выявляет зазор между искренностью чувств и выдуманностью, вычурностью их выражения. Сама *Ню* не ощущает никакой разницы между испытываемыми ею чувствами и теми переживаниями, о которых она читала в дамских журналах, — ведь героини помещенных там повестей и рассказов непременно перед смертью писали письма возлюбленным, просили их не переживать и долго помнить об ушедших навек... И она делает все как положено, расставляет все точки над *i*: плачет в нужном месте, старается быть очаровательной, необременительной, безутешной. Но самое забавное, что, живя в мире игрушечных чувств и миниатюрных мыслей, она довольно точно представляет себе цепь событий, которые произойдут после ее смерти: чужие люди будут распоряжаться вещами, а бывший любовник ограничится увеличением фотографической карточки.

И вот им, не умеющим отличать примитивно-вульгарное от подлинного, принимающим ложную многозначительность за искреннюю тоску, покупающимся на банальное и трафаретное, неожиданно сочувствуешь, ибо они рвутся куда-то прочь — в отличие от толстых зубных врачей и их сестер, вытесняющих их из жизни... Дымов «овоздушил» характер Душечки, сделал его почти бесплотным, неосязаемым, эфемерным, подарил ей «легкое дыхание» (впережку, правда, с всхлипываниями) и целую Вселенную с созвездием Солнца (хотя и с кроватью под голубым атласным одеялом посередине!).

Что же получается, по Дымову? Все люди живут в мире заданных форм, рассчитанных чувств, регламентированного поведения? Да, только при этом бедные глупенькие *Ню* действительно страдают (и умирают подчас!), а другие только воспроизводят заученные жесты, призванные обозначать наличие тех или иных чувств, исполняют затверженные ритуалы и машинально продолжают существовать как ни в чем не бывало.

Мария Михайлова

Мария Викторовна Михайлова родилась в 1946 году в Москве. Основная сфера интересов — история литературы, драматургии и критики конца XIX — первой трети XX века, творчество забытых и «второстепенных» писателей Серебряного века, женская литература Серебряного века, гендерные исследования, архивные изыскания, издательская деятельность. Член Союза писателей Москвы.

ДВА РАССКАЗА

Лидия Биренс

Встретились у Лешковских. Хозяин устраивал маленькую пирушку — именины жены — и пригласил Чижова... Лешковские жили далеко, но Чижов все-таки поехал. Он подумал, что будет ужин, а дома есть в одиночку при лампе было очень томительно.

Действительно, подали сардинки, селедку с испанским луком, ветчину, потом теплый рябчик. При этом вино и много пива.

После ветчины Чижов, указывая, спросил Лешковского:

— Кто эта блондинка?

Лешковский сказал:

— Жена пригласила. Лидия Леопольдовна Биренс. Тихая. Она славная.

Как же! Чижов с гимназии привык подчиняться авторитету Лешковского, а, кроме того, ветчина ему нравилась. Он повторил:

— Славная, тихая... Биренс.

После ужина офицер Краснов рассказывал анекдоты. Хотя это был пехотный офицер, но заканчивая рассказ, кланялся так, словно носил шпоры. Чижов это заметил и сказал Биренс.

Она тихо и добродушно засмеялась. Тогда Чижов подумал, что между ними много общего, и анекдоты офицера — странное дело — начинали казаться забавнее. Особенно интересен был рассказ о том, как кондуктор высадил на станции не того пассажира, который об этом попросил, а другого. Потом играли на рояли две барышни, очень схожие, но вовсе не сестры. Чижов и это заметил, и опять Лидия Леопольдовна рассмеялась. Тогда Чижов спросил:

— Разрешите вас проводить домой?

Биренс сначала удивилась, потом наклонила голову. Чижов мысленно пересчитал деньги в кошельке и, вспомнив, что там более трех рублей, тоже наклонил голову, и у него стало легко на сердце.

* * *

В третьем часу разошлись; офицер без шпор, но делавший вид, будто их имеет, говорил неизвестно для чего:

— Лорд Биконсфильд или свидание беззаботных друзей. У птицы Рок четыре будущих крыла.

Вообще вечер удался. Хозяев благодарили.

Чижов нанял извозчика не торгуясь. Он знал правило: когда провожаешь женщину, не торгуйся с извозчиками.

«Расплачусь по таксе», — подумал он и начал:

— Все так в жизни. Люди сходятся, говорят об общих интересах, а потом расходятся каждый к своему делу, какое у него есть...

Говорил он плохо и тоски души своей, которую ощущал особенно остро вечером, когда крошки хлеба с сухим треском падали на газету, не мог выразить в иных, более красивых словах.

— Все люди работают, — сказала Биренс.

На ее длинные ресницы падали мелкие пушинки снега и не таяли. От этого лицо ее делалось молодым, симпатичным. Рядом с санями бежала тень; уродливая лошадь с взъерошенной гривой то отставала, хватаясь за запятки, то ложилась рядом, то забегала вперед, и ее топтала другая, тоже с взъерошенной гривой лошадь, но живая.

— Вам не холодно? — спросил Чижов, и она поняла, что он спрашивает: «Вы несчастны?»

— Нет, благодарю вас, — ответила она.

А он перевел: «Если бы меня пожалели!»

Не было холодно, но ни на минуту не покидало сознание, что теперь середина зимы, что весна еще очень далека, а может, ее вовсе не будет, и завтра, через неделю, через месяц могут ударить злые крепкие морозы.

Чижов мысленно соображал, сколько заплатить извозчику. Решил — полтинник, потом — сорок копеек, и обнял Лидию Леопольдовну за талию — «как принято».

* * *

Лидия Леопольдовна была замужем; муж при гостях звал ее «милочка», но друзьям один на один жаловался на свою неудачную женитьбу. Были две девочки, нехорошие, в веснушках, и сплетничали на мать отца.

Дома скучно, тоскливо, шаблонные обои. Оттого, что мебель не переставлялась долгие годы, тяжелели думы, как ветви деревьев в дождливую осень; от мечтаний голова не освежалась, а жизнь казалась совершенно, совершенно прозаичной, без музыки, цветов и Бога.

Весной что-то просыпалось в сердце. Словно пыль со струн отлетала; открывались окна, и в комнату врвался холодноватый свежий весенний воздух, родившийся в далеких влажных полях. Если облокотиться о ручку красного дивана, что в зале, и закрыть глаза, чтобы не видеть плюшевого альбома с желтой жестяной бляхой, то эти поля представляются очень близко и ясно. Летом выпустят коров, но теперь там пустынно. Кое-где по ним разбросаны молодые ольхи. Ветер откидывает ветви деревьев, словно страницы загибает, и показывает нижнюю светлую сторону листьев.

* * *

К Чижову она пришла вечером. Не хотела, но пришла. Выходя из дому, убеждала себя, что только прогуляется, но пришла.

В коридоре меблированных комнат встретились двое штатских, кажется, навеселе. При виде этого длинного мрачного, словно труба, коридора ей впервые пришла в голову мысль о том, что жизнь уходит все дальше, рождаются новые люди, а она стареет. Стало страшно. Она постучалась.

Чижов побрился, от него пахло дешевым, разбавленным водой одеколоном. Этот запах напоминал ему невесту, от которой он получил отказ за месяц до свадьбы, неудачный экзамен, похороны отца и близких друзей. Потому что при всех этих случаях он брился и освежал лицо одеколоном.

Разговор был неумелый, неяркий. Она трусила, но Чижов трусил еще более. Когда он наливал чай, у него задрожали руки, и тут она поняла, чего он ждет от нее. Ей стало стыдно, она наклонила голову.

Он понял, что она понимает его; между ними проскочила искра — туда и обратно. Искра без грома, словно во влажном вялом воздухе.

— У каждого человека свои дела, — начал Чижов, — а за делами, смотришь, и уходят годы. Вот сесть собираюсь: а по душам до сих пор ни с кем не удалось поговорить.

Чижов фальшиво засмеялся; в коридоре зашумел, словно кто-то горох просыпал, воздушный звонок.

* * *

Через две недели Биренс отдалась ему. Оба ожидали, что это оборвет старую и начнет собою новую цепь событий, радостных, светлых, как простор полей у ольховых трясин. Но ничего даже похожего на это

не было. Ощущался стыд, смешанный с боязнью чего-то такого, что стережет у двери и ежеминутно может войти, не постучавшись.

По вечерам вместе пили чай, затрудняясь взглянуть друга на друга, и Чижов слышал, как крошки разламываемой булки с сухим мертвым треском падали на газетную бумагу.

Когда провожал ее домой, то видел, что тень плоской уродливой лошади цеплялась за запятки, бежала рядом и попадала под копыта живой лошади. Биренс была вся закутанная, чтобы, боже сохрани, не узнали как-нибудь знакомые.

Он вспоминал тот вечер, когда она сидела строгая, красивая, и снежинки ложились, не тая, на ее длинные ресницы. Вспоминал с болью, с томлением; казалось, что был упущен какой-то важный, прекрасный момент; что он не сумел во время протянуть руку; что пролита навеки, навеки какая-то драгоценная жидкость.

— Я тебя люблю, — говорил Чижов, наклонившись к ней, как можно нежнее, — люблю.

Она тихо в перчатке пожимала ему руку. Была благодарна. Может быть, просила не говорить этих слов.

Однажды утром Чижов подумал, что хорошо бы послать букет цветов из роз, и непременно красных. Ему казалось, что этого требует обычай, бонтон. Мысленно пересчитал деньги в кошельке, и в первый раз — вспомнил про мужа.

«Обязателен ли обычай при муже?»

Посоветоваться было не с кем.

Начнутся расспросы — кто и что. Вместо удовольствия — одни неприятности. Надо щадить репутацию женщины.

Ему было лестно, что он должен заботиться о репутации женщины, и это как-никак, а освящало чувство. Кроме того, букет стоит шесть рублей.

Однажды в кругу знакомых он громко сказал:

— Моя любовница сегодня...

Ему понравилась фраза. Он стал ее повторять.

Встретив Биренс, произнес:

— Здравствуй, моя любовница.

* * *

Приближалась весна. Словно пыль со струн отлетала. Открывались окна, и в комнате срывался холодноватый свежий весенний воздух, родившийся на далеких влажных полях. Хотелось ласки, будущего, цветов.

Лидию Леопольдовну Чижов встретил на улице днем. Никогда он не видал ее при ярком дневном освещении.

Она показалась ему ниже ростом, постаревшей, беспокойной.

— Хорошо, что я вас встретила, — сказала Лидия Биренс и улыбнулась... Хотела улыбнуться.

— Да, прекрасная погода. Я наслаждаюсь весной.

— Нет, а я не знаю, что делать.

— Что такое?

Она сказала резко, отчетливо, не понижая голоса:

— Я беременна.

Оба глядели друг другу в глаза. У него забилося сердце, и проснулась старая, давно улегшаяся боль в боку.

— Пожалте, — лениво проговорил извозчик, не поворачивая шеи.

— Болван! — злобно отозвался Чижов.

Огромная рука жизни надвинулась близко, близко и стала душить.

— Нам надо расстаться, — сказала Лидия Леопольдовна.

— Да, — отозвался Чижов. — А муж?

— Муж не должен знать.

— Я провожу вас.

Пошли рядом. Светило солнце. В водосточной трубе с грохотом обвалился лед. Шла, волнуясь, как знамена в ратном поле, пестрая, нарядная молодая и с виду довольная и счастливая толпа. Веял ветер, напоминал о чем-то очень дорогом, очень давнем.

— Беда пришла, — пробормотала Лидия Леопольдовна. Ее глаза были злобны.

Впервые здесь Чижов почувствовал в ней человека и ясно ощутил ее страдания, ее беспомощность, бесцветно прожитую жизнь.

— Что же делать? Так нельзя. Надо поговорить, посоветоваться.

— Я подумаю. Я напишу вам.

— Непременно, непременно напишите, — он обрадовался. — Я все сделаю, что надо.

Тут они простились и больше не увиделись.

* * *

Прошла голубая весна, отзвучало лето, кисло и вяло протянулась, словно долгая болезнь, осень; опять наступил декабрь.

Письма никакого не было. Первое время Чижов ждал; ложась, с вечера думал, что проснется утром, и ему подадут письмо.

Потом мало-помалу успокоился.

— Вероятно, так, глупости, дамские нервы, — проговорил он себе.

Одно время он вообразил, что Биренс его как-то обманула; он начал ревновать и мысленно осыпал ее ругательствами.

«Хорошо еще, что денег не попросила, дура», — думал он, потому что слышал или читал, что в подобных случаях просят у мужчин денег.

В свободный вечер ему пришла в голову мысль сосчитать, во сколько обошелся весь роман. Он вспомнил всех извозчиков, однажды билет в театр, и оказалось, очень дешево — дешевле даже, чем прежде: что-то около восьми рублей с копейками.

— Прямой расчет, — убеждал он приятелей и доказывал в цифрах.

Когда Лешковский ровно через год опять пригласил его на пирушку, он вошел с готовностью, уже не ради ветчины, а ради того, чтобы встретить Биренс или другую. Это все равно.

Почему-то казалось, что у Лешковского нечто вроде склада женщин: такова психология нечаянных встреч.

Но у Лешковских Биренс не было; опять, как год назад, пехотный офицер делал вид, что у него шпоры; опять две барышни, очень схожие, но не сестры; опять Лешковский своей вилкой накладывал гостям теплого рябчика.

Интересных, то есть подходящих женщин, не оказалось, ветчина казалась горькой; Чижову было не по себе.

Анекдоты офицера не вызывали смеха. Особенно скучным показался рассказ о кондукторе, который по ошибке высадил на станции не того пассажира.

Чижов стал собираться домой и в передней спросил Лешковского:

— А где теперь Лидия Ивановна Биренс? Помните, была у вас такая.

— Биренс. Как же! Она умерла. Леопольдовна.

— Умерла.

Опять резанула по сердцу старая острая боль.

— Как же! Давно умерла. Летом.

— Отчего она?

— Какая-то болезнь — женская, должно быть. Манера у них: помрут, и никто не знает отчего. А жаль: была славная, тихая.

Чижов ушел, причем обменял галоши.

Была оттепель, несмотря на декабрь. Сани шлепались по воде, мокрая лошадь бежала лениво.

Сбоку, то отставая и хватаясь за запятки, то бросаясь вперед, бежала другая лошадь, плоская черная, уродливая.

Казалось, что весна очень, очень далека и, может быть, никогда не наступит.

СМЕРТЬ МАЛЕНЬКОЙ НЮ

Так: вселенная, и в одном месте ее — в созвездии Солнца — помещена кровать — большая кровать из желтого ясеня с двумя белыми-белыми подушками и удивительным голубым одеялом. Как это происходит, что кровать держится в пространстве и вместе с Землей вычерчивает очень сложную запутанную кривую — объяснить нельзя. Разумеется, кровать с голубым удивительным одеялом не просто висит в воздухе так, безо всего: вокруг довольно правильно наложены кирпичи, прикрытые совершенно нелепыми полосами бумаги, стоит столик, на нем лекарства, висят картины, зеркало... Но ведь это ничего не меняет: широкая кровать из желтого ясеня все же кружится во вселенной.

В кровати лежит маленькая Ню, бедная больная Ню. Уже давно вечер, в доме думают, что она спит, электричество не зажжено, и ходят и смеются тише обыкновенного. Отсюда видны чужие совершенно равнодушные окна: в них так покойно, так бестрепетно светят под матовыми колпаками лампы, что становится уж совсем жаль жизни. И она плачет.

Ню смиренно лежит в темноте под голубым удивительным одеялом («Боже мой, что за прелесть ваше одеяло! откуда?») и неслышно плачет. То есть как вам сказать — плачет? Просто сами льются слезы, и даже некоторые, соскользнув со щеки и захватив пылинки пудры, падают на белые-белые подушки и расплываются.

В это же время она мысленно пишет письмо. Лежит она уже третью неделю, шевелиться запрещено, и маленькая Ню, не двигаясь, переживает все письмо. Вот она сидит в голубом капоте («Боже мой, что за капот! Дивно!») на самом неудобном стуле во всем доме у самого неудобного крохотного столика. И пишет: «Милый Миш. Вы такой добрый и благородный, что не захотите после смерти (моей, конечно) огорчать вашу маленькую Ню. Поэтому я прошу вас очень — не плачьте обо мне. (Тут она плачет.) К чему слезы? (Она плачет больше и левой рукой берет платок — откуда? Ну, он тут же на столике... или на этажерке... или засунут в кушетку.) Жизнь прекрасна, и не надо вовсе ее усложнять... (Тут она немного начинает трусить, потому что вот-вот начнется философия.) За все, что вы дали мне, я сейчас благодарю вас. Я целую вашу руку. За то, что заставили страдать меня, тоже благода- (кончена страница. Нет промокательной бумаги. Пишет на

третьей) -рю. Около вас я узнала счастье. Теперь, умирая, я чувствую, что это было так. Потому что я умру, Миш. Я умру и прошу вас очень, после смерти не любите меня. Вы весь в жизни, в солнце, поэтому не думайте обо мне очень много. Когда кто умирает — кажется, что виноват перед ним, но, пожалуйста, не думайте, что вы хоть чем-нибудь виноваты. Мне только жаль (переходит на вторую страницу и пишет не поперек, а вдоль...), только жаль, что вы не пришли ко мне в последний вечер. В последний вечер. Я хотела еще раз видеть ваше лицо, милое лицо. Я хотела — я думала, что вы положите руку на мой лоб, и так мы простимся навеки».

После письма стало легче на душе, но, боже мой, ведь оно вовсе не написано, растворилось в воздухе, исчезло, он не узнает из него ничего, ничего!..

Напротив в окнах тихо двигаются тени. В третьей комнате пробили часы; Ню считает — одиннадцать — и думает, как странно, когда в темноте с хитрого механизма срываются звонкие удары. Представляется, что это упругие блестящие шарики, все пухнувшие, как мыльные пузыри, носятся в темноте, натываются на стены и наконец лопаются.

Впереди вся ночь, и спать не хочется. Кроме того, она завтра умрет и успеет выспаться надолго, навсегда.

Вот все говорят: смерть — это долгий сон. Что же тут страшного? Нехорошо, что будут распоряжаться после смерти ее вещами, а платья продадут. Бог знает, кто носить будет. А Миш увеличит с фотографической карточки ее портрет, повесит перед письменным столом. Кто это? — будут спрашивать. Это одна — одна моя знакомая умерла, — ответит Миш, милый жестокий Миш, из-за любви к которому она умирает. А муж с ним помирится.

Напротив в окнах потухли все огни. Темно. Спят. Шорох в углу под потолком.

Утром маленькой Ню сделали операцию. Широкая кровать из желтого ясеня, аккуратно накрытая голубым одеялом, продолжала одна носиться в пространстве. Под одеялом уже никого не было. Кровать сделала восемь кругов, а потом чуть-чуть переместилась — здесь это едва было заметно и означало, что ее куда-то продали. В кровати стала появляться толстая белокурая женщина с сонным ртом. В комнате поселились другие люди: какой-то зубной врач с сестрой.

МАРИЯ МИХАЙЛОВА: «МНЕ КАЖЕТСЯ ВАЖНЫМ ВИДЕТЬ ВСЮ ПАНОРАМУ ЛИТЕРАТУРЫ...»

— Мария Викторовна, в книге, изданной в прошлом году к Вашему юбилею, я прочел, что после окончания семилетки Вы пошли работать в поликлинику. Как же из медсестры получился доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ?

— Я действительно проучилась в медицинском училище три года после семилетки и получила профессию медицинской сестры. И что скрывать — меня туда отправила мама, которая мечтала увидеть меня врачом. И, надо признаться, медицина меня просто захватила, училась я с превеликим тщанием, получала сплошные пятерки. В итоге имела красный диплом и, следовательно, попадала в те самые пять процентов, которые имели право поступать в вузы без обязательного двухлетнего рабочего стажа (это было такое хрущевское нововведение, приобщающее молодежь к труду, — как видите, наша образовательная система все время «усовершенствовалась», пока, как сегодня, не разрушилась окончательно!). И я бы так и сделала, то есть сдавала бы экзамены в медицинский институт, если бы не одно но. Каким-то чутьем я уловила в себе слабинку: я абсолютно растворялась в больных, сочувствовала им бесконечно (до сих пор помню всех, кого так или иначе обихаживала, оказываясь на производственной практике в больнице), едва ли не рыдала над каждым брошенным в больнице стариком или малышом, которого забывала навестить мать. А поскольку мне еще очень нравилось читать истории болезни, то передо мной за «безликим больным» всегда вставали его судьба, перипетии его жизни, его связи с близкими. Даже скупые строчки анамнеза открывали мне многое. Едва ли не каждый больной становился для меня в некотором роде родным человеком. И я поняла, что с такими качествами мне как врачу будет невероятно трудно работать: я сначала буду жалеть, а только потом начну лечить... Конечно, оставалась медицина как наука — я очень увлеклась во время учебы психиатрией, нервными заболеваниями, то есть теми дисциплинами, которые ближе всего располагаются к «человечьему нутру». Но все же «чистой науки» в медицине не существует — обязательно будет больной со всеми его скорбями и болячками.

Я хотела убедиться, права ли я, поэтому и пошла работать в поликлинику, так сказать, «понюхать пороху». И вот уже в процессе этой работы как-то само собой пришло на ум, что есть профессия, кото-

рая буквально «погрузит» меня в человека, но при этом мое сердце не будет разрываться. Это филология. А следует заметить, что страсть к чтению у меня была просто ненасытная, оформилась окончательно она годам к десяти-одиннадцати, благо были для этого все предпосылки: я росла библиотечным ребенком, ибо и моя бабушка, и моя мама заведовали библиотеками — бабушка библиотекой им. А. П. Чехова, а мама — районной, и я все время после школы болталась среди стеллажей с книгами. Да и уроки делала там же. Впрочем, об этом подробно я рассказывала в своем эссе «Воспоминания “библиотечного ребенка”, ставшего взрослым», помещенном в книге, вышедшей недавно в связи с моим юбилеем, где я пропела гимн библиотекам и библиотекарям, встретившимся на моем пути и меня одарившим... И еще надо сказать спасибо чудесному преподавателю литературы в медицинском училище — бывает же такое везение! Им оказался будущий замечательный, к сожалению, рано ушедший шекспировед Игорь Александрович Рацкий, который в свои двадцать четыре года знал столько и так щедро делился с четырнадцатилетними вертихвостками своими знаниями, что я тетрадками с записями его лекций пользовалась и в университете. Но чтобы быть хорошо подготовленной к поступлению на филфак МГУ, я решила все предметы средней школы пройти заново, для чего и поступила в вечернюю школу-экстернат, где сдала весной двадцать пять экзаменов, включая астрономию и черчение. И экзамены в университет я сдала очень успешно, получив двадцать баллов из двадцати возможных при конкурсе среди школьников двадцать пять — тридцать человек на место (когда услышала, что по сочинению получила пятерку, у меня подкосились ноги).

— *Ваша первая серьезная научная работа — рецензия на поэтический сборник Татьяны Кузовлевой? А чем был обусловлен выбор? Татьяна Кузовлева — поэт особый, негромкий. Почему не Евтушенко, Рождественский?*

— При поступлении на филфак моей мечтой было стать критиком, мне очень хотелось научиться писать рецензии (надо сказать, что до сих пор это мой любимейший жанр, в котором чувствую свою силу). Я не могла ждать, когда начнутся серьезные научные курсовые работы, у меня просто руки чесались... И я пошла в семинар, где как раз учили писать рецензии. А поскольку все тогда (это середина 60-х

годов) бредили поэзией, то, конечно, это были рецензии на поэтические сборники. А имя Татьяны Кузовлевой возникло потому, что мне хотелось для моего дебюта выбрать тоже дебютантку. Мне казалось, что я смогу как-то более остро проникнуться прочитанным, если почувствую первое прикосновение автора к серьезной литературе. Рецензия на ее сборник «Волга» оказалась и первой моей печатной работой — она появилась на страницах газеты «Московский университет». Я дала ей название «Точный прицел поэзии», а надо было бы назвать «Жадность», потому что это свойство объединило меня с поэтессой: мы были молоты и невероятно жадны к слову... А еще я могла бы, как и она, сказать о себе: «Но по ночам я плачу в бесталанности...» — потому что долго сомневалась в своих способностях.

— *Вы начали заниматься русской эмиграцией и писателями, которых принято несколько презрительно называть «писателями второго ряда», в то время, когда это, мягко говоря, не приветствовалось. Почему? И откуда такая смелость?*

— Конечно, такая нацеленность возникла не сразу. Я окончила университет буниноведом. Хотя тогда, в 1969 году, творчество Бунина еще выглядело экзотикой, работ о нем было мало, приходилось буквально идти по целине, самой разбираться во всем. Можно сказать, что тема русской эмиграции забрезжила уже тогда. Кроме того, Бунин еще не был тем неоспоримым классиком XX века, каким он является сейчас. Вопрос о том, какое место он займет в блестящей плеяде русских писателей, оставался открытым... И самое поразительное, что «второстепенным» он долгое время считался среди своих соратников по цеху. Блок в 1908 году после «сложнейших дум» записал в дневнике, что Бунин наряду с Куприным, Кондурушкиным (!) и Лазаревским (!) может быть отнесен к «маленьким современным писателям». Ну ладно Блок — он с высоты своего величия, может быть, и мог так выразиться. Но вот В. Буренин, отнюдь не первостепенный критик, в 1900 году зачислил, например, Горького в разряд таких «крупных второстепенных писателей», как Гаршин, Гл. и Н. Успенские, Лесков, Слещов, Левитов, Короленко, ну, пожалуй, Чехов! Про Горького не будем говорить! Но Чехов второстепенный?! Так что вопрос о месте, роли, значении писателя в контурах своей эпохи и в перспективе литературного развития — вопрос необычайно сложный и неоднозначный...

Поэтому можно сказать, что, занимаясь Буниным, я интуитивно подбиралась к своей выношенной и дорогой теме — писатели второго ряда. Теперь я подхожу к ней более расширительно: читаю на филфаке спецкурс «Забывшие и незамеченные

писатели Серебряного века». И даже забираюсь при этом в 20-е годы. Причем чем больше занимаюсь этой темой, тем больше вижу в возникавших ситуациях непредсказуемого, случайного, непредвиденного... Конечно, такого — кто был ничем, тот станет всем — не случается, но я оказалась свидетелем того, как были низвергнуты кумиры. И это особенно характерно для русской литературы, критерии оценки которой страшно зависимы от идеологии, актуальности, социальной направленности. Но весы могут качнуться и в сторону превознесения эстетических достоинств, и тогда то, что обращено к повседневности, социальному бытию, будет не замечаться. Собственно, при чем-то таком мы присутствуем сегодня, когда на слуху модернизм Серебряного века, его достижения и прорывы, а реалистическое направление по сравнению с ним выглядит поблекшим и малозанимательным.

— *Вы открыли широкой публике Никандрова, Чирикова, Лазаревского, Слезкина, Ивана Новикова (одна из последних книг). Вам не кажется, что Вы несколько запоздали с этими открытиями? Уникальную никандровскую «Скотину» прочли единицы, Лазаревского как никто не знал, так и не знают. Как Вы думаете, время большой литературы невозвратно ушло?*

— В том-то и дело, что это не большая литература. Я, даже занимаясь творчеством ценного мною писателя, являюсь противницей того, чтобы его приподнимать, обнаруживать какие-то неизведанные глубины. И в принципе не люблю работ, где наблюдается всемерное возвеличивание... Мне кажется важным видеть всю панораму литературы, улавливать все литературное движение в целом, что, конечно, невероятно трудно, учитывая наше русское литературное богатейшее наследие...

— *Воля Ваша, но не согласен с Вами насчет того, что Никандров и Лазаревский — не большие писатели. По сравнению с Прилепиным, Улицкой, Димой Быковым — это просто титаны!*

— Если сравнивать с многими современными писателями, выдающимися многостраничные тома по два-три в год (!) — то действительно гиганты! Но просто русская литература имела такую высокую планку в начале XX века, что некоторых наших современников — не то что во второй ряд, а в десятый не включили бы... Я с Вами в принципе согласна — но мне просто страшно выводить названных Вами литераторов в первый ряд, уж очень они своеобразны, неожиданны и, к сожалению, не всегда «держали» взятую высоту.

Без этих писателей искажается представление, нарушаются пропорции, возникает, например, убеждение, что Серебряный век — это субкульту-

тура, которая воплощается исключительно в модернистских новациях... Мне же представляется принципиальным обнаружить общее пространство, которое и отличалось тем, что находящиеся в нем хотя и говорили на разных языках, но при этом на одни и те же темы, поднимали одни и те же проблемы, касались одних и тех же вопросов. А когда слов не хватало — использовали, фигурально выражаясь, какие-то другие способы коммуникации. Меня к этому подтолкнула работа над докторской диссертацией. Она писалась мною в 90-е годы и была посвящена проблеме, от которой тогда откристились все, — марксистской критике. Это было по-своему безнадежное дело, потому что мой посыл — найти объективные критерии оценки этого явления — не мог прийти по душе ни правым, ни левым. Одним — потому, что я попыталась обнаружить позитивное в литературном марксизме (а оно было, так как закладывались основы социологии литературы, только критики-марксисты занялись явлениями, чей эстетический язык, как они выражались, «мертв», но эти произведения не просто существуют, а читаются, оказывают свое воздействие и пр.), другим — потому что я перестала делать Ленина круглым отличником в области литературной критики (это при том, что критиком он по существу никогда не был!), к которому могли только приближаться наиболее достойные — Плеханов, Луначарский, Воровский, которые, однако, не заслуживали больше тройки-четверки. Я попыталась ввести марксистскую критику в атмосферу Серебряного века (а не сделать ее прозорливым лидером, опередившим свое время), показать, сколько критиков было заражено марксистскими и социалистическими идеями (в том числе даже те, кто «закрепился» в модернизме, такие как А. Чеботаревская и Н. Петровская, например), сколь разными они были, поскольку не существовало тогда «марксистского канона», в какой степени они были открыты иным веяниям и откровениям (например, махизм Луначарского или «шопенгауэрианство» Мих. Морозова). И уж совсем удивительной оказывалась эстетическая «всеядность» раннего Л. Троцкого, который подходил к искусству с точки зрения «ленинца будущего», приветствовал импрессионизм как городскую культуру и т. д. И вот они-то мне и показали, что не должно что-то выводиться на обочину, а если и выводится, то филолог должен объяснить функционирование, принципы существования этого явления. Они первыми обратились к массовой литературе, больше других писали о беллетристике и не отзывались презрительно даже о Вербицкой, чувствуя в ее произведениях симптоматику времени.

Поэтому мне и кажется, что, вводя в научный и читательский оборот неизвестные имена писателей «второго ряда», ты не просто восстанавливаешь справедливость, а учишь видеть панораму литературных событий. И только тогда ты сможешь понять и оценить значение великих — они потому и великие, что умеют собирать «по крохам» то, что, не замечая, «просыпают» менее одаренные, которые, даже совершив что-то значительное в литературном отношении, не понимают, что они сделали. И могут идти дальше опять по накатанной дорожке... Я, например, убеждена, что «ахматовская» тональность существовала в поэзии и до нее. Но она пришла и собрала все это воедино, осуществив тем самым невероятный рывок в сфере лирического. И еще меня всегда смущала и одновременно привлекала философская концепция Н. Федорова о воскрешении предшествующих поколений. Смущала потому, что не могу представить то столпотворение, которое возникнет при появлении этих вполне оформившихся физически тел. А вот воскресение в творческом облики — другое дело. И мне кажется, я и занимаюсь эти воскресением. Тем более что, в отличие от сегодняшнего дня, импульс к писательству у людей тогда был несколько иной. Писательство не обещало особого статуса и безбедной жизни (достаточно прочесть стенания Чехова о гонорах!), оно влекло чем-то иным: действительно хотелось заявить о себе миру, о своих чувствах, мыслях, переживаниях. Нечто наподобие слов Бобчинского: «Скажите всем там... что вот живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский». И вот мне безумно интересно прочесть этот «меседж» забытого, а может быть, и незамеченного при жизни персонажа, понять, что у него за душой. И знаете, чаще всего удается вычитать совсем неожиданное. Так происходят невероятные открытия. Тот же Никандров, которого, к слову, невероятно высоко ценил Солженицын и который действительно не похож ни по своему писательскому поведению, ни по своей писательской манере на кого бы то ни было... Какой-то грандиозный экспрессионист натуралистической закваски, создававший колоссальные застывшие фрески с нравственными уродцами и марионетками на них. Его «Скотина» тянет на притчу о Великом Обмане, который всегда совершается властью по отношению к человеческому стаду, «Зеленые лягушки» — анализ народной изворотливости, которая старается этот Обман обернуть себе на пользу, что-то на тему «вор у вора шапку украл», а «Профессор Серебряков» — сатирический гротеск на тему удачной покупки за небольшую цену лояльности интеллигенции по отношению к свершающим беззакониям...

Разговор поддержал Игорь Михайлов

Ничего лишнего

Максим Епифановский — молодой прозаик, он только начинает свой путь в литературе. Однако уже сейчас очевидно, что его рассказы освещены чеховской иронией и довлатовским юмором. И это не удивительно — ведь Максим, подобно Антону Павловичу, обременен медицинским образованием, которое заставляет пишущего смотреть на жизнь и ее героев несколько отстраненно, «диагностически», что не исключает ни сострадания, ни беспощадности. С другой стороны, в рассказах молодого автора, как и в рассказах Сергея Довлатова, присутствует неистребимый дух петербургской культуры — ведь оба выросли в добропорядочных интеллигентных семьях, а хорошее воспитание сказывается даже в фундаментальных особенностях литературного стиля. Читатель не найдет в рассказах Максима Епифановского ни лишних слов, ни лишних мыслей, ни модной лжи, ни пустопорожного многословия...

Уверена, читатель согласится со мной — молодой автор в форме литературного коллажа (цикла малоформатных рассказов) смог запечатлеть подлинные особенности того образа жизни, который свойствен нашему молодому современнику. Он смог отобразить часть настоящей, реальной действительности. Это требует честности, мужества и беспристрастного самоанализа.

Кто знает, возможно, впоследствии мы увидим Максима Епифановского как автора замечательных произведений крупных форм, возможно, подобно своим литературным предшественникам, он создаст интереснейшие повести или пьесы... Несомненно одно — реализация таланта зависит только от усилий и характера его обладателя. Самостоятельно убедиться в наличии этих предпосылок успеха, надеюсь, смогут и читатели журнала «Юность».

Наталья Гранцева, главный редактор журнала «Нева»

Рассказы из цикла «Беспечный студент»

Рисунки Елизаветы Горяченовой

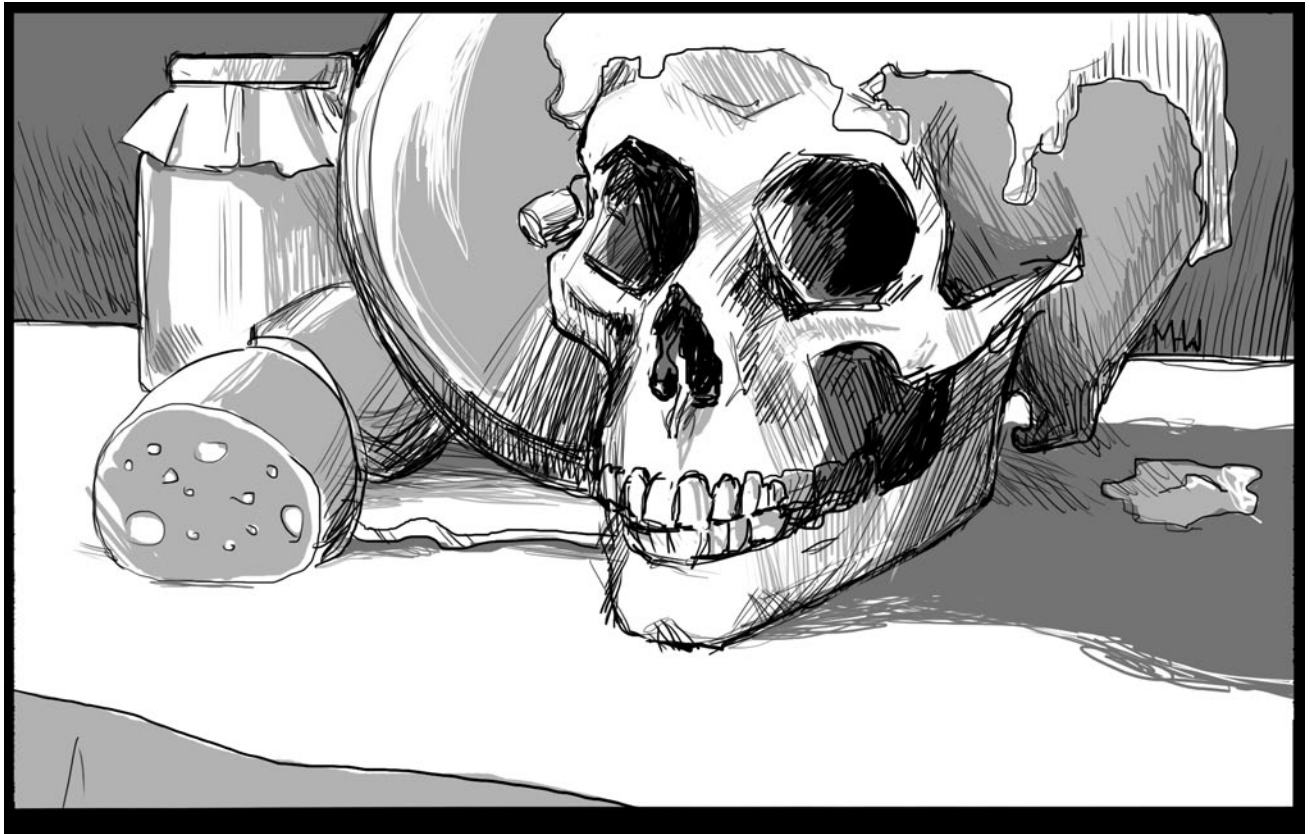
КУПЮРА

Конец августа. Летние каникулы закончены. Я опять вернулся в Питер. На Московском вокзале меня встретили два друга-сокурсника. Обливаясь потом, мы с огромным трудом дотащили мои баулы до общежития и устроили пиршество.

Длинный обшарпанный стол ломился от нежнейшего домашнего сыра и деревенских пахучих колбас, в тарелках между стогами квашеной капу-

сты важно лежали разноцветные маринады. Довершали картину бутылки молодого вина и рыжевато-го ганджубаса.

Весь вечер мы предавались юношеским мечтаниям, набивая брюхо всем, что красовалось на столе. Обычно после застолья Серега и Толик отправлялись домой, но в этот вечер я оставил их у себя. Толик еле держался на ногах и самостоятельно до дома

бы не добрался. Серега не смешивал алкоголь и пил исключительно вино. Выглядел он вполне благопристойно и мог ехать домой, но остался за компанию. Благо мои соседи еще не вернулись из родных мест, и кровати пустовали.

Утром проснулись поздно. Голова нестерпимо трещала. Мозг, словно набухающее тесто, пытался выбраться из костной кастрюли. Отпились чаем. После прогулки по набережной полегчало. Я проводил друзей до метро и вернулся в комнату наводить порядок. Перемыл посуду, вынес мусор. Подметая пол, под столом обнаружил собственный кошелек... Пересчитал деньги — не поверил! Пересчитал еще раз, разложил купюры на покрывале. Сомнений больше не было — из выделенных родителями на семестр денег не хватало пятидесяти рублей. Все распланировано. На эту сумму я мог прожить неделю. Приличная дыра в бюджете. Меня обворовали! Но кто?

Я принялся рассуждать. Пили мы втроем. Путем несложных логических рассуждений я понял, что деньги стащил Серега. Только он мог совершить этот скверный поступок. Сергей жил бедно и частенько брал у меня в долг. Вчера, пока мы курили

на улице, он оставался один в комнате. Вот тогда-то и вытащил из кошелька, в надежде, что я не замечу, одну купюру.

При встрече я отвел Сергея в сторонку и обвинил в краже.

— Бред какой-то! — воскликнул побледневший Сергей. — Думаешь, я тебя обокрал?

— Больше некому.

— Вот те раз! А почему не Толик?

— Толик так напился, что с трудом понимал, где находится, — хладнокровно ответил я.

Сергей стал меня избегать. К моему удивлению, Толик общался со мной сдержанно, предпочитая общество Сергея. Я начал подозревать в краже и Толика. Раз он продолжает дружить с вором, то не исключено, что и сам замешан в этом деле. Пока один отвлекал, второй тащил деньги из моего кошелька. Я перевелся в другую группу, замкнулся в себе и с бывшими друзьями не общался.

Через месяц сосед по комнате, одолживший на вечеринку мой костюм, протянул мятые пятьдесят рублей.

— У тебя в заднем кармане брюк лежали, — пояснил он.

ЗАЧЕТ

На втором курсе медицинского института я ни в чем себе не отказывал, катался как сыр в масле. Отец, ведущий пластический хирург, изменивший лица и силуэты доброй половине городского бомонда, регулярно снабжал меня деньгами, выполняя любую прихоть. Вокруг меня кружили смазливые девицы, верные друзья в любую минуту готовы были прийти на помощь. Я носил модные шмотки, летал с отцом на симпозиумы за границу, а по окончании учебного года мне был обещан автомобиль.

Учеба давалась легко. Особенно биохимия, которой всех пугали в начале года. Ирина Сергеевна, молодая розовощекая хохотушка, любила студентов и никому не ставила отработок. О цикле Кребса и окислительном фосфорилировании я лишь только слышал, но по окончании семестра, как и все остальные студенты, получили зачет.

После Нового года Ирина Сергеевна ушла в декрет, и биохимической халашке пришел конец. Зинаида Генриховна, высохшая старушонка в серо-желтом халате, пропахнувшая «Беломором», строго спрашивала материал, отправляя неучей на отработку. Кроме того, ровно в 9:00 запирала дверь и опоздавших не пускала.

Я с головой погрузился в изучение гликолиза, окисления пирувата, регуляцию синтеза пиримидинов. зубрил от корки до корки, но каждый раз все равно получал отработку. Зинаида Генриховна презрительно смотрела на меня сквозь роговые очки и тщательно выводила жирную двойку в журнале. Кроме того, биохимия была утром в понедельник. Я, не в силах проснуться вовремя после выходных, частенько опаздывал. Количество отработок росло, но я не унывал — успею все сдать.

Ждать следующую пару в стенах института крайне скучно. Я направлялся к другу в общежитие. Степан учился на другом потоке, лекций не посещал и в понедельник утром всегда спал в своей комнате. Мы пили кофе и курили, бессмысленно убивая время. В один из таких понедельников, закуривая очередную сигарету, я вдруг осознал всю серьезность сложившейся ситуации — я не выхожу на сессию.

— Выпрут тебя из института, — грустно зевнул Степан. — Довела тебя старуха до армии.

— Что же делать? — растерянно спросил я, чувствуя, как зеленеет моя одежда.

— Это извечный вопрос русского студента. В академку тебе надо. Других вариантов нет.

— В академку? — изумился я.

— Что ты удивляешься? Взять академический отпуск — классический способ для нашего брата избежать знакомства с военкомом.

— Мне не дадут, — промямлил я. — Я здоров, как лось!

— Это тебе так кажется. Есть у меня знакомый на шестом курсе. Костыль. Будущий травматолог. Он тебе поможет.

— Смешная кликуха, — грустно улыбнулся я.

— Это фамилия. Костыль любит, чтоб к нему по фамилии обращались. Только делай ударение на <о>.

Вскоре Степан свел меня с будущим травматологом. Патлатый парень с хитрыми бегающими глазками не вызывал доверия, но других вариантов избежать армии я не видел.

— Комар носа не подточит, — уверял Костыль, нагло улыбаясь. — Мой хороший друг, тоже травматолог, оформит тебе справку. Напишет перелом руки. Ты правша? Значит, левой. Гипс реальный наложит. Декан никуда не денется. Академка в кармане. Завидую, отдохнешь полгода... Только это не бесплатно. Утром деньги — вечером гипс.

Объявленной суммы у меня не было.

Я долго не решался войти в кабинет отца, но время поджимало. Слезно жалуясь на старорежимную химичку и невозможность выхода на сессию, попросил денег на гипс. Отец тяжело поднял голову, сказал, что денег не даст, и отправил меня зубрить биохимию.

Последний день перед сессией. Я сижу в кабинете биохимии без зачета. За последний месяц я сдал несколько лабораторных работ, однако на сессию не выходил — слишком много отработок осталось. Зинаида Генриховна в своем серо-желтом халате безразлично листает журналы и на меня не смотрит, но я кожей, всем нутром ощущаю ее злорадство. Вокруг счастливицы получают зачеты. Их ждут экзамены, а меня — армия. Милости ждать не приходится. От меня все отвернулись. Даже отец.

В кабинет заглянула лаборант и позвала Зинаиду Генриховну к телефону.

Я остался один. Прекрасная возможность распахнуть учебник и поискать решение задачи. Но к чему? Даже если найду ответ, то это ничего не изменит. Пришло время прощаться с институтом.

Зинаида Генриховна долго не возвращалась. Наконец дверь отворилась, и старуха уселась в скрипучее кресло. Я медленно подошел к ее столу.

— Задачу не решил. Я, наверное, пойду.

— Ну куда же вы пойдете, Ефимов? — улыбнулась Зинаида Генриховна. — Я на вас столько времени потратила. Садитесь. Что у вас не получается?

Зинаида Генриховна любезно объяснила решение, а также прочитала трехчасовую лекцию по предмету. Напоследок я услышал о важности биохимии для будущего врача. Зинаида Генриховна расписалась в зачетке. Ошарашенный, я вышел из кабинета.

Долго терялся в догадках, но так и не понял, кто позвонил на кафедру и почему Зинаида Генриховна поменяла ко мне отношение. Так или иначе, но академка мне больше не нужна. Это главное.

Я последовал совету преподавателя и сдавал биохимию последней. Получил отлично. После экзамена около аудитории наткнулся на машину отца. Сильно удивился, но потом нашел объяснение неожиданной находке. Мой отец — доктор, и он вполне мог заехать в alma mater по врачебным делам.

— Соскочил, везунчик?! — услышал я за спиной знакомый голос. Обернувшись, увидел Костыля. Он все так же нагло улыбался. Я кивнул. Костыль махнул рукой и исчез за углом.

Вскоре появился отец. В руке он держал газетный сверток.

— Все сдал, — гордо похвастался я успехами. — Отлично по биохимии.

— Молодец, — с грустью в голосе похвалил отец. — Да уж... Зинаида Генриховна не изменилась, только постарела. Подарки не принимает. Принципы...

Отец разорвал газету, вытащил из справочника конверт.

— В институт надо проще одеваться, а если нацепил дорогой костюм, то смотри, кто рядом проходит. Ты с ней не поздоровался, вот и взъелась... Ладно, балбес, мне на работу пора. Из-за тебя операцию перенес. — Отец спрятал конверт в карман пиджака, а мне сунул справочник. — О машине и поездках забудь. Будешь все лето штудировать учебник.

Отец сел в машину и уехал, а я остался стоять около института с толстым американским справочником по биохимии человека.

ЭКВАТОР

— Гуляем! — воскликнул мой сосед, влетая в комнату. — Экватор пройден. Теперь и я старшекурсник!

Мишка плюхнулся на старый промятый диван и кинул зачетку на стол. Зеленая книжица лихо проскользнула сквозь грудку разложенных учебников.

— Сдал?

— Три балла, — словно хвастаясь, воскликнул Мишка. — Ну, твои предложения, Толян?

— Схема отработана, — ответил я спокойно. — Водка да пельмени...

— Душа требует не только хлеба, но и зрелищ. А что если нам с тобой рвануть в центр? Пивка попить, шары покатать?

— Отличная идея! Сто лет не играли...

Мы протащились по Невскому, свернули на Фонтанку и осели в бильярдной. Костяные шары глухо бились о борта, исчезая в лузах. Холодное пиво разгоняло кровь. Позади три года сплошной зубрежки. Настоящая медицина впереди! Теперь мы уже больше врачи, нежели студенты.

— Толян, мне здесь надоело, — пожаловался Мишка, осушив очередной бокал пива. — Пойдем куда-нибудь...

Мы расплатились и вышли на улицу.

— Вон отличное местечко. Прямо чувствую, — Мишка указал пальцем на неоновую вывеску. — Итальянский ресторанчик. Зайдем!

Денег у меня осталось мало — я заказал маленький кусочек пиццы и кофе. Мишка же, в деньгах никогда не имевший стеснения, продолжал кутить. Официантка в элегантном красно-зеленом галстуке, улыбаясь, подала тарелку сыров, пасту, пирог с начинкой и пиво.

— Мне пришла в голову отличная идея, — шепотом произнес Мишка, умяв свой заказ. — Давай смоемся по-тихому.

— Как это? — не понял я.

— Да так! Платить не будем...

Я решил, что Мишка шутит. Балагур и весельчак. Тем более прилично выпил. Вот и понесло парня. Но Мишка не унимался.

— Толян, ты когда-нибудь сбежал, не заплатив?

— Мне и в голову такое не приходило...

— Может, сегодня попробуем?

— Зря ты светлое с темным мешал в бильярдной! Это уже не смешно.

— Авантюризма в тебе нет, — удрученно отметил Мишка. — Адреналин знаешь как подскочит!

— Ты уже не платил, что ли? — удивился я.
 — Нет, но решил попробовать. Рванем к выходу, когда наша официантка скроется в подсобке. Если заловят — скажем, что покурить на улице захотелось.
 Я понял — Мишка не шутит. Еще чуть-чуть — и он метнется к выходу.
 — Давай в следующий раз. — Я позвал официантку и попросил нас рассчитать.
 Счет оказался приличным. Я выложил деньги за пищу и кофе.
 — Толик, заплати за меня? А я дома отдам, — жалобно попросил Мишка.
 — Слушай, я бы и рад, но у меня нет денег. Это последние...
 — Тогда плохо дело. — Мишка побледнел. — Мои еще в бильярдной кончились.
 Мне хотелось наорать на друга и узнать, какого черта мы поперлись в ресторан, но криком делу не поможешь.
 — Давай что есть! — скомандовал я.
 Я подбил все имеющиеся у нас деньги. Не набралось и половины требуемой суммы. Подошла официантка. Я не мог посмотреть ей в глаза.
 — Знаете... Так получилось... — начал я подбирать слова, тщательно рассматривая узор на тарелке. — У нас не хватает денег. Кошелек дома забыл...
 Я виновато поднял глаза. Улыбка слетела с губ официантки. Она молча развернулась и растворилась в зале. Вместо нее появилась пышногрудая женщина в сером костюме.
 — Ну, молодые люди, хорошо поели? — громко, на весь зал, поинтересовалась администратор.
 Мы не ответили.
 — Милицию будем вызывать?
 У меня все похолодело внутри.

— Не надо милицию, — взмолился Мишка. — Мы случайно просчитались. Давайте мы посуду помоем.
 — Посуду у нас есть кому помыть, — отрезала администратор.
 — Я могу шутки посетителям рассказывать, — предложил Мишка.
 — У нас серьезное заведение, Петросян. Что же с вами делать? Студенты?
 — С первого медицинского.
 — Будущие врачи, — администратор покачала головой.
 — Мы завтра принесем деньги. Честное слово, — пообещал Мишка.
 Повисла пауза.
 — Ладно, — смягчилась администратор. — Я вам верю. Идите. Жду вас завтра.
 Мы схватили куртки и пулей вылетели из ресторана.

* * *

Утром Мишка выпил две кружки чая и уселся смотреть телевизор.
 — Ты когда пойдешь в ресторан? — спросил я.
 — Зачем? Я вчера до отвала наелся! Хорошо покутили. Веселуха...
 — Долг вернуть. Забыл?
 — Да ну, — Мишка отмахнулся. — Обойдутся...
 — Ты же остался должен!
 — Толян, этот ресторан не обеднеет. Дерут втридорога. Они и так на нас заработали. Спишут, в конце концов... У тебя тоже голова трещит? Надо кофейку попить. Будешь?
 — Нет.
 Я открыл шкаф, достал заначку и вышел из комнаты.

КОНТРАКТ

Свобода может считаться истинной, если твой месячный бюджет состоит из собственно заработанных денег.

Многие из моих однокурсников уже работали. Кто на скорой помощи фельдшером, кто санитаром в больнице. Подобный заработок меня не устраивал. Я решил последовать примеру тех, кто устроился распространять лекарства. Изучив красочные буклеты, в изобилии набранные на специализированных выставках для врачей, я стал обзванивать фирмы. Удача улыбнулась лишь после десятка безуспешных бесед. Немецкая фар-

мацевтическая компания набирала сотрудников на временный проект. Меня записали на собеседование.

Офис компании в огромном бизнес-центре занимал целый этаж. Собеседование проводил выдающийся региональный менеджер в шикарном костюме, представившийся Алексеем. Он рассказал о столетней истории компании, о том, как маленькая лаборатория на окраине города благодаря упорству и труду со временем превратилась в мирового гиганта фарминдустрии. Сейчас компания синтезировала новые лекарства, и возникла острая необходимость

в предоставлении врачам информации о новинках фармацевтики.

Я рассказал о себе, причинах поиска работы, четко и откровенно ответил на все вопросы. Алексей проверил мои знания английского, сунув статейку из научного журнала. Собеседование проходило без нажима, но кабинет я покинул выжатый, словно лимон.

Алексей позвонил через день и поздравил с успешным прохождением первого испытания. Во втором туре меня ждет собеседование с главой представительства. Увэ Штер приезжает на следующей неделе. Я сходил в парикмахерскую, выпросил у брата костюм и на всякий случай выучил десяток фраз по-немецки.

Второй тур проходил в ресторане. Немец оказался не таким уж и страшным, прекрасно говорил по-русски. Увэ Штер поинтересовался моей мотивацией к работе и готовностью ежедневно в течение шести месяцев обивать пороги врачебных кабинетов. После бокала нефильтрованного пива немец погрузился в воспоминания об уже несуществующей ГДР, о крепком объятии старшего брата. Все его повествование сводилось к одному — необходимо много работать, кропотливо и честно. При этом глава представительства поглядывал на Алексея. Региональный менеджер под взглядом большого босса становился похожим на белоснежную скатерть и нервно поддакивал. В конце застолья Увэ Штер пожал мне руку и торжественно произнес, что с завтрашнего дня я могу приступить к работе. Оклад — сто пятьдесят долларов. Прикинул по курсу — почти девятьсот рублей. Сумасшедшие деньги для студента! Я почувствовал себя королем мира.

* * *

В первый день долгожданной работы я явился в офис на инструктаж. Алексей обрисовал задачу на ближайшие месяцы и схему работы. Вначале следовало посетить аптеку и добиться закупки лекарств у дистрибьютора, после чего можно отправляться в ближайшую поликлинику очуивать врачей.

Также Алексей сообщил, что принято решение о расширении штата. Открыты еще две вакансии. Срочно нужны адекватные люди. По моей рекомендации Алексей готов взять их на тех же условиях. Я сразу обмолвился о Кирилле и Тимофее, моих закадычных друзьях. Позже, вечером, я представлял, как мы втроем ходим по врачам и получаем сумасшедшие деньги. Однокурсники обалдеют, когда узнают о нашем везении.

Утром я позвонил в офис и сообщил Алексею, что мои друзья отказались от работы. Я врал, но считал, что поступаю справедливо. Я сам нашел эту работу и успешно прошел все этапы собеседования. Кирилл с Тимофеем получали же все готовенькое, палец о палец не ударив.

Вскоре в офисе Алексей познакомил меня с Оксаной и Лерой — новыми сотрудницами компании. Они, как и я, были наняты на полгода.

Все складывалось как нельзя лучше. Аптеки охотно заказывали лекарства, доктора расплывались в улыбке, глаза на презент от компании, а я каждый месяц получал конверт с хрустящими долларами. Кроме того, Алексей оказался чудным начальником. Он не проверял отчеты. Я стал приписывать визиты. Вначале было страшно, но со временем стал сочинять целые рабочие недели — все сходило с рук.

После собрания в офисе я с Оксаной и Лерой отправлялся пить пиво в ближайший бар. Мы перемывали косточки начальнику, смеялись над наивностью докторов и гордились непыльностью работы.

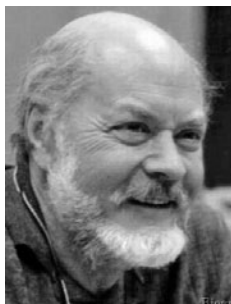
Шесть месяцев пролетели незаметно. Подошел срок контракта. На собрании Алексей намекнул, что, возможно, контракты будут продлены, но не со всеми. Компания выберет одного, может быть, двух лучших по результатам работы. Все решит Увэ Штер, который прилетает в ближайший понедельник.

Я вполне резонно полагал, что именно меня ждет продление контракта. С шефом отношения сложились, аптеки под завязку забиты лекарствами, довольные врачи строчат рецепты. К тому же я лично знаком с главой представительства. Оксану с Лерой он в глаза не видел. В лучшем случае возьмут одну из них.

В воскресенье мне позвонила Оксана и сообщила, что немец перенес встречу на вторник. Мы потрепались, обсудили шансы на продление контракта и распрощались. Вечером в понедельник, когда я наглаживал свою лучшую рубашку, мне позвонил Алексей. Он буквально вылезал из телефонной трубки, гневно сотрясая мембрану. Оказалось, Увэ Штер прилетал сегодня. Собрание в офисе состоялось. Девчонки красочно описали, что я сам отказался прийти. Мол, эта работа не для меня и мне надоело подделывать отчеты! Увэ Штер сделал выговор Алексею за непрофессиональную работу с персоналом. Девчонки продолжают работать, а я — уволен!

Лев АННИНСКИЙ

МОТЫЛЕК ОГНЯ НЕ БОИТСЯ

Очередная попытка смягчить армейские нравы начинается с донесения, что солдат первого года службы оказался (объявил себя?) девицей.

Крутой полковник, командир части, придя в ярость, приказывает доставить симулянта (или транссексуала?).

Солдатик (очень женственной внешности) просит отпустить его домой: в казарме ему быть невозможно, потому что в душе он — художник, он чувствует в себе талант (а то и гений) артиста, драматурга, режиссера...

На что полковник (очень мужественной внешности) отвечает, что вот честно служит, хотя в душе тоже, может, и художник, и артист, и талант (а то и гений).

На что собеседник (собеседница) достает томик Шекспира и предлагает полковнику немедленно попробовать себя как артиста в роли Отелло.

После недолгой разминки полковник входит в роль и, кажется, по ходу дела намерен придушить солдатика, вошедшего в роль Дездемоны.

Контрастная энергетика Ольги Авиловой и Александра Наумова насыщает сцену неподдельной эффектностью, которой я как старый зритель «Театра на Юго-Западе» охотно поддаюсь.

Размышляя же над увиденным, я хорошо представляю себе, что станет с нашей армией, но плохо представляю себе, что станет с нашим искусством. Олег Анищенко и Михаил Белякович, поставившие на сцене «Юго-Запада» пьесу Петра Гладилина «Мотылек», бережно сохраняют магическую загадочность сюжета...

А разгадка — на любом повороте, где стоит у нас настоящий полковник?

Или загадку и разгадку пора поменять местами?

Илья АЛЕКСАНДРОВ

Меня зовут Илья Александров. Родился в городе Загорске (ныне Сергиев Посад) Московской области в 1991 году. Начал писать стихи в десять лет. С 2006 по 2009 год посещал молодежный поэтический кружок «Зимнее солнце» в Сергиевом Посаде. В настоящее время — студент Литературного института им. А. М. Горького (четвертый курс, семинар Е. Б. Рейна). Работал театральным билетером и корреспондентом в издательстве.

Ценю в поэзии узнаваемость и музыкальность. Среди любимых авторов — Ф. Тютчев, О. Мандельштам, В. Ходасевич, Г. Иванов.

В моем понимании поэзия — это праздник. Пусть иногда и немного грустный. Какой он именно — сердца или разума, — каждый автор вправе определять сам. Главное, чтобы у читателя возникала необходимость повторять и повторять строки «в минуту жизни трудную». Это важная черта хороших стихов.

* * *

Л. К.

Хочешь знать о мелодиях детства?
Я Бетховена очень любил.
За отсутствие лжи и кокетства,
Просто так и за молодость сил.
И когда (раньше так говорили)
Я тихонечко пленку включал,
Мне казалось, что трубы трубили
И Бетховен из гроба вставал.
Так шагал, что морская пучина
Бушевала, качался сервант.
Все по клавишам бил клавесина:
«Людвиг Ван, Людвиг Ван, Людвиг Ван».
А в стране не хватает овсянки.
Быстро тонут надежд корабли.
Час не ровен — у мэрии танки.
И нулем обрастают рубли.
И отчаянный классик мой верный
Все играет, не может молчать.
Потому и не страшно, наверно.
Да родная «Симфония пять».

* * *

Сотни раз родные я пенаты
Электричкой синей покидал.
Механизм дверной молодежавый
Сам себя учтиво закрывал.

Как садился — крышею вокзальной
Город уходил за небеса
И романсом преданным, прощальным
Лабухи терзали голоса

Канифольным, старым, довоенным
Под баян, во здравие мехов,
И червонец падал вожделенный
В холщевую сумку, как улов.

Выдь, бывало, в тамбур, как на Волгу, —
Стон колес раздастся в пустоте,
И плывут за окнами подолгу
Косогоры, пашни, нивы те,

По которым часто из столицы
Богомольный иноков народ
К Троице и Сергию молиться
Проходил, как сонмище бород.

Трафарет гласил: «Не прислоняться»,
Прислонишься — оторопь берет:
Продолжает молча продолжаться
Нескончаем, долог крестный ход.

И, наверно, при таком раскладе
Человек всего лишь птаха, мышь...
...И внимаешь лабухов руладе,
И по жизни в тамбуре стоишь.

* * *

Троллейбус заденет рогами
Сирень на бульваре Тверском.
Теснятся дома номерами,
Ларек повернулся торцом.
Сквозь арку — и тихой разлукой
Пахнет, оглядишься едва...
В то время — как водкой и щукой —
Весной угощает Москва,

Шатаешься, малый с приветом,
Жизнь пишешь с пустого листа,
И кончится ль песенка эта,
Начнется ли музыка та,
Тот старый мотив безнадежный,
Где роза нужна соловью?
И форточки скрип осторожный
Потерянность лечит мою.
Поймешь без цитат и нотаций,
Найдя паутинную нить
Меж веток душистой акации,
Что совестно жизнь не прожить.
Что стыдно все это оставить,
Разбить, потерять, не сберечь,
И стоит — ни взять, ни прибавить —
Игра больше нескольких свеч.

* * *

Мы проснемся с ветродуем,
К променаду подойдем.
Смелость севера почуем,
Свежесть Балтики вдохнем.

У потерянных причалов
Раздается чаек клик,
На скамейке либералов
Хает в трениках старик.

Слышишь, будто барабанит,
Море грозное шумит?
Хореически буйнит,
Что-то важное сулит?

Кинь монетку — аверс, реверс,
Ляжет на морское дно
И судьбой янтарный север
Выйдет нам? Не все равно...

И откроет небо тайну
Через волны, вал, набег,
Что не встретился случайно
С человеком человек.

* * *

*Я на прогулке похороны встретил,
Близ протестантской кирки, в воскресенье...*

О. Мандельштам

Здесь высокое племя господ
Возлежит, и Смоленка течет,
Благородную кость омывает.
Бултыхает старинной водой,
Замерзает студено порой.
Здесь немецкая речь обитает,

Занесенная волей судеб
В одиночестве скованный склеп.
Если ворон прокаркает хамски
О свершении новой беды,
Будь спокоен (и можно на «ты»):
Этот ворон не наш — лютеранский.

Не одна послужная плита —
Чужеродной тоски правота, —
Прорастает холмом без ограды.
Говорит: мол, что хочешь проси,
Лишь грассируй, глаголов вкуси,
Словно рейнскую кисть винограда.

И последних скупых похорон
С четырех наступает сторон
Торжество и общины молчанье...
И, потерянный, рябью блестит
Нержавейки — советский гранит —
Кенотаф — перестройки преданье.

Продолжение. Начало в № 1, 2, 3 за 2012 г.

Рисунок Юлии Спасовской

ГАЙДЕБУРОВСКИЙ СТАРИК

РОМАН

Я видел, как он шел. Несмотря на мороз и ветер, его осанка оставалась подчеркнута прямой. Подбородок приподнят вверх. И широкий, размашистый, очень уверенный шаг. Ветер усилился. Снег падал на его черное пальто в клетку и русые густые волосы. Я был уверен, он прекрасно знал, что я наблюдаю за ним. И это гордое, благородное шествие мимо витрины, не иначе, было посвящено мне.

И в который раз за сегодняшний день я вспомнил великого умницу Андерсена. И его кривое зеркало, в котором уже отражался не здоровый симпатичный парень, пусть и неудачник, а зловещий гайдебуровский старик. Наверное, мне сейчас не хватало только Снежной королевы. Только она способна меня избавить от мук и терзаний. И тогда все проблемы будут окончательно разрешены.

Но поскольку Снежной королевы не предвиделось — похоже, она ходила в подружках у Романа, — у меня возникла дерзкая мысль поскорее смыться. Деньги были, чтобы уехать подальше отсюда и дожить свою жизнь без нужды. Но я вовремя этой мысли испугался. Меня непременно будут искать. И непременно выйдут на труп антиквара. Побегом я себе подпишу приговор. В конце концов, что они против меня имели? Абсолютно ничегошеньки! Сомнительные показания ненадежных свидетелей? В конце концов, я могу приложить все усилия, чтобы они признались, что их подкупила Тася. Именно этот человек объявил мне войну. Я докажу, что эта война началась в отместку. За увольнение. Вполне приземленная на сегодняшний день ситуация. Миллионы безработных желают начать войну. И это вполне справедливо. Если хотят — пусть себе ищут какого-то Гришку. Я еще могу порассказать про него. И доказать, что он просто смылся от надоевшей девушки.

Я расставил все свои доводы по полочкам, аккуратно, словно антикварные вещи. Я готов был их завтра же, если понадобится, продать, нет, отдать даром, нет, великодушно подарить. В этих доводах было мое спасение. Как, наверное, старик-антиквар видел когда-то спасение в своих молчаливых вещах. Я окончательно успокоился.

И мое спокойствие нарушило вечернее явление Таси. Это случилось, когда я, абсолютно расслабленный, сидел в кресле-качалке с откупоренной бутылкой коньяка и слушал Моцарта. В общем и в целом я в тот миг был счастлив. Насколько мог быть счастлив человек в моем положении. Но даже это хрупкое счастье Тася умела легко и безжалостно разбить вдребезги.

Я отпил большой глоток коньяка и по привычке заглянул за ледяную витрину. И увидел их. Тася и Сенечка стояли на тротуаре и что-то горячо обсуждали. Тася возбужденно размахивала руками, тащила Сенечку за рукав (явно ко мне), но тот упрямо отбивался и качал головой. Он был стойкий оловянный солдатик. Но это была бы не Тася, если бы она не выиграла битву. В запасе она всегда имела запасные маневры. Она прекрасно знала, как растопить сердце оловянного солдатика. Тася неожиданно резко притянула Сенечку к себе и поцеловала прямо в губы. Тася умела целоваться, я это прекрасно знал. И прекрасно знал, что сейчас оловянный солдатик сделает для нее все что угодно. И я не ошибся.

Через минуту они вдвоем были в моей лавке. Сенечка не рискнул пройти вглубь комнаты. Он остался стоять на пороге, смущенно переминаясь с ноги на ногу (лучше бы он просто неподвижно стоял на одной ноге). Сенечке было стыдно передо мной. За что? Конечно, уж не за то, что он бесцеремонно отбил де-

вущку у столетнего старика. Скорее всего, ему было стыдно за саму девушку. В отличие от нее самой.

Тася бесцеремонно подлетела ко мне, на ходу сбросив кроличью белую шубку, и затараторила, проигнорировав вежливое «здрассте».

— Я пришла за вещами, Аристарх Модестович! Где они?

Я молча указал ей на диван. Там лежали аккуратно сложенные пакеты. Я их сам сложил, зная, что в любой момент она может за ними явиться. И для меня желательно было, чтобы этот визит был краткий.

Тася засунула голову в сумки, перебирала вещи, мне кажется, пересчитывала их (она это умела, ее первый жених был бухгалтер). И тут же продемонстрировала память о своем женихе-счетоводе.

— Ну вот, — всплеснула руками она, — а где три бутылки «Мартини»? Нет, погодите, четыре! Да, именно четыре! Я же отлично помню.

В этом была вся Тася. Как всякий бухгалтер, она умела без зазрения совести шельмовать. Уж я-то отлично знаю, что выпил всего три бутылки. Но считаться я с ней не собирался. У меня не было жениха-счетовода. Я молча вытащил из бумажника деньги и протянул ей.

Она мигом пересчитала. И не нашлась, что возразить. Я намеренно дал ей гораздо больше. Но последнее слово она, как всегда, решила оставить за собой. Хотя я не сказал ни слова.

— А как же должок? — Она прищурила свои светлые глазки. — За последние дни.

Я вновь молча вернул ей долг. И вновь со значительной прибавкой. И ей вновь нечего было возразить моему молчаливому слову.

Сенечка так же топтался на месте и нервно покашливал. Ему не терпелось поскорее смыться. Сенечка был неплохим парнем и довольно щепетильным в человеческих отношениях. И тем более — бесчеловечных.

Тася загрузила парня пакетами и сумками, так же на ходу натянула белую шубку. И уже собиралась открыть дверь, как резко затормозила. И резко повернулась ко мне.

— А чего-то вы сегодня глухонемой, Аристарх Модестович?

Я упорно молчал. Не скажу, что это был мой придуманный прием. Скорее, сегодняшнее молчание было нечаянным. Но мне оно ужасно понравилось.

— Да-а, — протянула Тася, — старость не радость. Радикулит, склероз, скупость, а теперь вот еще глухота и немота в придачу.

На счет скупости эта чертовка явно соврала!

— А коньячок-то, несмотря на старость, попиваете. — Тася вернулась в комнату и бесцеремонно до-

пила остатки моего коньяка. — И картины весь мой выдули.

Сенечка кашлянул еще громче. Но на Тасю его кашель не подействовал. И она решила продолжить поединок слова и молчания.

— А к вам следователь этот заходил, да?

От коньяка Тасины глазки заблестели и стали еще нахальнее. А я нахально продолжил молчание.

— Это я заявление написала о пропаже Гришки!

Мне на миг показалось, что она потеряла кота по прозвищу Гришка.

— И свидетелей я нашла! — Тася откровенно меня провоцировала. — Милые такие люди. Сразу видно — очень честные. И семейные. И оленина у них замечательная! Всегда свежая! Я сама пробовала! Их показаниям в суде поверят с первого слова!

Тася никогда не смогла бы отличить свинью от оленя. И я мысленно заликовал. Моя война может быть запросто выиграна.

Неожиданно на первом этапе боевых действий Тася сдалась. Я ей наскучил. Она наверняка считала, что меня победила. Своим молчанием я притупил ее бдительность. Она еще не знала об отказе от свидетельских показаний против меня. К тому же новая искрометная мысль пронеслась в ее голове.

— Сенечка, а пойдём-ка отведаем оленину! Я так проголодалась!

Сенечка нагло содрал у меня сегодняшний имидж глухонемого. И в ответ только радостно кивнул головой. Он по-прежнему хотел поскорее смыться. Оленина так оленина! Это лучше, чем мой гордый независимый олений поворот головы в его сторону. К тому же я был уверен на все сто, что и он никогда не отличит свинью от оленя. Но по иным причинам, нежели Тася. Он был для этого слишком наивен.

Тася назло мне громко и шумно отворила дверь, пропуская Сенечку, загруженного с ног до головы пакетами. И на пороге как всегда обернулась. Ей непременно нужно было ляпнуть еще слово, иначе бы кусок свиньи не прошел в горло.

— Кстати, Аристарх Модестович! И не надейтесь, что ваш номер глухонемого пройдет в суде! Суд все видит! — сказала она так, словно речь шла о суде Божьем. Хотя, в принципе, на счет суда Божьего она была права.

А я сегодня угадал еще одно в Тасе. Она обожала судиться! И я мысленно перекрестился, что на ней не женился и вовремя от нее сбежал. Суды я физически не мог выносить. Хотя подозревал, что от Божьего суда никуда не деться. Но вот от земного... А земного мне необходимо избежать. Всеми путями, даже если эти пути ведут в ад.

Далее события развивались настолько стремительно, что я не успевал не только перебаривать

информацию, но и даже испугаться по-настоящему. Мне казалось, что все происходит во сне. И не со мной. А с настоящим Аристархом Модестовичем. Которого в перерывах между начавшейся бессонницей в короткие промежутки глубокого сна мучили настоящие кошмары.

Утром моими гостями были Тася, Сенечка и Роман. В общем, ворвалась целая банда во главе с атаманшей.

Тася по праву главаря начала первая, вновь не поздоровавшись. С каких пор ее манеры стали еще дурнее? Неужели с тех самых, как ее бросил философ Гришка Карманов?

— Так вот, Аристарх Модестович! — Тася стояла посреди комнаты, подперев руки в бока. — Были мы вчера в этой забегаловке! У Косулек!

— Приятного аппетита! — нехстати ляпнул я.

— Да уж! Наиприятнейшего! И какого, к чертям, аппетита! Если вместо оленины там подсовывают обычную свинью! Еще недожаренную! Уж я-то гурманша, я-то знаю! Что я, оленины не пробовала, что ли!

Я прекрасно знал, что оленины Тася никогда в жизни не ела. А вот свинина... Да уж, отбивные она любила. И методом исключения (помня жениха-бухгалтера) Тася таки сумела определить, что если это вкус свиньи, значит, не олень точно.

— Я уже на них жалобу накатала! Целую петицию! Будут знать, как обманывать благородных покупателей! Вот так! Еще их забегаловку прикроют, вот увидите! Я еще доберусь до суда!

У меня на глазах развивалась мания искового жалобщика.

— Мало того, что они шарлатаны! — Тася кричала все громче и громче. Ее щеки горели от возмущения. А вообще она была похожа в этот миг на обыкновенную торговку. Не олениной, а свиньей. Впрочем, это не имело значения. Особенно для несчастных животных. Которые, в отличие от людей, не имеют классовых различий, к какому бы классу ни принадлежали. — Мало того, что они аферисты! Так они еще дают ложные показания! То свидетельствуют против, то — за! А это называется — показания ненадежных свидетелей! И за это привлекают к уголовной ответственности! Вот так! — Тася громко стукнула каблучком. А у меня закралась смутное подозрение, не юрист ли ее третий жених. И я даже стукнул себя по лбу! Ба! Сенечка! Ну если не чистый юрист, то где-то рядом с законом стоит точно. Пока на дороге. Но для Таси достаточно и минимального юридического образования, чтобы из этого затеять максимальный юридический процесс.

Я внимательно посмотрел на Сенечку. И искренне поразился. Передо мной стоял не несчастный

оловянный солдатик, а я бы сказал — сержант, вернувшийся прямо с окопов! Нет — офицер, только что командовавший боем. Нет, генерал... Пожалуй, с генералом — это сильное преувеличение. И я вовремя остановил пулеметную очередь своих мыслей, как рядовой.

Да, сегодня утром был другой Сенечка. Что с ним могло произойти за ночь? Я совсем отупел. И посмотрел на Тасю. Что же еще! Быть в подчинении у нее — вот кто настоящий генерал! Генерал ночи. Что ж, похвально. Парни, подобные Сенечке, редко меняются. Они по жизни и порядочные, и совестливые. Чтобы их изменить, нужна только Тася. А Таси, как правило, для подобных им быстро находят.

Тася встрепелась и подбежала к Сенечке.

— Ну чего ты стоишь как истукан (вероятно, она имела в виду оловянного солдатика, но не читала Андерсена). — Ну же, говори! Все равно в суде выступать придется (при слове «суд» Тася мечтательно закатила глаза).

Сенечка сделал строевой шаг вперед. Откашлялся. Мне показалось, он вот-вот приложит руку к козырьку.

— Извините, гражданин Аристарх Модестович, — сурово начал он, и мне показалось, что меня оштрафуют на месте. — Но я привык говорить правду и только правду.

— И в чем твоя правда, Сенечка?

Сенечка на секунду смешался. Он и впрямь раньше говорил только правду. Но когда это было! Целые сутки назад. Сенечка вновь принял важный суровый вид, видимо, вспомнив минувшую ночь или в предвкушении ночи сегодняшней.

— Я со всей откровенностью вам заявляю, что собственными глазами видел в тот день, когда имел место быть ураган, что не иначе как к вам заходил гражданин по фамилии Карманов. Поскольку сам лично стоял на дороге и руководил автомобильным движением с помощью жезла.

Какая наглая ложь! И почему любовь с людьми вытворяет бог знает что! А может, и не знает. Но я почему-то на Сенечку зла не держал. И только в ответ печально вздохнул.

— Ну что вы на это скажете? Относительно гражданина Карманова? — Роман сощурил свои прозрачные глаза.

Ответ был у меня в кармане.

— Я постоянно смотрю на дорогу. И в тот день ничего не было видно. Я не видел гражданина регулировщика. Ответ напрашивается сам собой. Как в таком случае он мог видеть меня? — ляпнул я, забыв все меры предосторожности. И все резко ко мне повернулись.

— Вас? — удивленно переспросил Роман. — А он, возможно, вас и не видел. Нас вы не интересуете. Нас интересует Карманов.

Я равнодушно пожал плечами.

— Я сказал это для сравнения. Если он не видел меня, то Карманова тем паче. Ливень бил в лицо, все почернело вокруг. Одна сплошная серебряная пелена. Еще мою витрину можно было разглядеть, а вот гражданина Карманова... Более того, я вам скажу, ты уж извини меня, Сенечка... Но я тоже на ложь не способен. Так вот, следует проверить, что в такую бурю вообще мог делать регулировщик на дороге. Его машины бы точно не заметили и сбили в два счета. И вообще, на дороге могло возникнуть угрожающее аварийное положение. Но, как видите, Сенечка жив и здоров. И думаю, в милицейских отчетах будет указано, чем Сенечка занимался в тот злополучный день. Скорее всего, выяснится, что он сидел в участке за написанием важных бумаг и отчетов, ожидая, когда кончится дождь. А вместо него работал светофор. Знаете, светофор виден лучше в любую погоду, он поярче регулировщика. Человеческий фактор на дороге да еще в бурю — не самое удачное подспорье даже самой примитивной технике.

Но Сенечка не собирался сдаваться. Перед глазами маячила ночь с Тасей. И он сделал еще шаг вперед. Но уже менее уверенный.

— А может, этот парень заходил вовсе не в бурю. А после нее!

— Сенечка, — не выдержал я. — Вы так молоды, а память у вас никудышная! После бури вы пришли прямо сюда, помните? И еще мне аспирин предлагали, поскольку я был болен. Дождь еще шел, но чтобы буря...

Мне так хотелось добавить: еще тело антиквара не остыло, а мы впервые тогда познакомились.

Сенечка смутился и покраснел. А потом и вовсе испугался, когда Роман объявил, что проверит все факты. Выяснить, где в то время находился регулировщик, не составит большого труда.

Но Тася ни капельки не смутилась. Она даже еще имела наглость подбадривать Сенечку и подначивать на очередную дачу ложных показаний. Но Сенечка оказался непоколебим. Похоже, он уже с меньшей охотой думал о предстоящей ночи. Все-таки долг оловянного солдата оказался превыше долга полуночного ковбоя.

А потом события побежали вперед все быстрее и быстрее. Неожиданнее и внезапнее. Сенечка с Тасей исчезли (запилила его она, беденького, наверно). И не успел я очухаться, как Роман привел еще одного свидетеля. Роман все-таки настоящий профессионал. И кремень. Его с места не сдвинешь.

От слез и неудач не рассыплется в разные стороны. Даже от урагана.

После ухода Таси вскоре на моем пороге стояли Роман и новый свидетель. Я бы с удовольствием сказал, что свидетель — это неопределенное лицо. Просто лицо, дающее свидетельские показания. И мне не важно, какого он возраста, пола и как он по ночам спит.

Но это был другой случай!

Я увидел свидетеля. И мгновенно для меня приобрели значение и возраст, и пол, и как по ночам спит. Более того, мне так хотелось узнать — с кем. А еще более — как он к этому относится и существует ли на белом свете вообще тот, с кем можно спать по ночам? Так хотелось, чтобы не существовало! Я даже приосанился. Я даже пригладил приклеенную бороду. Я даже посмотрел в зеркало! И ничего хорошего там увидеть не смог. Старик.

Так бывает. Когда нравятся с первого взгляда. Более того, я уверен, что первый взгляд самый объективный. Конечно, потом возможны ошибки, разочарования. Но это ничто по сравнению с первым взглядом. Ошибки и разочарования все равно есть следствие любой любви. Даже если между влюбленными ничего не случилось. У каждого найдется свой типаж в симпатиях. Это бесспорно. Мы даже друзей выбираем по типуажу. Что говорить о тех, кого можно просто любить. И каждый из нас, когда встречает человека, лично понимает, может влюбиться в него или нет.

Я тогда влюбился. С первого взгляда. Фактически наугад.

Хотя не имел права и мое положение к этому далеко не располагало. Мало того, что я был преступником. Я оказался по воле обстоятельств еще стариком. И дерзко подумал — а вдруг в старика можно влюбиться.

Я влюбился.

Я, у которого совсем недавно была Тася! Я, у которого за плечами был груз убийства! Я, которому всеми путями нужно было выкручиваться из тупикового положения. Я, который в принципе никого не любил. И любить не затруднялся. Я взял вдруг и влюбился. Безумие? Нет. Безумнее влюбиться с первого взгляда. Не зная о человеке ничего!

Моя теория о типаже оказалась верной. Все влюбляются с первого взгляда, не думая, что будет потом. Потому что первый взгляд самый верный. Первый взгляд — это недомыслие. Это визуальность. И понимание. У каждого есть свой любимый типаж. И у каждого типажа есть каждый. Как у каждого человека есть свой автор. И у каждого автора свой человек.

Ко мне привели свидетеля. Именно привели. Поскольку свидетель очень стеснялся и смущался.

Это была девушка-цветочница. Хорошенькая девушка. Очень, очень хорошенькая. Смугленькая, черноглазая, черноволосая, так похожая на цыганочку. В длинной цветастой шерстяной юбке. На острые плечики наброшено мантио из искусственного черного меха. Это именно ее я мечтал когда-то встретить на размытой от дождя дороге среди разбушевавшейся стихии, укрыть плащом от ливня и предложить зонтик от Гашека. И только с ней поделиться новыми идеями, открытыми странами и найденным кладом. Которых у меня не было и никогда не будет.

Но она пришла в холодную зиму. Накануне Нового года. И в зонтике не нуждалась. Не знаю, как в остальном. И что самое трагичное, она действительно не умела лгать. Она оказалась самым опасным свидетелем.

— Ее зовут Дина, — сухо сказал Роман. Слишком сухо, может, она ему тоже понравилась? Я ошибся. Этот человек был безупречен, чтобы ему кто-то мог понравиться. Такие люди всегда ровны. С равновесием у них все в порядке. Их вестибулярный аппарат работает безукоризненно.

— Она даст безукоризненные показания.

Я посмотрел на Дину. И она посмотрела на меня. Вот! Это был тот взгляд, который называют магическим, возможно, взрывным, возможно, дальновидным. Это был взгляд людей, которые заинтересовались друг другом с первого взгляда. Нет, это невозможно. Бессспорно, я преувеличивал.

— Я дам показания, — тихо ответила она, не отрывая от меня своих черных пронзительных глаз. Она мучилась, я видел это, черт побери! Мучилась между возможной симпатией и кристальной честностью, которая эту симпатию вот-вот может разрушить. — Я дам показания, — так же тихо, но упрямо повторила она.

А я вдруг задумался об этом взгляде. В нем была заинтересованность, и в нем была страсть. Но неужели этот старый человек с седой бородой и седыми космами может внушить любовь? Это невероятно! Может быть, я напомнил ей любимого дедушку, которого она недавно похоронила? Как знать... Ну же, Дина, говори! Она тут же сказала:

— Я всегда продаю цветы. Вот здесь, за углом, рядом. Совсем рядом мой лоток. Возможно, вы, уважаемый Аристарх Модестович, не заметили?

Если честно, я не заметил. Кто замечает цветочниц, мясников и аптекарей? Особенно если не выходишь из дому. Особенно если ничего не хочешь у них купить.

— Извините, но я видела, что к вам заходил человек, похожий на этого. — Она ткнула пальцем в мое изображение, которое Роман всегда держал при

себе. Слово я был самым дорогим человеком в его жизни.

— Видели? — вновь в который раз уточнил я. И в который раз привел свои веские аргументы по поводу погоды. — Разве в такое время возможно было торговать цветами на улице?

— Я торгую в любое время, — вздохнула девушка. И встряхнула пышными черными волосами. — Даже если бы случилось землетрясение, все равно бы не бросила свой пост. У меня договор. И потерять работу... Нет, я себе это не могу позволить. Я слишком много теряла, чтобы обращать внимание на погоду.

Да, мое положение становилось более чем затруднительным. Девушка, в которую я влюбился с первого взгляда, становилась самым опасным для меня человеком.

— А вы видели, как выходил этот парень? — нахмурился я.

И мы вновь столкнулись с ней взглядом. Ну что это! Магнетический ток! От которого дрожь по всему телу. Взрывная энергия! И комната вот-вот взлетит на воздух. Ну, со мной все понятно. Но неужели она так горячо любила своего дедушку? Впрочем, всякое бывает. Я, к примеру, своего тоже сильно любил.

Цветочница вновь глубоко вздохнула. Я видел, видел, как она не хочет свидетельствовать против меня! Я ей был симпатичен! Но ее честность была гораздо сильнее любой симпатии. И таких людей я уважал. Хоть в моем положении сталкиваться с подобными людьми было не на руку.

— В том-то и дело, что я не видела, как выходил этот парень. Как заходил — да, помню отлично. А вот выходил... И мне это показалось странным. Почему он не вышел?

Мне стало ужасно тоскливо. Борьба с честным свидетелем, в которого я влюбился с первого взгляда, мне казалось не слишком этичным. Даже если бороться за свою жизнь. Но я попробовал.

— Дина, неужели вы запоминаете всех прохожих? Тем более случайных прохожих? Напротив вашего лотка кафе «У Косулек». И что, вы можете узнать всех, всех посетителей в лицо? Да еще вспомнить, в какой месяц, какой день, какой час каждый из них заходил туда и выходил? Вы просто какой-то феномен!

Мне показалось справедливым мое замечание. Это действительно казалось невозможным.

А Дина покраснела.

— Нет, про Косулек сказать ничего определенного не могу, чтобы наверняка... Но тот день... Он действительно был особенным. Он страшным был каким-то, — Дина поежилась. — Все такое черное, как будто уже никогда, никогда не будет света, как

будто все электрические провода перерезаны и никто, никто их не сможет уже починить. И солнце... Солнце тоже починить не сможет. Потому что некому. Страшно было... И я запомнила этот день. Людей на улице не было. Их и не могло быть, если они не сумасшедшие. Вот только этот парень. Хотя он не показался сумасшедшим. Просто он попал не на ту улицу и не в то время...

Она говорила настолько искренне и трогательно, что не поверить было невозможно.

И я, и Роман ей тут же поверили. Но в отличие от Романа моя вера не сулила ничего хорошего. Мне нужно было выпутываться из положения. Конечно, можно было на время появиться в облике Карманова, а потом вновь исчезнуть. Уже законно. Но меня это не устраивало. Антикварная лавка была окружена плотным кольцом. И Тася непременно бы заголосила о пропаже старика. Значит, была опасность, что прочистили бы магазинчик. И нашли труп. Тогда убийство было бы повешено на меня, Григория Карманова. Мне так не хотелось становиться убийцей. Я чувствовал, что пока безопаснее, чтобы дело вели против старика. Во всяком случае, труп Карманова они уже точно не смогут найти. Карманов пребывает в полном здравии. Второй вариант — это попробовать вспомнить вслух, что забегал некий парень на короткое время, чтобы укрыться от бури. Я человек старый, провалы памяти в таком возрасте вполне оправданны. А как вышел? А как вышел... Здесь уже понадобятся показания цветочницы. Очень честной цветочницы. И даже если она обожала покойного дедушку, души в нем не чаяла, вряд ли она отступится от своего. Я не был ее дедушкой. Я был всего лишь похож на него. Следовательно, нужно было подходить к проблеме с другой стороны. Остороженько подходить. На цыпочках. Еле дыша. Искать слабину в человеческой психологии. Я не был психологом, но философский окончил. А вся философия не иначе как равна психологии. И то и другое настолько зыбко, расплывчато и субъективно. И главное — всегда поддается разумной коррекции. Что ж. Это уже был вариант. Возможно, не самый лучший, а возможно, и самый — в моем-то не лучшем положении.

Я забросил руки за спину. Медленно и кряхтя, по всем правилам глубокой старости, прошелся взад-вперед по комнате. Резко остановился, словно что-то вспомнил и повернулся к маленькой цветочнице.

— Девушка, милая. Я вот подумал... Я долго живу на своем веку. И много видел. Да, я не часто перемещался из одного места в другое. И, по большому счету, я не путешественник. Скорее, я наблюдатель! Созерцатель, так сказать. Но сколько, боже мой, сколько я видел из своего окна! Возможно, гораздо больше тех, кто без конца общается, сплетничает,

обожает многолюдные компании. Кто совершает вояжи и кругосветные путешествия. Кто на практике, детально познает мир. Взгляд из окна — это посторонний взгляд. А еще вернее — взгляд постороннего. Как сказал поэт? Большое видится на расстоянии? Я бы посмел уточнить. Вернее и глубже видит тот, кто сам невидим. Я всю жизнь в некотором роде оставался невидимкой. Вот это стекло, тонкое, прозрачное стекло всего лишь отделяло меня от мира, — я легонько постучал по оконной витрине, — и я не существовал для мира. А мир для меня существовал, еще как существовал! Он был реальностью! Тогда как я был для него нереальным. Я знал все тайны этого мира, который мне их не доверял. И не знал, что я знаю. Передо мной могли разыгрываться страсти, проливаться слезы, сталкиваться машины и разбиваться вдребезги. И несутся, расталкивая всех, скорые помощи. И я видел толпу! Жадную толпу, ненасытную толпу, которая расталкивала друг друга локтями, чтобы посмотреть на что-то ужасное, на что смотреть нельзя, просто не положено, просто неприлично, просто преступно! Если ты не патологоанатом. Передо мной торжественно шествовали похоронные процессии под траурный марш Мендельсона! Как заметил еще один поэт? Все преходяще, лишь музыка вечна? Я посмею его тоже откорректировать. Не всякая музыка. Но траурный марш точно на все времена. И только я видел, как в этот печальный миг кто-то зевал (наверное, случайно), а кто-то не смог сдержать улыбку (наверное, от шока), а кто-то жадно пересчитывал деньги (ну, это уже вам судить — почему). Передо мной мелькали счастливые свадьбы под свадебный марш того же Мендельсона! И только я мог заметить, как жених, целующий невесту, косился на ее подружку. А та украдкой вытирала слезы и срывала лепестки у ромашки, украденной из букета невесты. Любит — не любит! Она до сих пор, когда гремел свадебный марш, еще на что-то надеялась. И я даже подсчитал. Вышло — любит! Поразительно! И я подумал: что будет после этой свадьбы? Много еще будет! На моих глазах одни объяснялись горячо в любви, а потом следовала резкая пощечина. На моих глазах разрывали свидетельство о браке. А потом она тайно вытаскивала его из мусорного бака и осторожно склеивала частички. На моих глазах какой-то подонки обокрал старика, столкнув прямо на тротуар. Бессмысленная кража — пустой кошелек. Старик этот все время побирается на помойках, тоже на моих глазах. А еще пьяные негодяи поломали ногу бездомной собаке. Я увидел ее позднее, когда она гуляла с перевязанной ножкой на поводке с одним из этих пацанов. Наверное, он протрезвел. Наверное, он бросит пить. Я видел, как он виновато целовал ее

в морду. И она лизала ему руки в ответ. Собаки умеют прощать все.

— А вот для вас многое непростительно, — в тишине комнаты раздался ледяной голос Романа. Кажется, моя комната заледенела и покрылась сосульками. Как в царстве Снежной королевы. — Вы были свидетелями многих преступлений. И, насколько я знаю, ни разу свидетелем так и не стали.

Честно говоря, я все это выдумал. Я эти истории предположил, но они приобретали для меня настолько осязаемый, реальный факт, что я сам в них поверил. Конечно, антиквар видел много. И мне почему-то казалось, он никогда свидетелем так и не стал. Это было не в его духе. Холодный созерцатель. Он словно наслаждался чужими победами и поражениями, чужой болью и радостью. Но никакого участия в них не принимал. Ему нравилось наблюдать. И чужие страсти он словно впитывал в себя. Как вампир питался ими. Свежая кровь. И жил ими. И, возможно, поэтому так долго жил. Если бы не я...

— Во всяком случае... Во всяком... Вы просто обязаны... Просто должны были вмешаться. — Цветочница неожиданно расплакалась. И я не знал, что с этим делать. У меня не было опыта утешать плачущих девушек. Тася не плакала никогда. Только когда ей было выгодно заплакать. Ну, словно натереть глаза соком от лука.

— Вмешаться? — я усмехнулся. Никто не заметил моей усмешки. Ее скрывала седая борода. — Нет, девушка, я не мог вмешаться. Меня не приглашали принять участие в этих представлениях. Я был всего лишь зритель, внимательно следящий за спектаклем. Кстати, благодарный зритель. Если бы я вмешался... Понимаете, был бы нарушен ход то ли времени, то ли чувств, то ли самой жизни. Поймите. Поймите меня правильно. Вот мы с вами здесь сидим, а где-то, возможно, совсем рядом, бушуют еще сильнее страсти и совершаются трагедии страшнее. Возможно, только стоит взглянуть в окно. Но ведь мы не вмешиваемся. И не бежим искать тех, кто в нас сейчас, сиюминутно нуждается. Мы просто мило беседуем. У нас все хорошо. А за окном, возможно, у многих и многих очень и очень плохо. Вот поэтому я выбрал застывшую форму существования. И друзья мои — вещи, тоже застывшая форма. Их эмоции уже в прошлом. И, поверьте, их было немало. Положа руку на сердце, в некотором роде я и сам уже застывшая форма. И много требовать от меня бессмысленно. А тут... Чуть ли не подозрение в убийстве. Поверьте, вы бы сделали мне комплимент этим подозрением. Убийцы — это живые люди. Я в некотором роде уже давно мертв. И все друзья мои мертвы. Не ждите многого от мертвецов. И не верьте в призраков.

— Я не знаю, насколько убедительны ваши аргументы для суда, — сухо заметил Роман. — Во всяком случае, у вас есть шанс на психиатрическую экспертизу. Если вы этого добиваетесь.

— А вот это вы напрасно! — я погрозил пальцем. — Подобного не добивался и не буду. Поскольку считал и считаю себя здравомыслящим человеком. Возможно, самым здравомыслящим из всех! Поскольку раскусил и человека, и его слабости. А это был всего лишь театральный монолог. К сожалению, люди отвыкли от подобных монологов. От этого они чужаются высокопарных слов, сантиментов и откровенной романтики. Поверьте, в веке, где царствуют грубые слова, небрежный тон и пренебрежительные фразы, преступлений гораздо больше. И было слово! Слово определяет нас. Даже если мы вначале говорим его просто так, чтобы понравиться, чтобы прослыть железным или независимым. Оно все равно потом нагоняет и портит, поверьте, сильно портит характер человека. И потом уже человек способен на подлость. Слово — это часть нас. Ну, это даже в некотором роде физиологический орган. Как рука, нога, горло. Мы сегодня боимся, чураемся, стыдимся красивых слов. Сможем ли мы красиво поступать? Если этот орган уже удалили? И что, вы думаете, станет с нами?

— В данный момент я думаю, в силу своей профессии, что стало с парнем по фамилии Карманов, — грубо отрезал Роман и почему-то посмотрел в окно.

Возможно, он захотел там увидеть, как избивают старушку, чтобы вмешаться в это преступление. И мне доказать свою участливую правоту. И свою доброту доказать Дине. Но ему не повезло. По улице лениво шныряли прохожие, бездумно гоняли машины и малыши играли в снежки. Безмятежный зимний день.

— Что стало с этим парнем? — Роман повернулся ко мне, и в его глазах зазвенели льдинки. Воистину повзрослевший Кай скоро получит мантию Снежного короля. — Его видел надежный свидетель. Как он входил к вам. А вот как выходил...

— Я попробую ответить и оправдаться за свой театральный монолог. Он и был в принципе в некотором роде моим ответом. Я действительно не помню этого парня. Но цветочнице я верю. Попробуем разобраться. Основное, что нас сейчас мучит, — почему он не вышел. Потому как если бы он просто вошел и вышел — все вопросы бы отпали сами собой. Или хотя бы просто вошел, а цветочница не заметила, как вышел, просто отвлеклась или что... Но меня поражает другое. Вы уже поняли, насколько я имею право называть себя хранителем чужих тайн. Попробуем раскрыть еще одну. Дина... Очень хорошенькая молоденькая девушка... Ей нужно добросовестно выполнять договор, чтобы ее не

уволители. И все мысли ее заняты только работой. Допустим, какой-то посетитель заглянул в мою лавку... Скажите, Дина, — я резко к ней повернулся, — вы за всеми следите, кто выходит, ведь на это у вас нет не просто времени, но и желания. Так не похоже, чтобы вы всюду совали свой остренький носик. Вы другая! В конце концов, просто кто-то мог прошмыгнуть! Да еще в такую погоду! Так нет, вы сознательно, повторюсь, вы сознательно ждали его. Почему?

Я когда-то видел, как краснеют девушки (кроме Таси, она не умела краснеть, разве если ее сознательно натереть свекольным соком). Но Дина не просто покраснела! Ее глаза засветились и прослезились одновременно. И мне показалось, что даже руки ее покраснели и слегка задрожали. Что ж. Хотя я и не был столетним антикваром, я угадал. Я не зря с отличием окончил философский.

— Я не хочу вас смущать, но, похоже, вы сознательно ждали этого парня. Вдруг он еще раз пройдет мимо вас. А вдруг повезет! И он бросит на вас заинтересованный взгляд. А вдруг повезет еще больше — и он влюбится в вас с первого взгляда! Как и вы в него влюбились! Вы не могли его пропустить! Вы слишком много ждали от этой встречи! Слишком! Ну разве я ошибаюсь?

Черт побери, меня уже этот Карманов начинал бесить. В него, видите ли, влюбились, я не ошибся. А меня приняли за своего любимого покойного дедушку. Разница существенная!

— И что это доказывает? — Роман вплотную приблизился ко мне. — Это доказывает, что девушка уж точно не могла ошибиться! В таком случае спрашивается вопрос — куда делся Карманов?

И вот тут я на всю катушку решил отомстить и Карманову, и этой влюбленной девице!

— А вам не кажется, что ответ тоже спрашивается сам собой? Мало того, что Карманов сбежал от Таси. Так на своем пути он встречает цветочницу, которая во все глаза пялится на него! Вы же честная девушка, скажите, пялились?!

— Ну, — цветочница опустила голову, она почти плакала. — Пялиться... Такое грубое слово, а вы так о словах говорили... Ну, в общем, смотрела...

— И он уловил ваш столь откровенный взгляд?!

— Думаю, да...

Я развел руками.

— И вы хотите, чтобы после всего, что было, он вновь пробежал мимо цветочницы! Ну уж дудки! Он же не мог знать, что она скромная девушка! Вдруг она хищница! Ему после Таси было не до этого! Он больше всего на свете желал покоя! А еще — чтобы кончился этот проклятый дождь!

— В таком случае куда же он делся? — Роман пожал плечами.

— А куда все деваются? Думаю, вы не раз попадали в подобную ситуацию. И если хочется сбежать от неугодной женщины, это всегда удается! Даже самые тупые и простаки становятся ловкачами, уж мне поверьте.

Я перевел дух. Да, нелегкое это дело — быть ловкачом. Даже если ты не самый тупой. И все же даже я (несмотря на то, что в прошлом был философом) не ожидал столь легкой победы. Даже я не мог рассчитывать (хотя Тася когда-то и жила со счетоводом), что девушка может пережить все что угодно. Только не это, когда ей в лицо бросают: от вас хотели сбежать. Даже самая честная девушка, какой и была Дина. Нет, вынести такого она не могла. Не понравилась парню, в которого влюбилась с первого взгляда? Что он сумел-таки от нее скрыться незамеченным, или выпрыгнуть в окно, или проползти под окнами. Только бы вновь не повстречаться с ней взглядом. Самое удивительное в этой истории было то, что я совсем не помнил цветочницу. Абсолютно! И мне казалось, ни с кем не встречался в тот день взглядом! Мне было не до этого. Когда кроссовки были забиты водой, а глаза слезились от ветра. К тому же где-то поджидала Тася, подперев руки в боки. Со своими вечными укорами и подсчетами неудавшихся со мной лет.

Но Дине я этого объяснить не мог. Она видела во мне старика, который так напоминал ее любимого дедушку. И все же она старику с вызовом бросила, хоть, я уверен, никогда в жизни не лгала:

— Возможно, вы и долго прожили на свете, уважаемый, — краска с ее лица спала, словно она тщательно смыла свекольный сок, — но вы не можете все знать на свете. Ну и что? Да, мне понравился тот парень! Ну и что? Но если бы вы вышли в тот день на улицу... Вы бы прекрасно поняли, что все углядеть было просто невозможно! Нереально! Этот свист ветра! Этот хруст веток! Это гудение проводов! Эта бурлящая пена под ногами! И я прекрасно помнила о своем договоре. Мне нужно было сохранить работу даже в такую страшную непогоду. В любую погоду! Это вы не теряли работу! Вам нечего было терять! А я... Я знаю, что это такое! И я не раз склонялась к цветам, чтобы проверить, все ли в порядке. Наверняка в это время он и прошмыгнул мимо меня! Да, да, именно тогда! Я теперь припоминаю, я словно почувствовала на себе пристальный взгляд! Мне кажется, он вообще у вас секунду пробыл, возможно, вы его и не пустили! На вас это так похоже! Человек, который с равнодушием наблюдает за чужими несчастьями из окна! Поэтому вы и не признаетесь, что он к вам заходил. Вы не пустили промокшего, продрогшего человека за порог в ливень. Только потому, что он не соответствовал вашим

представлениям об этикете! А возможно, вы так хотели увидеть из окна, понаблюдать, что с ним включится дальше. Вдруг вам случайно повезет и на него упадет дерево. Или в него ударит молния. Вам случайно не повезло? И вы не смогли его включить в свою коллекцию происшествий. Или сломанных вещей. Бедный парень! Если бы я знала! Если бы я тогда поняла, что это он на меня так смотрит! Этот взгляд просто пронзил меня. Но я не поняла. Была слишком плохая погода, чтобы вообще понимать.

Ай да Дина! Ай да борец за справедливость! Впрочем, у меня создалось впечатление, что она сама верила в то, что говорила. Ей было проще в это поверить, чем в правду. Человек часто блокирует правдивую информацию и выбирает ту, которая ему ближе, которая безболезненнее. Дина оказалась не исключением. Но она исключительно, сама того не желая, меня вырчила.

Роману оставалось только развести руками.

— Я долго проработал в УГРО, — обреченно вздохнул он. — И наверняка усвоил одно: свидетели — это самые ненадежные люди на свете. Иногда мне кажется, человек вообще не может быть свидетелем. Он гораздо сложнее прямых свидетельских показаний. Особенно в случае с происшествиями. У человека не одно зрение. Далеко не одно. А еще если подключаются мозг, чувства... — Роман махнул рукой. — Впрочем, это тема для диссертации. Но вам это неинтересно.

Нам это и впрямь было неинтересно. Каждый из нас думал о своем. И жил своим мозгом, своими чувствами и смотрел разными глазами с разных углов. В разные стороны. И хорошие люди бывают плохими свидетелями. А хорошие свидетели бывают плохими людьми. Впрочем, это тоже тема для диссертации. Но не по моему профилю.

Я услышал нервный щелчок замка. Роман ушел, не попрощавшись. Похоже, у него не клеилось дело. Похоже, он от меня устал.

Я остался с Диной наедине. Я так боялся, что вновь раздастся нервный щелчок замка. И она уйдет не попрощавшись. Тоже смертельно устав от меня. И я не мог допустить этого. И я решил предвосхитить, вернее, перечеркнуть ее возможный уход. Даже мысль об уходе. Но ничего путного не приходило в голову. Все идеи ее остановить сбились в одну бурлящую пену, так напоминающую ту, по которой я бежал в рваных кроссовках, чтобы укрыться в антикварном магазинчике от ливня и холода. И не обратил внимания на маленькую цветочницу. Которая влюбилась в меня с первого взгляда. Возможно, в тот злополучный день все могло бы быть по-другому, если бы я пересилил боль в глазах от ветра и хоть раз взглянул в ее сторону. Но этого

не случилось. Случилось убийство. Вместо любви. Как нелепо и глупо. Впрочем, иногда и любовь приравнивается к убийству. Но это не про тот дождливый грозовой день...

Вот сейчас... Она встанет с кресла.

Дина встала с кресла.

Сейчас скажет: «Ну, мне пора!»

Она сказала:

— Мне пора.

И пойдет к выходу.

Дина пошла к выходу.

Вот и все. Я, впрочем, оказался никудышной гадалкой.

У выхода Дина неожиданно резко обернулась. И кивнула на елку.

— Странно, сегодня Новый год, а она так и стоит неукрашенная.

— Новый год?! — я, пожалуй, больше опешил от этой новости, чем от того, что Дина задержалась у двери.

— А вы не знали?

— Не знал, — честно ответил я.

Боже, я уже перестал считать дни. Для меня все они сбились в одну кучу и были брошены вместе с убитым стариком туда, в сырой глубокий подвал, пропахший солеными огурцами. И превратились в месиво одного дня.

— Это неудивительно. Ведь вы живете в прошлом. Какое вам дело до настоящего? Особенно если оно не так уж хорошо. Вы счастливый человек, Аристарх Модестович. Вы, наверное, время измеряете веками. И великими событиями, и великими людьми. А мы живем по-другому. Мы считаем дни. Особенно до зарплаты. Иногда часы. Особенно когда ждешь окончания работы. Иногда секунды... — Дина запнулась. И мне казалось, она вновь покраснеет. Но почему-то передумала.

— И до чего же вы считаете секунды?

— Ну... Наверное, когда ждешь чего-нибудь важного или кого-нибудь, кто для тебя важен.

— Как вы ждали Карманова?

Дина вновь не покраснела. А мне так нравилось, как она краснеет.

— Это уже не важно. Он все равно пропал. И, возможно, никто и никогда уже не узнает, куда. Но иногда мне кажется, что люди лучше бы пропали вот так, незаметно и мгновенно. Это лучше, чем смерть. И лучше, чем видеть человека мертвым. Я так думаю...

— А зачем вам вообще думать о смерти? И, поверьте, это не лучше. Для родных это трагедия. Гораздо глубже, чем смерть. Надежда не всегда бывает спасательным кругом. Иногда это страшное наказание. Груз, который тянет на самое дно. Особенно

когда ждешь. Ждешь того, кто, возможно, никогда не придет. Представляете, что такое всю жизнь провести в ожидании? Всю жизнь бросаться к телефону или к двери. Всю жизнь жадно шарить глазами в толпе. И всю жизнь не спать. Чтобы не проспять того, кто, возможно, уже никогда не придет.

— Вы так говорите, словно знаете. Словно что-то... у вас... Или кто-то...

— Нет, Дина, я не знаю. Я всегда жил один. И никого не было на свете, кого бы я мог ждать. И никто на свете не ждал бы меня, даже если бы я пропал навсегда.

— Так быть не должно.

— Не должно, наверное, но бывает.

Впрочем, я не лгал. Я действительно был одинок. И никто у меня не исчезал. Просто я мог себе это представить. Наверное, потому, что когда-то по профессии был философом. Или, во всяком случае, мог бы им быть.

— И все же она не наряженная. Так быть не должно тоже. — Дина вновь кивнула на елку.

— Не должно, но тоже бывает. — Я улыбнулся. Я так хотел, чтобы она поняла мою открытую искреннюю улыбку, которую скрывали борода и усы.

Мне кажется, она поняла. И улыбнулась в ответ.

— Вот вы, Дина, и нарядите. Мне всегда казалось, что елки должны наряжать или дети, или молоденькие девушки. Это как-то правильнее. Но только не одинокие старики. Это противоестественно. Что делать одинокому старику под елкой, если он только не Дед Мороз?

Дина засмеялась. Мне нравилось, как она смеется. На щеках глубокие ямочки. И в глазах чертики.

— Вот я вас и развеселил. Значит, договорились?

— Мне бы очень вам хотелось помочь, Аристарх Модестович. И елочку жалко. Но у меня работа. И я не могу ее потерять. Меня сейчас заменяют, поскольку я была этим... ну, свидетелем. Не очень надежным свидетелем. А теперь нужно идти. Я даже и четверть плана не выполнила. Хотя это такая глупость. Ну вот скажите, кто будет покупать цветы в новогоднюю ночь?

— Это я вам уж точно не скажу. — Я развел руками. — Разве только какой-нибудь сумасшедший. Но это тоже ненадежный покупатель, как и свидетели.

Дина улыбнулась и распахнула двери. И у меня невольно вырвалось:

— Дина!

Только бы она не ушла, только бы не ушла. И я решительно направился к ящику с новогодними игрушками. Я знал, что эти игрушки не имеют цены. Эти самые хрупкие символы времени. Это не просто украшения. Это целая жизнь, длящаяся на протяжении нескольких веков. Когда и снег

был белее, и мороз сильнее, и дети веселее, и страна умнее. Но для меня это не имело уже значения. Ни цена безделушек, ни прошлые века. Для меня все было только здесь и сейчас. Я поставил ящик с игрушками на пол. И велел, по-моему, слишком сурово велел, чтобы Дина нарядила елку. Елочка-то совсем маленькая, недоросток, подросток, коротышка. Нарядить-то ее ничего не стоит. Всего каких-то жалких полчаса! И неужели Дина пожалеет эти жалкие полчаса для совершенно одинокого старика, нелюдима, в общем, довольно несчастного старика, который даже не похож на Деда Мороза. И которому, возможно, не так уж и много осталось на этом свете. И вдруг, конечно, не дай бог, этот Новый год для него последний. Так неужели такая хорошая честная девушка... Дина прервала мой бессвязный монолог. Последняя фраза о возможно последнем празднике в моей жизни, по-моему, ее окончательно добила. Мне даже показалось, что у нее в глазах застыли слезы.

— Прошу вас, не надо. Вы так похожи на моего любимого дедушку.

А дедушка окончательно добил меня. Но я решил пока его оставить в покое. И вновь показал Дине, как и чем наряжать елку. А сам объяснил, что нужно в эти полчаса сбегать в магазин. Поскольку кроме меня самого никто о празднике не позаботится.

— Но ведь вы никогда не выходите на улицу? — заметила Дина.

— Никогда — это громкое слово. Такого понятия «никогда» вообще не существует, запомни это, девочка. Все относительно. Если мы говорим «никогда», значит, подразумеваем «иногда, но бывает». — И я почему-то легонько щелкнул ее по носу. Она вновь засмеялась.

— Но, может быть, все-таки я бы потом, после работы вам могла бы...

— А вот в шестстве я пока не нуждаюсь. Хоть и глубокий старик. Но тебя я буду иметь в виду.

Я набросил на плечи дутую пеструю куртку антиквара и выскочил на улицу.

И зажмурился. Мои глаза прослезилась, словно на улице было много солнца и много света. Но уже вечерело. Я скорее зажмурился от того, что улица сама по себе существовала. Как данность. С непрекращающимся гулом машин, с неоновыми витринами, с ослепительными гирляндами, с хрустом снега под ногами сотен, нет, двух, нет, гораздо больше прохожих. И они все куда-то бежали, летели, неслись, боялись не успеть. Неужели они так яро торопились к новому году? Зачем? И что их может ждать в новом году? Неужели они не боятся того, что их уже поджидает? Но они надеются все равно на лучшее. Словно переступят порог нового года и по вол-

шебству окажутся на новой планете, под новым небом с новыми законами. В любом случае, на год они станут старше. И они тоже этого не боялись! И я почувствовал, что неожиданностей нового года и прибавки к годам опасаясь я.словно это антиквар думал за меня, словно это он по-настоящему боялся.

А еще я по-настоящему ослеп и прослезился от падающего снега. Боже, как это красиво! И почему я этого не замечал раньше! Ведь столько зим я пережил и столько раз торопился встречать Новый год. И лишь теперь, после затворничества (которое было не таким уж и долгим), я вдруг по-настоящему оценил красоту зимы. И все-таки через стекло они совсем другие. И зима, и улица, и люди. Нет, не лучше. Наверное, и не хуже. Просто другие. Они были настоящими, а не кукольными персонажами, играющими в спектакле, за которым я наблюдал каждый день. И я вновь физически, до боли в висках ощутил, что это мыслю не я. Это мыслит за меня убитый антиквар. Мне стало жутко. Я поежился. И повернул к цветочному лотку. Который действительно настолько нелепо выглядел на фоне сверкающих елок, снежинок, сугробов, шуб и меховых шапок, что я невольно улыбнулся. Страх прошел. Мне стало легче. Все же нелепости часто нам помогают. В трудные минуты. Может, стоило бы прописывать нелепости как рецепт от тоски и состояния угнетенности и страха. Жаль, что и эта идея не по моему профилю.

Среди белого падающего снега возвышались цветы. Розы, тюльпаны, гвоздики и даже подснежники! Алые, синие, желтые! Какие хочешь! Это они уже выглядели ненастоящими, кукольными персонажами, играющими в лето зимой.

А у цветочного лотка, притопывая ножками в сапожках гармошкой и прихлопывая варежками из верблюжьей шерсти, танцевала Косулька. Так вот кто заменил Дину. Никогда бы не подумал. Что ж, это ей делало честь. И я даже хотел поцеловать ей ручку, но она была в варежках. Поэтому я обошелся галантным поклоном.

— Это делает вам честь, милая дама!

Косулька захлопала заснеженными ресничками. И еще сильнее затопала ножками. Отчего «гармошки» еще больше сморщились и, мне показалось, издали даже мелодичный звук.

— Да уж какая честь, уважаемый, когда такая холдрыга на улице! Я сама скоро сосулькой стану.

— Ну что вы, какая же вы сосулька! — Мне так хотелось добавить: «Вы же Косулька». — А на свежем воздухе вы даже похорошели. И румянец на щеках. А то все в душном кафе, среди пара и угара. Вас родной муж не узнает, настолько вы помолодели, — не переставал изгаляться я. И подумал — зачем? Не знаю почему, но при виде Косульки меня несло. Все

время хотелось наговорить комплиментов. То ли я ее опасался, то ли видел, что она опасается меня.

— Ну, мой родной муж, уважаемый Аристарх Модестович, узнает меня при любой погоде и при любом свете. Точнее, без света тоже узнает. А на добром слове спасибо. Сразу видно издалека интеллигентного человека. Не то что эти. — Она кивнула на кафе, из которого выходили попеременно шатающиеся завсегдатаи. — Они и книжки ни одной не прочитали, и картины ни одной не видели. А я вот, по вашему умному совету, стала тут баловаться искусствами всякими. Коли вас заинтересует...

При слове «искусство» я весь содрогнулся. Но, как и подобает интеллигентному человеку, виду не подал.

— Еще как заинтересует. — Я изобразил на своем лице неподдельный интерес. — Всегда с удовольствием оценю ваши многочисленные таланты.

Косулька смутилась и махнула верблюжьей варежкой.

— А Дина чего, дала уже показания?

— Почти.

— И чего, против вас? Я вроде одним ухом слыхивала. А на первый прикид такая хорошая девушка.

— Хорошая, уважаемая, очень хорошая. За меня все показания были, а не против. Она же честная, как и вы.

Косулька окончательно растаяла. И впрямь сегодня для нее было уместно прозвище — сосулька.

— Честная... Только чего ей от этого. Она в торговле ничегошеньки не кумекает. Вон, за целый день ни одного цветка не продала. Я и то умудрилась за пару часов несколько букетов сбавить каким-то полупьяным дуракам. Им уже все одно было, что в дом тащить — елку или цветы. Представляю, как этими букетами жены их по спине огреют. Так им и надо! Нечего перед Новым годом напиваться. Всему свое время, я так понимаю, уважаемый.

— Вы очень мудрый человек, — не переставал я расшаркиваться перед Косулькой. Определенно, я ее боялся. — И воспитательную работу верно ведете. И в борьбе с пьянством активно участвуете. — Я ненароком взглянул на забегаловку, из которой по-прежнему выходили шатающиеся завсегдатаи, которым проворно подсовывала букеты Косулька. И дабы избежать следующей сделки, я выпалил на одном дыхании: — Я покупаю все!

Косулька непонимающе замигала и даже перестала прыгать от холода.

— Что — все?

— Все цветы. Абсолютно все. Без ограничений.

— У вас кто-то умер? — сочувственно спросила Косулька.

— Нет, у меня кто-то родился.

— Ну да! А все считают вас стариком. Может, вы просто неважно выглядите?

Косулька тут же засуетилась, собирая букеты в охапку. Они не вмещались в ладони. И одному их было не унести. Но Косульку это не смутило. Она проявила себя настоящим дельцом. Через несколько минут она поспешно складывала букеты в тележку, за которой сбегала к себе в кафе. Я от страха услужливо сделал еще один реверанс и протянул Косульке букет с подснежниками. Воистину сказочное время — подснежники в декабре. Косулька от неожиданности даже отпрянула от меня. И я, по-прежнему непонятно по какой причине ее опасаясь и желая все время угодить, схватил столько букетов, сколько смогла удержать Косулька, и сунул их в руки ей.

— Не перестаю вам поражаться, Аристарх Модестович. Неудивительно, что вы содержите антикварную лавку. Знаете, эти прошлые века прямо сама галантность. А старые вещи — и вовсе искусство. Вы, Аристарх Модестович, воистину художник. Мы с вами коллеги. Видеть вас — одна приятность, а то за целый день нахватаешься этих пьяных рож. И писать стихи даже нету мочи. Не то что рисовать. А с вами пообщаться — так сразу вдохновение и наплывает. Аж дыхнуть трудно. Аж эти цветы сразу и хочется нарисовать, правда? Так и чувствую себя премиленькой падчерицей из сказки «Двенадцать месяцев». Эх, и где мой белокурый Апрель!

Толстая румяная Косулька бросила подснежники в плетеную корзинку и мне как-то сальненько подмигнула. Хотя я был похож на Апреля, как она — на падчерицу. И все же я не мог не признать, что она поэт. Иметь такое воображение! Косулька сделала глубокий вздох и попробовала изобразить реверанс, но ее сапожки лишь скользнули по льду, еще больше сморщились и гнусаво скрипнули. Косульку это не смутило.

Я покатил тележку домой. Снег падал на цветы. Они от этого только грустнели, опуская все ниже и ниже свои головки. Прохожие на меня поглядывали с нескрываемым сочувствием. Словно я действительно кого-то сегодня хоронил. А возможно, решили, что я везу цветы на свои похороны. И почему у людей такие мрачные мысли?

Я вез цветы Дине.

Дина долго не могла поверить в предновогоднюю сказку. Ведь их не бывает! Они закончились в детстве, когда мы узнали, что Деда Мороза нет. А Новый год, по сути, — это надуманный праздник для отсчета следующих месяцев, недель, дней. Каждый Новый год у нас крадет еще один год. И взамен мы ничего не получаем.

Дина от удивления присела в кресло и сложила перед собой ладошки.

— И все? Значит... Значит, я теперь свободна?

— Все, Дина. План вы выполнили. Точнее, пере-выполнили. Впору вашему хорошенькому личику на доску почета. А вы теперь имеете полное право на отдых.

Я бросил взгляд на елочку. Она стояла в уголке гордая, веселая и нарядная. Сколько игрушек украшало ее! И фабричных, и самодельных. И стеклянных, и фарфоровых, и картонных. Сколько поколений разместились на ней! И у каждого поколения свой символ. И ангелочек, и рождественская звезда, и кремлевские башни, и лыжник, и початок кукурузы, и спутник. Я даже чувствовал запахи разных времен. Удивительно, я чувствовал, остро чувствовал запахи прошлого. Но сегодняшнего дня я не ощущал вовсе. У сегодняшнего не было запаха. Не было символа, знака, даже значка. И какие сейчас можно придумать новогодние игрушки, чтобы спустя века определить по ним время? Даже страшно представить. Гайдебуровский старик? Зловещий и кровавый. Который навсегда украдет время. И ничего уже не будет. И никогда. Нет, лучше ничего не надо придумывать, чтобы не пугать детей в новогодние праздники. Им пока хватит и прошлого. И, возможно, они еще смогут дождаться будущего.

Вскоре моя антикварная лавка была украшена и цветами, которые мы с Диной расставили по вазам и банкам. Лето и зима уместились в одной комнате. Им больше нечего было делить.

Старость и юность уместились в одной комнате. А вот это было противоестественно. Но, в принципе, возможно. И мне было очень грустно, что я не мог вновь превратиться в парня Гришку, в которого с первого взгляда влюбилась Дина. Как все тогда было бы просто.

— Я даже не знаю, чем смогу вас отблагодарить, — смущенно сказала Дина.

— А я знаю. Вы проведете со мной Новый год. Не откажете в этом удовольствии одинокому заброшенному старику? Или у вас другие планы?

Мое сердце дрогнуло. У такой хорошенькой девушки наверняка запланирован Новый год.

— У меня нет других планов, — улыбнулась хорошенькая девушка.

Солгала, чтобы не обидеть одинокого заброшенного старика? Или действительно... Не стоит на этом заострять внимание. Это уже не важно. Новый год будет наш.

Новый год неумолимо приближался. Странно, ведь и я стану на год старше. Только никто об этом не узнает. Все будут думать, сколько мне лет? Сто? Сто один? Сто два? И никто, никто не узнает, сколько на

самом деле. Об этом не узнаю и я. Я не увижу первые морщины на своем лице. Не прикоснусь к складкам у уголков губ. И не почувствую, как круги под глазами темнеют. Какой удручающий парадокс. Я не буду стареть. Я старым стал мгновенно. Все боятся старости. А я боюсь вновь стать молодым. Вернее, не боюсь. Просто у меня нет выбора. И никогда девушка, которую я полюбил с первого взгляда, не станет моей. И не ответит взаимностью. Хотя все, все таким могло быть простым и ясным.

Я вытащил из холодильника запотевшие бутылки вина и шампанского, сыр и консервы. Довольно дурно для праздника. Но Дину за продуктами я не хотел отпускать. Я боялся, что она растворится в метели и не вернется. Или встретит в заснеженном лесу белокурого Апреля. Конечно, она честная девушка. И если пообещала, вряд ли бы оставила одного старика. И все же... Мне казалось, что не все от нее зависит в новогоднюю ночь. Ведь еще могут встать на пути Снежная королева или Снежный король, чтобы во вьюжную ночь умчаться девушку на санях в свое холодное царство. И превратить ее сердце в ледышку.

Дина все понимала. Как мне нравилось ее понимание! Она не предлагала сбежать за продуктами. Она чувствовала, что я боюсь остаться один.

— Эту посуду можно брать? — Дина указала на фарфоровый столовый набор в мелкие розочки.

— Я думаю, граф Шереметев бы не обиделся, — усмехнулся невесело я. — Бери, Дина, бери.

Она испуганно поставила коробку с набором на место. И покачала головой.

— Посуда Шереметева... Нет, Аристарх Модестович. Есть из нее — это просто кощунство. Перед историей.

— Не говори так, Дина. — Я улыбнулся. — Возможно, и было бы кощунством, если бы она стояла в музее. А так... Ее купят какие-нибудь мордвороты с набитыми карманами. И ты думаешь, будут с благоговением смотреть на нее? И с придыханием вспоминать графа? О том, как он помогал крепостным? И деньги завещал бедным? И приветствовать его щедрость и меценатство? А потом бежать и повторять его подвиги? Сомневаюсь. Поверь, мы не самый худший вариант. И потом... Вдруг все это не правда? Все это вранье?

— Я не понимаю вас, Аристарх Модестович. Что вранье?

— Вообще все. — Я обвел рукой антикварную лавку. — И тарелки Шереметева, и зонт от Гашека. И чешмодан Менделеева, и часы почти что от Андерсена, ну, его друга. Может, только ручка Ржешевского правда. Такое трудно придумать. Впрочем, нет. Все, все вранье. И все, все ненастоящее. И даже я...

— Зачем вы так. — Дина присела передо мной на корточки. — Вам же лучше знать, что это не подделка.

— Никто этого не знает, Дина, никто. Мне иногда кажется, что все, все в мире подделка. Не только эти вещи. А все. И наши чувства. И если нет чувств — тоже подделка. И луна на небе подделка. И снег. И этот город ненастоящий. И его фонари. И его машины. И регулировщик на дороге тоже фикция. И подснежники зимой — это не правда. И весной тоже. Все, все подделка. Весь наш мир подделка. И все мы. Все понарошку. Но где-то, возможно, есть настоящий мир. И настоящая жизнь. А это... Это всего лишь репетиция. Репетиция спектакля под названием «Жизнь». Кто-то на главных ролях, кто-то на второстепенных. Кто-то справится с ролью, а кто-то нет. Кто раньше вылетит из спектакля. Кто доиграет до конца. А потом спектакль понарошку закончится. И возможно, начнется по-настоящему. И каждый уже станет собой. И чувства его станут настоящими. И бесчувствие. Кто что заслужил, играя в спектакле. Какое количество аплодисментов. Но мы об этом никогда не узнаем. Пока не умрем. И не узнаем, на самом ли деле существует настоящий мир. Пока не умрем. Ад и рай. И почему все так этого боятся? Каждый из нас на земле хоть раз в жизни, но пережил или переживет обязательно и рай, и ад. И, пожалуй, в гораздо большей, обостренной степени. В том, другом мире, возможно, все гораздо проще и безопаснее.

Я произнес свой более чем удручающий монолог. И только тогда увидел, что Дина плачет, опустив свою голову мне на колени. Я погладил ее по длинным пышным волосам, как маленькую. На большее я не имел права. Хотя все права, по сути, у меня были. Но я не был настоящим. Я был понарошку.

— Знаете, Аристарх Модестович, — Дина подняла заплаканное лицо, — перед Новым годом часто такие мысли бывают. Грустные. И кажется, все напрасно, что было. И что будет — тоже будет напрасным. Перед Новым годом. Это очень похоже, как и перед днем рождения. Эти праздники так сравнимы. Потому что только в детстве они бывают по-настоящему веселыми и долгожданными. Потому что только в детстве все не напрасно. И всего достаешься, чего ждешь. И все настоящее... Я вас понимаю, Аристарх Модестович.

— Это уже хорошо, Дина. Хоть мы такие разные, вернее, в разной возрастной категории.

— Для понимания возраст не имеет значения.

Мы замолчали. Я по старой привычке (вернее, по старой привычке настоящего антиквара) заглянул за окно. Снег кружился, вальсировал. И ему прохожие

уже не мешали. Прохожие ждали поскорее стать на год старше. На улице заметно поредело. И только неугомонные машины по-прежнему носились. Машины не думают о том, как побыстрее отпраздновать старость. Они вообще не думают. Хотя тоже старят-ся. И ломаются. И ржавеют. Впрочем, как и все мы.

Вдруг я заметил промелькнувший силуэт. Я сощурился. Кто-то явно подглядывал в мое окно. Кто-то явно хотел подсмотреть за моим праздником. Ну безусловно! Кто же еще! Я отчетливо разглядел Косульку. Ее любопытство не знало предела. Впрочем, любой бы на ее месте захотел узнать, для кого сумасшедший старик скупил все цветы. Я дружелюбно махнул Косульке рукой.

Вскоре она топталась на моем пороге, стряхивая снег с кривых сапожек. В руках она держала огромную плетеную корзину, в которую недавно сгрузила подснежники, как падчерица из сказки. Теперь корзина была полна еды. И мне это пришлось по вкусу.

— Так сказать, от нашего стола — вашему! — Косулька покраснела, видимо, осознавая свое неумное любопытство. Но ее носик при этом лез во все щели, чтобы увидеть, кто сидит в кресле. Но с порога было плохо видно. Плетеное кресло было огромным. И маленькая Дина буквально утонула в нем с головой.

— Благодарю, это такая щедрость, такое великодушие. — Я продолжал бояться Косульку. Но при этом раскинул руки в стороны, якобы для излияния чувств. Я должен был огорчить Дину.

— Ну что вы, любезный! Как не поздравить такого многоуважаемого соседа. Можно сказать, долгожителя. Грех, да и только. К тому же и в магазин вы не ходите. Вот только сегодня цветы и купили. А к чему, спрашивается? Все, все у вас в цветах. Красиво... Но цветами не накушаешься. Мы же не травоядные, — хихикнула Косулька, довольная своей шуткой. — А в вашем возрасте нужно правильно питаться. Разумно. Диета — прежде всего.

Я не подпускал ее близко к Дине. Ей не обязательно было знать, кто у меня в гостях. Но благодарно принял дары. Они были кстати. И легонечко пытался придвинуть Косульку к выходу. Но она сопротивлялась до последнего.

— Ох, Аристарх Модестович. — Косулька издала глубокий вздох. — Поди, невесело справлять Новый год в одиночку? А может, не побрезгуете и к нам соизволите, в наш ресторан заглянуть? Может, там и не люди искусства. Но ведь веселье! А к чему, если разобраться, искусство на Новый год? По праздникам, согласитесь, разлюбезный, искусство ни к чему. Только мешает радоваться. Это занятие для серых, тоскливых, даже убогих и лучше не солнечных буд-

ней. Когда и делать-то нечего. Вы согласны, уважаемый?

Я искренне согласился. Но понимал, на что намекает Косулька. Ей нужно было всеми путями узнать, с кем я собираюсь остаться в новогоднюю ночь. Но я держался, как на допросе.

— Я вам премного благодарен, милая. Но... — Я запнулся. Я не знал, как выкрутиться, подзревая, что Косулька была не из тех типов, которые уходят без информации. Возможно, она даже пытками не побрезгует. Пусть и словесными. Я ее по-прежнему боялся. Как в детстве боялся соседки снизу или сверху.

Но неожиданно раздался звонкий уверенный голос.

— Он не один будет праздновать Новый год. — Дина поднялась во весь рост. И повернулась к нам. Чтобы ее можно было лучше разглядеть.

Косулька аж присвистнула. Я и не знал, что она умеет так здорово свистеть. Может, у нее еще есть голубятня? Не хватало, чтобы в ее забегаловке, ко всему прочему, вместо курицы подсовывали несчастных голубей.

А я в свою очередь, от страха перед Косулькой и неожиданности от вызывающего поступка Дины, схватил несколько букетов, расставленных по комнате, и всучил их Косульке.

Та, кланяясь и пятась к двери, наконец пулей выскочила на улицу. Похоже, новость для нее была шокирующая. Старик и маленькая цветочница.

Я вытер ладонью вспотевший лоб. И посмотрел за окно. За окном стояла Косулька и проворно рассчитывалась с покупателями подаренных мною букетов. Похоже, таки она всех их сумела продать. Перед Новым годом! Я слишком о ней хорошо думал. Может, она и пишет по ночам тайно стихи. Или рисует картины. Но, похоже, цветы в ее искусстве не фигурируют. Торговля превыше всего. Интересно, на что она тратит деньги? На одежду уж точно нет. Скорее всего, она их вообще не тратит. Наверное, деньги для нее сами по себе произведение искусства. Впрочем, это не мое дело. И это вовсе не интересно. Но что нам приготовила Косулька, было весьма любопытно. А какой запах! Так цветы не пахнут. Косулька права — мы же не травоядные. Я поставил корзину на стол. И развернул пакеты. Пожалуй, она поторопилась намекнуть мне о необходимости диеты, в моем-то возрасте. Жирное перченое мясо (естественно, свинина, а не оленина), фаршированные селедкой яйца, огромная тарелка салата с курицей под майонезом. Глубокое значение правильного питания Косулька явно преувеличила. Но все выглядело аппетитно и соблазнительно. А на диетах я никогда не сидел.

— Вот так, Дина. У нас таки получится сегодня пиршество. Хотя сплетен не миновать точно.

— А вы боитесь сплетен? — улыбнулась Дина.

— Я боюсь, что боитесь вы.

— В таком случае нам обоим нечего бояться. Во всяком случае, мы за эту еду честно заплатили.

— Свежими цветами?

— Нет, свежими новостями. Новости стоят дорогого.

За окном щедро платили Косульке полупьяные завсегдатаи. А она, размахивая руками, кива-

ла в нашу сторону. Падали огромные хлопья снега. В темноте плохо был виден ее силуэт. Только белые снежные очертания. И Косулька так напоминала снежную бабу, которой хотелось насадить на голову алюминиевое ведро.

Мы с Диной переглянулись. И рассмеялись.

Я, наверное, никогда не забуду этот Новый год. Возможно, он был единственный счастливый. Хотя от него ничего я не ждал. И от последующих дней и лет тоже. Но та ночь... Когда за окном снег. Он сверкал желтыми искрами в бликах фонарей и яркой

луны. И звезды на елке горели. И бусы на елке переливались. На елке непременно должны быть бусы. Еще горел камин. И эти букеты цветов. Может, и не настоящих. Но все равно свежих, пахнущих весной или летом. Они были не к месту. Они были нехвата. И старые вещи вокруг словно оживали. Будто мы в комнате были не одни. Нас было много. Гостей из прошлого. И ни одного из настоящего. Потому что мы настоящего не хотели. Оно в тысячу раз было иллюзорнее, призрачнее, фальшивее. И только прошлое было реальным. Мы с Диной ушли в прошлое. Взявшись за руки, как верные друзья. Время, безусловно, остановить невозможно. Но нам с Диной тогда, в ту новогоднюю ночь, это все-таки удалось. Я даже остановил эти громоздкие часы с кукушкой, которые никто не останавливал со времен Крымской войны, ровно на двенадцати. Остановил время на время. Чтобы потом, потом, гораздо позднее, уйти в будущее. Мы так хотели там навсегда остаться, в новогодней ночи. Но это было невозможно. В прошлое невозможно уйти навсегда. Все время, шаг за шагом, секунда за секундой мы обязаны уходить в будущее. И мы туда уходим. Хотим или нет. А в прошлое уйти ненадолго, на одну ночь, возможно, только нам и удалось. Даже если это была иллюзия. Но кто знает...

— Знаете, Аристарх Модестович, — сказала мне Дина, — вот эти старые вещи, и этот Новый год... словно он тоже долго-долго пролежал в сундуке. И мы только сегодня открыли сундук и отпустили его на свободу. Кажется, сейчас начнется маскарад. Вам так не кажется? Маска, маска, кто вы?

Я вздрогнул. Кто я? И машинально схватился за бороду. Кто я на самом деле, мне кажется, я уже стал забывать. И это к лучшему.

— Это не так. Я не маска, Дина. Я настоящий. Я просто старик антиквар.

— Тогда — маска, маска, вы мне рады?

— А это так. Очень, очень рад. Очень рад.

Дина закружилась в чарующем вихре вальса Глинки. Маленькая, черноволосая, черноглазая, так похожая на цыганочку. Ей не хватало праздничного платья. И я открыл старый шкаф из дуба работы Карла Хельбига, декорированный маленькой ширмой ручной работы.

— Это платье фрейлины. Оно пунцовое. Такой цвет удивительно подходит к вашим черным волосам, Дина. Этот наряд для придворных дам был установлен особым законом аж около двухсот лет назад. Для каждого чина — свой цвет. Теперь все цвета перепутаны. Может, оно и к лучшему. Видите, вот здесь бархатное верхнее платье с откидными рукавами с разрезом, который открывает белую юбку. Правда, юбка пожелтела от старости. Но все равно платье выглядит еще очень красиво. Примерьте.

Дина мгновенно скрылась за ширмой.

Она меняла наряды, головные уборы, бижутерию и драгоценности. Перед моими глазами пробежали века. Вальсы, мазурки, полонезы. Танго, фокстроты, квикстепы. И Дина в каждом веке была гармонична. И наверное, в каждом веке смогла бы жить. И ее любили бы в каждом веке. И все-таки мне думалось, что я бы смог любить ее сильнее всех. Несмотря на наш циничный, бесчувственный и не любвеобильный век.

Удивительно, но за целую ночь мы так и не узнали друг друга. Она ничего не рассказывала о себе. Впрочем, я и не спрашивал. И о себе не рассказывал. Она не задавала вопросы. Мы говорили о времени, в котором приходилось жить вещам, окружавшим нас. Но не о людях. О людях мы как-то не думали. Как не думали о себе. Помню, только однажды Дина спросила:

— Аристарх Модестович, а вот если бы... Если бы вам предложили отдать все это... — Она худенькой рукой обвела мою лавку, где находились драгоценные антики. — ...ну, как бы расплатиться, чтобы вернуть молодость. Вы бы в один миг вдруг стали бедным, бездомным, голодным... Но молодым. Вы бы согласились?

Согласился бы я? Уже не знаю. В моих силах было в один миг вернуть молодость и завоевать Дину. И вновь стать бедным, голодным, бездомным. Нужен бы я ей был тогда? И завоевал ли? И что бы мы вдвоем делали? И не превратилась ли бы она в Тасю? И не пилила ли бы меня по утрам? И не подсчитывала проворно копейки? И не научилась ли бы подпирать руки в боки, искоса поглядывая на пустое место, где должен стоять кухонный комбайн? Но так и не стоял. Потому что мы его не купили. Я содрогнулся. Словно от холода. Хуже всего — я был бы не просто молодым и нищим, я был бы за решеткой. Мне не нравился Динин вопрос. Ответ я на него знал. Но Дине ответил другое.

— Возможно, Дина. Но только для того, чтобы завоевать вас.

— Но если я не в счет, тогда... неужели вам просто не хочется стать молодым?

— Знаешь, Дина, поверишь ли ты мне... Но я думаю, мало ли кто хотел бы повторной жизни. Честное слово, мало кто. От нее устаешь. И в ней много теряешь. И печалей в ней гораздо больше. И отчаянья. И ошибок. Даже если ты не очень беден и голоден. Все равно устаешь. Да и люди приедаются, и события, и вещи. И вновь жить, зная, что неизбежно состаришься, и неизбежно умрешь... От этой философии устаешь тоже. Может быть, если бы вернуть отдельные счастливые мгновения... И то зачем? Чтобы вновь увидеть родителей,

зная, что их потеряем снова? И вновь переживать эти потери? Или вернуть любовь? Зачем? Повторная любовь — это уже не любовь. Все это имело бы смысл, если бы мы ничего не помнили, что было с нами. И опять же тогда все бессмысленно. Что мы знаем тогда о счастливых мгновеньях? Мы не сможем даже узнать любимых людей. Это будут уже новые люди. И кто знает, вдруг мы уже бежим по кругу в сотый, тысячный раз? Меняясь судьбами и перетасовываясь, как карты. Где нет начала и нет конца. Как не знаешь, где кончается небо и где начинается земля. Разве не так? Но это тема не для Нового года. А для новой жизни. А новую жизнь мы еще праздновать не научились. У нее нет даты. Так что давай выпьем, Дина. Пока что за Новый год.

Мы вновь подняли бокалы с шампанским. И все равно это была самая счастливая новогодняя ночь в моей жизни. У меня слипались глаза. Похоже, утра я так и не дожусь. Я был стариком, которому трудно выдержать ночь. Но это к лучшему. Утром всегда все по-другому. А часы я переводить не хочу. Пусть продлится эта волшебная ночь. Даже если я половину ее просплю. Лишь бы подольше не наступало утро. Я уснул прямо в кресле, так и не дождавшись рассвета. И мне снилась и снилась эта волшебная ночь. Вернее, ее продолжение.

Утром я понял, что не ошибся. Ночь действительно была заколдованной. Колдовство рано или поздно утрачивает свою магию. Но чтобы настолько! Этого я предположить не мог.

Я открыл слипшиеся глаза. И увидел. Вернее, ничего не увидел. И поначалу даже не сообразил, что к чему. Моя антикварная лавка была пуста.

Я встряхнул головой. Я хотел еще верить, что это всего лишь новогоднее наваждение. Но вера не могла.

Моя антикварная лавка была по-прежнему пуста. Голые витрины, голые стены, голые углы — ни одной ценной вещи. Разве что я и кресло. Ну и, безусловно, современная мебель. Которая к тому же уже вовсе не казалась современной. А просто старой, облупленной, потертой. И прямо на кривеньком, пошарпанном столе — остатки недоеденной пищи от Косулек. Потому что посуда от графа Шереметева тоже благополучно исчезла. И посреди этой угнетающей пустоты — много, много разных, разных цветов. Словно я оказался в склепе. Словно меня заживо похоронили. И украсили память обо мне розами и тюльпанами, крокусами и даже подснежниками. Все-таки удивительны цветы сами по себе. Они одинаково могут украшать и радость, и горе. Свадебные платья и гробы. Они одинаково растут в

необъятном поле и на могиле. Цветы не выбирают. Их выбираем мы.

Я бросил умоляющий взгляд на елку. Я с ней подружился. Но не сумел защитить. Ее полностью раздели. И мне показалось, она смущена своей наготой. Потому что с нее стыдливо падали иголки. Я тяжело вздохнул, как старик, хотя стариком не был. И стукнул себя по лбу.

— Старый дурак.

Хотя был дураком молодым.

Дина вывезла все, что имело цену. Что цены не имело — она оставила мне. В том числе оставила и меня. В виде одинокого, беспомощного, нищего (!) старца. И убийство, свершенное мною, в один миг вдруг утратило смысл. Я вновь вернулся к исходному положению. Нет, к гораздо худшему я вернулся. Когда-то я был просто бедным и молодым. Сейчас я бедный и старый. Нет, еще хуже. Бедный и старый убийца. И убийство с меня не снять. И его вместе с дорогими вещами вот так запросто не вывезти за одну новогоднюю ночь.

Я схватился за седую (в общем, не свою) голову. Мне хотелось рвать на себе седые (не свои) волосы.

И мне ужасно не хотелось звонить в милицию. Для обворованного человека она была бы кстати. Для человека, совершившего убийство, — нет. Я бы еще мог подумать о выборе. Но мне не дали время для раздумий.

Милиция сама пришла ко мне.

В дверь не стучали и не звонили. Она была не на замке. Дверь легко распахнулась. И на пороге появился Роман.

Он, совсем как недавно Косулька, звонко при- свистнул. И свист повис в пустой комнате и отозвался глухим эхом.

— Вот это да!

— Да... — эхом отозвался и мой глухой голос.

— Неужели все смогли продать за одну ночь? Вам повезло! — продолжал издеваться он.

— Мне очень повезло.

— Ну что ж. Составим протокол. А вы пишете подробное заявление. — Тон Романа смягчился. И в его интонации появились сочувствующие нотки.

Я поднял на него тяжелый взгляд. Роман улыбнулся. Самодовольной улыбкой. Вообще он выглядел настолько самоуверенно, сыто, благополучно и почему-то еще моложе. Вот ей-богу, он помолодел за эти дни! Я его тут же возненавидел. И почему-то впервые за это утро подумал о Дине. Странно, но я ее по-прежнему не мог соединить с этим происшествием. Хотя, без сомнения, это она приложила руку. Да еще наверняка со своим каким-нибудь смазливый дружком. (Он непременно должен быть смазливый и очень крутым, некстати промелькнуло

у меня в голове.) И все же... Дина для меня осталась в той, самой счастливой новогодней ночи. Счастье я не мог предать. И в этом утре был кто угодно виноват, только не Дина.

— Боюсь, мне нечем писать. Даже ручка от Ржевского исчезла.

— Как и все в этой комнате. — Роман протянул мне свою авторучку. — Поэтому прошу перечислить здесь все украденные вещи.

— А почему вы решили, что они украдены?

— Ну не продали же вы их, в самом деле. И не пропили. За одну ночь.

Я лихорадочно соображал, что мне делать. Роман пришел неспроста. Он по-прежнему не отставал от меня. И по-прежнему подозревал. Поэтому теперь самый подходящий момент, чтобы смыться. Терять уже мне было нечего, кроме своей седой бороды. Я в один миг, вернее, в одну ночь потерял все. Все к черту! Вновь ни денег, ни бесстрашия за день грядущий. Зато есть шанс избежать тюрьмы и вернуть молодость. А это очень и очень немало. К тому же, положила руку на сердце, я искренне не хотел заявлять на Дину. Не хотел, и все! Пусть она тысячу раз со мной бесчестно поступила. Эта хорошенькая девушка с распахнутыми невинными черными глазами. Пусть. Но не в моих правилах было предавать тех, кого я искренне люблю или любил. Даже если они меня ни капельки не любили. За минуту счастья можно, я был уверен, можно простить все. Потому что в жизни эти минуты можно пересчитать по пальцам. И потом, укравший у вора... Кто угодно, но только не вор. И, в конце концов, я сам виноват. Спрос с простофили. С умного спросу нет. Я поступил далеко неумно. Поверив, что красивая молодая девушка захочет со мной, страшным, почти гайдебуровским стариком, без умысла справить Новый год. Который только раз в год и случается.

— Это называется — связался черт с младенцем. — Эхо от Романа раздалось звонче и громче. — И на что вы рассчитывали? На взаимное чувство? На взаимное сочувствие?

Я нахмурил седые, густые (не мои) брови.

— Я вас не понимаю. — Мое эхо было тихим и слабым. И я нечаянно бросил взгляд на стол. По-прежнему кусочки жирной свинины и остатки салата — горкой. Черт, бокал! Мой бокал! Если Роман его вычислит, я для Дины уже ничего не смогу сделать. На дне бокала наверняка лошадиная доза снотворного, распознать которое для экспертов — сущий пустяк.

— Вы меня понимаете, вы меня прекрасно понимаете, только я понять не могу, — эхо Романа стало злее и ярче, — какая у вас выгода, какой интерес?! Чтобы не делать заявление на цветочницу!

— Почему вы решили, что это сделала цветочница? — Мое эхо прозвучало машинально и еле слышно. Мой голос не хотел эхо. Я не любил повторяться. И соображал, как незаметно умыкнуть стакан со стола.

— Почему я решил? Здесь и решать нечего. Надежные свидетели подробно мне рассказали, что вы встречали Новый год с цветочницей.

— И с каких пор Косульки стали надежными свидетелями?

— Косульки... — начал было Роман, за которым бодро шагало эхо. Но тут же остановился. Он был слишком серьезен для кличек. И тут же вместе с эхом себя поправил. — Граждане Косулевы... Не в их интересах придумывать данное событие. Они понятия не имеют о краже. Но о том, что цветочница на всю ночь осталась у вас, они знают наверняка. К тому же... — Роман обвел рукой пустую комнату. — Эти цветы... Разве они не доказательство?

— Цветы для цветочницы? Может быть... И такое бывает. Но вы не находите, что это мое личное дело? И мы вдвоем более чем совершеннолетние. — Я резко поднялся с места. Всем видом показывая, насколько я недоволен этим разговором. — И вообще, это более чем странно! — Мое эхо не на шутку рассердилось и вихрем разнеслось по пустой комнате. — Неужели вы настолько одиноки, что после новогодней ночи вдруг оказались у меня? И только для того, чтобы выслушивать сплетни местных торговцев?! Или к вам поступила жалоба?! На кражу! Я подобной жалобы не подавал. Поэтому не хочу показаться невежливым...

— Вы уже показали, — Роман ответил настолько тихо, что его эхо даже не смело подать голос. — Впрочем, у меня было другое дело. Но всему свое время. И я этого часа дождусь.

Роман приподнял шляпу. И скрылся за дверью.

А я бросился убирать стол. И первым делом тщательно вымыл свой бокал, практически его продезинфицировал. Что ж, я дождался своего часа. Пора было смываться. Мало ли куда мог уехать одинокий старик. И кто знает, возможно, у него куча денег в банке. И он собирается начать новую жизнь. Впрочем, на вопрос, какую можно начать новую жизнь в сто лет, я бы ответить не смог. Учитывая, что новая жизнь уже его поджидает.

А молодой парень Гриша Карманов через пару деньков объявится живой и невредимый. Как ни в чем не бывало. И какое дело, где он скрывался от девчонки, на которой не хотел жениться. И, кстати, по-прежнему не хочет. И у него все есть права начать новую жизнь. И он знает как.

Что ж. На этом пора поставить точку. Даже вещей собирать не надо. Я оглядел пустую комнату.

Налил себе бокал шампанского. И выпил за новую жизнь. И молодого парня, и старика.

Жаль только, что все оказалось напрасным. И убийство. И богатство. И даже любовь. Впрочем, что в этой жизни не напрасно? Если сама жизнь напрасна, потому что за ней все равно последует смерть. Которая тоже всегда выглядит довольно напрасной. Потому что перед ней была напрасная жизнь.

Я осушил на всякий случай еще один бокал. И присел на дорожку. Пустые стены. Пустые глаза старика. Дырявый зонтик Гашека. Пустой самовар Кустодиева. Ручка без чернил Ржешевского. Оборванная струна гусара Потапова. Пустой звук ботинок самого Наполеона. Пустой чемодан Менделеева. Пора в дорогу. Никого. Вещи мне так и не стали друзьями. И я не стал другом им. Единственное, наверное, о чем стоит жалеть. Потому что только теперь я по-настоящему понял, что среди людей друзей не бывает. Или почти не бывает. Может, кому и везет в дружбе. Но только не мне.

Похоже, мне не везло не только в дружбе. Я в этом убедился через минуту. Когда, полный надежд на новую молодую жизнь, нос к носу столкнулся на пороге с Романом и Тасей. Я обреченно вздохнул.

— Куда-то направляетесь, Аристарх Модестович? — участливо спросил следователь.

— Прогуляться. Как-никак первое утро нового года. Или это возбрягается?

— Безусловно, нет! — Роман развел руками. — Вы как гражданин имеете все права. В том числе и на прогулки в любое время. Хотя они вам так несвойственны. Я и не мог подумать, что люди меняют свои привычки даже в таком почтенном возрасте.

Я решил не отвечать на подобные выпады. И сделал решительный шаг через порог. Но Роман как бы невзначай перегородил мне дорогу. Тася выглядывала из-за его плеча. И ее глаза метали искры. Драконьим огнем рассыпались на мне, обдавая жаром.

— Опять же, уважаемый Аристарх Модестович, — в голосе Романа прозвенели льдинки. Он был еще моложе! Ей-богу, он скоро превратится в мальчика Кая! — Будьте так любезны ответить на один маленький, незамысловатый вопросик. А потом, ради бога, куда глаза глядят. Если правильно, конечно, ответите.

Мне ничего не оставалось, как пропустить их в комнату.

Роман зашел как всегда медленно, важно, с нескрываемым достоинством. Тася влетела вихрем.

И, разинув рот, остановилась посередине пустой комнаты, по привычке подперев руки в боки.

— Вот это да! Ай да старичок-простачок! В одну ночь и так ловко облапошили! А еще говорят, что старость — мудрость. Еще говорят: старого не учат — мертвого не лечат! Нет, уж тут скорее — век живи — век учись. Или, как его... Седина в бороду — бес в ребро. А цветочница-то, цветочница! Ай да умница! Не бес, а просто ведьма. И не в ребро, а в самый кошелек. Вот уж, Аристарх Модестович, с кого писать картину «Неравный брак». А вы все меня попрекали. А сами-то, сами. Сами наверняка этой картинкой по ночам любовались. Обсматривали со всех углов ее. Кстати, где она? Ах да, чтобы не умыкнуть такую драгоценную вещицу! Даже если она кистей не какого-то Пукирева, а его ученичка.

Я не выдержал и демонстративно повернулся спиной к Тасе и лицом к Роману. В этот миг по сравнению с Тасей мне он казался каким-то близким, чуть ли не родным. Прямо воплощение такта и интеллигентности. Во всяком случае, он не молот всякий бред. Я даже закрыл глаза на то, что его лицо дышало леденящей опасностью.

— Я слушаю ваш незамысловатый вопрос, Роман Романович. И постараюсь со всей искренностью на него ответить.

Роман неожиданно кивнул Тасе. Она ответила таким же заговорщицким кивком и решительно направилась к единственно оставшемуся покарбанному письменному столу. Естественно, не принадлежавшему ни Бальзаку, ни Толстому, ни еще одному Толстому. Ни им подобным. Он принадлежал антиквару как примитивный продукт нового времени. Вряд ли антиквар питал к нему симпатию. Но почему-то держал. А возможно, он был дальновзорким человеком и предвидел, что через пару веков этому столу не будет цены. Только кому эта цена достанется? Не собирался же он жить вечно.

Я знал, что в столе хранятся все документы по купке-продаже редких вещей, а также личные документы антиквара, которые уже принадлежали мне. Ну и еще какие-то записи, вырезки из газет и журналов и канцелярские принадлежности. Вот, по-моему, и весь скарб, отображающий более чем скромную и неискusstную внешность письменного стола. Все, на что он был способен.

Тася резко открыла верхний ящик. Покопалась в бумагах и, наконец, торжественно вытащила паспорт.

Продолжение следует.

Марианна ТАРАСЕНКО

Кое-что о Марианне

Марианна Тарасенко родилась в Новосибирске, в младенческом возрасте эмигрировала в Таллин, где благополучно выросла и прожила всю свою сознательную жизнь. По свидетельствам очевидцев, как только научилась говорить, сразу начала всех поправлять и поучать и так допекла этим родителей, что по окончании школы была принудительно отправлена ими на филологический факультет Тартуского университета. Получив диплом по специальности «филолог-русист, преподаватель», продолжала удовлетворять пагубное пристрастие к поучениям, работая сначала учителем в школе, а затем на кафедре русского языка Таллинского политехнического института. После того, как в начале 1990-х кафедру — за ненадобностью «языка оккупантов» — ликвидировали, еще пять лет проработала в школе. Распрощавшись с педагогической деятельностью, занялась журналистикой, по-прежнему продолжая поправлять и поучать все и вся уже со страниц газет, а в устной форме — коллег, которые относятся к этому снисходительно: как к неизлечимой, но не особо опасной форме душевного заболевания.

В настоящее время работает редактором (в том числе и литературным) выходящего в Эстонии на русском языке еженедельника «День за днем».

Пожалуйста, говорите по-русски!**Курица, ты кто?**

Кто о чем, а мы по-прежнему о паронимах и им подобных: ну никак не расстаться.

Еще одна распространенная тенденция — путать слова «латвийский» и «латышский». То и дело приходится сталкиваться с выражениями типа «латышская колбаса» (о произведенной в Латвии), «латышское правительство» и «латвийский язык».

Но стоит помнить, что слово «латвийский» нужно употреблять, когда мы говорим о чем-то относящемся к Латвии, а «латышский» — об относящемся к латышам. Правительство (чего?) Латвии — стало

быть, латвийское; граница (чего?) Латвии — тоже латвийская. И все население Латвии, вне зависимости от национальности, — латвийцы. Зато язык латышей — латышский, и народные песни, танцы и сказки латышей — латышские. Да и колбаса тоже может быть латышской, если подразумевается какой-то особый, сугубо национальный сорт.

Сложность заключается в том, что в большинстве аналогичных случаев никакой «парности» не существует. Вот, например, Швеция: и король у них шведский, и язык, и пиво шведское. Так же дела обстоят и с Францией, и с Испанией, и с Италией. Немного

портит картину Германия с населяющими ее немцами, говорящими на немецком языке и поедающими немецкие сосиски. О Голландии стыдливо умолчу: о том, что голландским бывают только сыр и острая приправа «хрен», а королева — все-таки Нидерландов, нам известно из исторического анекдота. В любом случае, это дипломатические тонкости, и пусть головы по поводу Великобритании и Нидерландов, а также немецкой/германской разведки болят у сотрудников соответствующих ведомств.

Но у Латвии, между прочим, есть сестра по несчастью. И не абы кто, а Россия. Не будем удаляться в дебри, отметим лишь, что в силу определенных исторических причин и языковых процессов мы опять же имеем два прилагательных — «российский» и «русский». «Российский» — относящийся к России, часто именно как к государству: российский герб, российский парламент, российское производство, российское телевидение. А «русский», помимо того, что тоже является прилагательным к словам «Россия» и «Русь» (например, русская история, русская природа), — это принадлежащий русским: русский язык, русская рубашка, русская икра... Водка, кстати, может быть как русской, так и российской. Но это никак не касается посольства РФ в любой стране: оно все-таки российское, а не русское.

И уж если мы об этом заговорили, то, наверное, стоит помянуть и Финляндию. Теперь у нас все финское — и телевидение, и сапоги, и правительство, и язык. Но петербургский Финляндский вокзал прозрачно намекает на то, что так было не всегда. Зато в нашем языке мирно продолжают сосуществовать слова «таиландский» (остров) и «тайский» (язык). И теперь самое время сказать пару слов и о стране, которая по-русски называется «Таиланд», а не в коем случае не «Тайланд». Поэтому нижайшая просьба ко всем сотрудникам всех турбюро писать и произносить это слово правильно.

Кстати, в том же регионе находится еще одна прекрасная страна — Индия. Но если мы перенесемся в другую часть света, в Америку, то у нас есть шанс встретиться с самыми настоящими... индейцами. Мы знаем, что во всем виноват Колумб, географические изыскания которого внесли сумятицу и в лексику, но в итоге в европейских языках все как-

то устаканилось. Например, по-испански коренной житель Индии будет hindu, а американский абориген — indio, по-английски — hindu (hindoo) и indian соответственно. Русскому языку повезло в меньшей степени.

В России вплоть до начала XIX века «индейцами» или «индейми» называли жителей Индии. Затем «индейцами» стали именовать американских аборигенов, жителей Индии переименовали в «индусов», а термин «индеи» вообще самоликвидировался. Потом разобрались, что индусы — это исключительно приверженцы индуизма, и пришли к выводу, что все население Индии скопом, вне зависимости от их религиозной или расовой принадлежности, следует звать «индийцами». В классической литературе, как в русской, так и в переводной, мы встречаемся с термином «индус» в значении XIX века, но в наше время следует не только различать индейцев и индийцев, но и отличать последних от индусов.

И напоследок, или, если хотите, на закуску — индейка. Она же индюшка. Та самая, с которой мореплаватели тоже познакомились в якобы «Индии» и которую благодарные американцы благодарно поедают в День благодарения. Супруг ее изначально именовался индейским петухом, потом его сократили до индюка, так что птица сия по сути — курица. Кстати, по-английски она называется вовсе turkey, что как бы намекает на ее турецкое происхождение (в Англию из Америки она поступала транзитом через Мадагаскар и Турцию, но к лингвистике это отношения не имеет). Так вот, как все-таки правильно — «индюшка» или «индейка»? Одни словари придерживаются точки зрения, что и так и эдак, другие утверждают, что литературное слово — «индейка», а «индюшка» — разговорное. А как тогда быть со словами «индюшонок» и «индюшатица»?

Все очень просто. Индюшка — живая птица, а индейка — еда, из нее приготовленная. И, между прочим, эту разницу люди подсознательно ощущают. Мы никогда не скажем, что у кого-то по двору бродит толстенная индейка: на прогулки способна только индюшка. Которую, кстати, не следует подавать на стол — рассердится и заклюет. А вот индейка, да с брусничным вареньем, абсолютно безобидна и очень полезна для здоровья.

Анна САФОНОВА

Веселый ангел

Кажется, совсем недавно Аня Сафонова блистала на творческой арене как яркий лидер литературной молодежи Сахалина, представляя эту самую молодежь на II, III и IV Форумах молодых писателей в подмосковных «Липках». Однако теперь она уже по-наставнически делится опытом с «лирниками» в областном литературном объединении «Ли́ра», куда когда-то пришла студенткой-первокурсницей. Восемь лет назад она стала самым молодым членом Союза писателей России из островитян. Сегодня у Анны Сафоновой за плечами пять поэтических книг, публикации в нескольких российских журналах, в литературно-художественных сборниках. За последнюю книгу «Веселый ангел» ей была присуждена премия губернатора Сахалинской области.

И еще, в отличие от большинства островных авторов, приехавших сюда из разных уголков России, она — сахалинка урожденная, коренная, и на карте современной дальневосточной поэзии можно отчетливо различить ее имя, неизменно вызывающее читательский интерес.

Николай Тарасов

О ПОЭЗИИ

Само по себе размышление — есть попытка постижения чего-либо, например поэзии. Редкий жанр в наше торопливое время — размышление. А поэзия — размышление о мире, о человеке, о Боге. Она опускается в неведомые глубины, поднимается в необъятные выси. Для чего? Чтобы помочь нам познать и осмыслить себя. Смириться перед великим замыслом и собственной слабостью.

В книге Ирины Одоевцевой «На берегах Невы» — безусловно, поэтичной — я некогда впервые прочитала о том, что Зинаида Гиппиус любила повторять: «Когда любишь человека, видишь его таким, каким его задумал Бог». Немедленно кинулась проверять, увижу ли? Оказалось, что это нетрудно, надо только научиться любить. Научиться прорываться сквозь все наносное, сквозь ту ороговевшую оболочку, в которую заточена душа человеческая. Понять, что она уникальна не на словах, а действительно. И не будет второй такой никогда. Как не будет и второго чудного мгновенья. Вообще вторичность претит миру. В нем все первично. Вот так же и поэзия — прорывается сквозь коросту мира, чтобы явить его красоту и уникальность.

Как у всякого мастера, у поэзии свои инструменты для добывания той самой красоты. Звук, слог,

слово. Ритм, рифма, форма. Строфа, синтаксис, знак... Никто никогда не видит мастерскую поэта. Весьма неприглядное зрелище. Темно и дымно, как в кузне. На свет выносятся лишь свет. Извините за такую тавтологию. Человеку неискушенному нередко кажется — да чего ж тут трудного: слов бездна, пиши себе в столбик. Какие муки? Те самые. Слово должно созреть, обрести свою мускулатуру. Нужно увиденное облечь в точные слова, чтобы читающий узрел то, что было задумано Богом, но не высказано напрямую. Чтобы было легче приподняться над суетой, над праздностью, собственной немощью.

Совершенно искренне расстраиваюсь, когда слышу, как проскальзывает в разговорах людей, вполне даже интеллигентных, — «Я стихов не читаю». Возможно, имеется в виду, что плохих стихов, коих у нас в избытке, не читают, — тешу себя надеждой. Но как разобрать, где хорошие, где плохие? От хороших горло перехватывает, озноб прокатывается по телу, удивление и восторг переполняют настолько, что теряешь чувство реальности. Своей собственной реальности. Есть Бог, который задумывает в нас потрясающие, удивительные таланты, наделяет все сущее неоспоримой уникальностью. Поспешим их увидеть!

Анна Сафонова

* * *

В ожидании, может быть, лета
Распустились чуть раньше цветы —
Луговые добытчики света,
Любопытные жадные рты.

Ждут тепла в незадавшемся мае —
Как монашенки, ликом бледны.
Каждый третий — с трудом расцветает,
Перепутав погоды весны.

Злополучная, тяжкая ноша —
Самым первым пробиться на свет:
Обгорает тончайшая кожа,
А второй — уже солнцем согрет.

* * *

Цветы приходят с юга,
Из розовой долины,
Где семена надежды,
Как Божий дар, — просты.
Из неземного круга,
Из первозданной глины
Рождаются, как прежде,
И гибнут те цветы.

Вот так, перед рассветом
Из ледяной пучины
Приходит и уходит
Весь человеческий род —
Рассеянный по свету
Наследный свет лучины,
Что до небес восходит
И пламенем падет.

О колдовское лето!
Тебе ли знать забвенье,
Когда живое слово
Само в тебе растет?
И вновь душа согрета,
И скоро — воскресенье,
И так солнцеголово...
И жизнь во мне поет!

* * *

Над Лебязьим¹ ветер свищет,
Погоня бурелом.
Одиноко ворон рыщет.
На далекий птичий стон
Развернется вмиг стрелою,
Заклочет и помчит.
Душно, как перед грозой,
Сердце бешено стучит.
Здесь, как будто после драки,
Гул чуть слышимый стоит,
Лишь на станции собаки
Лаем встретят наш визит.
Вот оно, мое владенье —
Распрявленный суходол,
Плеск волны, колес гуденье
И затихший старый мол.
Здесь не лебедь кличет солнце,
Не к любви рассвет зовет...
Песни призраков-японцев
Колея сквозь дым поет.

* * *

По капле, по капле, по капле
Вытравить невод стужи...
Эй, выходи наружу,
Стерва моя любовь!

Что ты ко стенам жмешься,
Губы морозно лижешь?
Мы ведь не стали ближе —
Разная наша кровь!

Мы не равны нисколько —
Дрянь ты, а я — в порядке,
Благодаря зарядке
Даже чуть весела...

Что ты ревешь белугой?
Плюнь. Я не буду строгой
Мачехой волоокой...
Я ведь тебя ждала.

¹ Озеро на юге Сахалина.

День рождения

Когда я приеду, мне будет уже девяносто...
И кто мне назначил — стареть в свои двадцать шесть?
Непросто понять и жить с этим тоже непросто!
Но смысл сокрытый в судьбе моей все-таки есть...

Когда я приеду — дай Бог вам, железные крылья! —
То будет июнь и ночь, наметавшая звезд.
И вместо надежды — сухое, скупое бессилье,
Как перерождение апрельских задумчивых гроз...

Все будет — иначе зачем было б жить мне на свете?
В свои двадцать семь я просто с тобой помолчу.
Как грустно стареть на этой веселой планете,
Где Богу сегодня затеплю с любовью свечу.

* * *

*Андрею Черткову,
капитану сухопутного плавания*

Ну что вы, кэп!
Еще не отстучали
Седьмые склянки нам на корабле!
Еще не время думать о причале
И предаваться сумрачной печали,
Покуда норд — недвижно на нуле!

Ну что вы, кэп!
Неужто это правда,
Давно открыты все материки?
Посмотрим, что вы скажете мне завтра,
Когда свои потертые пиастры
Вы обменяете на шепот куйпоги.

Ну что вы, кэп!
Забыли ликование,
Когда вам в спину смотрит океан?!.
Кладите курс — ребята в ожиданье,
И боцман трезв, как черт, по расписанью,
И дух тревожит отблеск дальних стран.

Присядем, кэп...
Не выпить ли нам рома
За старые моряцкие дела?
Успеем, кэп, мы отсидеться дома,
Где будет нам подстелена солома
У каждого неверного угла...

Прощайте, кэп!
 Мне утром на дежурство.
 И так развязан слишком мой язык!
 Пусть отдохнут индейцы и маньчжурцы,
 И горький запах северных настурций
 Пусть снится вам под чаек мирный крик!

* * *

А. Тоболяку

Какого лешего, Толяша,
 Тебя в Израиль понесло?
 Вкусней там щи, жирнее каша,
 Чугунней девушка с веслом?

Что ты хотел еще увидеть,
 Когда так одинаков мир?
 Неужто ты не мог предвидеть,
 Как горек там застольный пир...

И эта выжженная солнцем,
 Навек бесплодная земля
 Тебе милее чертогонца
 И забулдыги февраля?..

Здесь снег идет уже неделю
 И хлещет дождь который год.
 И опускается на землю,
 Как ртуть, — по капле небосвод...

Собаки воют без приюта
 И горло рвут, завидев кость...
 А ты опять бредешь к кому-то
 Иль от кого-то — вечный гость.

Там, на востоке бедуинном,
 Своя любовь и жизнь своя!
 ...Здесь в каждом плаче лебедином
 Мерещится мне тень твоя.

о. Сахалин

Михаил ПАК

Михаил Пак — писатель и художник.

Родился в 1949 году. Живет в Москве.

Написал и издал шесть романов, пять повестей, более двадцати рассказов, две пьесы. Переводился на другие языки: книга прозы на корейском «Лепестки подсолнуха» (Сеул, 1995), три рассказа на немецком в сборнике (Мюнхен, 1996), четыре стихотворения на английском в сборнике (Торонто, 2003), повесть «Натюрморт с яблоками» на корейском (Сеул, 2007).

Художественные выставки проводились в Москве, Париже, Сеуле, Алма-Ате.

Лауреат литературных премий журналов «Литература» (Лос-Анджелес, 1999), «Юность» (имени Валентина Катаева, Москва, 2001, 2007), корейского Пен-клуба (Сеул, 2001), телерадиокомпании KBS (Сеул, 2007).

ОСТРОВ ТЫСЯЧИ ОСВЕЩЕНИЙ

ВОСПОМИНАНИЕ

Здесь по ночам в небе горят яркие звезды, крупные, как мандарины. При их свете можно отыскать тропинку в саду...

Здесь дуют ветра — днем и ночью, круглые сутки...

А Тольхарбану — каменному деду — хранителю Чечжудо, стоящему на горе, очень суровому на вид, изваянному из глыбы вулканической породы безвестным мастером, ни о чем ветер и даже тайфун, нередко заглядывающий сюда.

Ветер гонит облака в небе, несет пенные волны моря к берегам, клонит верхушки кипарисов, пальм, «лисьи хвосты» камыша, растущего по краям дороги. И люди, здесь живущие, не уклоняются от ветра, не прячут лиц — оттого они огрубелые и у мужчин, и у женщин, и у детей. Ветер — часть их жизни.

Дневной ветер прозрачен. Прозрачны над островом улетающие облака. И тучи, какими бы они ни казались тяжелыми, уносятся прочь, увлекаемые ветром. Ничто на острове не постоянно, ничто не статично даже на минуту, все меняется, стремительно и бесповоротно.

На острове тысячи освещений!

Ночью здесь ветер другой — в нем слышится гул. Ветер в эти часы, рождаемый на необъятных просторах океана, достигая Чечжудо, меняется, напол-

няется невидимыми флюидами и токами, идущими из недр земли. В гуле ночного ветра мне слышится музыка тысячелетий острова... Я слышу в нем топот копыт лошадей, разбуженных огнями вулканов и убегающих к морю... Слышу стук деревянных баркасов о черные камни причала и неспешный говор рыбаков, отправляющихся на опасный промысел...

Испокон веку островитян кормило море, а море забирало рыбаков. Оттого до недавнего времени на Чечжудо женщин было больше, чем мужчин. Нынче положение изменилось — современные технические новшества позволяют судам избежать опасности, но тем не менее труд рыбака по-прежнему остается опасным.

О Чечжудо говорят так: здесь много женщин, много ветра, много камней. А еще можно добавить — много легенд сложено об острове. Одна из них гласит: жили неразлучно мальчик и девочка, повзрослев, они поженились. Но парень был рыбаком, его участь — ходить на лодке в море. Он рыбачил, а девушка ждала. Но однажды муж не вернулся, и молодая жена бросилась в море с высокой скалы. Сейчас на том месте стоит памятник.

На Чечжудо много камней. Местные жители говорят, что если собрать все камни острова в одном

На пристани. 2005

месте и сложить в виде башенки, то верхушка ее коснется луны.

Тысячелетия назад жерла разбушевавшихся вулканов выбросили наружу кучи пепла и камней, миллионы булыжников, размером с кулак и до головы быка, — усыпали ими весь остров. Если пристать к Чечжудо на лодке со стороны моря, то в первую очередь в глаза бросятся черные камни, усеявшие берег. А в некоторых местах можно увидеть и целые каньоны застывшей черной лавы, при виде которых тотчас возникает перед глазами зрелище — с грохотом и шипением сползают с гор огненные реки лавы, устремляются к воде, пускают гигантские облака пара и медленно остывают, превращаясь в черные чудища...

Всякий, кто впервые оказывается здесь, поднимает с земли камень и с удивлением разглядывает его очертания и форму, чувствуя пористость и литую металлическую тяжесть, — возможно, человеку не приходит в голову, что он держит на ладони тысячелетнюю историю острова.

Камни тут разные по форме и цвету. К примеру, на восточной части острова камни округлые, похожие на плоды деревьев, имеют охристо-бурую окраску; а на западной — прямоугольные, голубовато-дымчатые; на северной — плоские, охристо-землистые; на южной — продолговатые, по цвету от темного, как грозовая туча, и до черного, как сама ночь...

Люди веками расчищали остров от камней, не избавлялись от них, а именно расчищали — под огороды и жилища, под дороги. Из собранных камней складывали заборы, при этом не применяли скрепляющего материала, цемента или глины, — камни просто укладывали друг на друга — скрепляла сама структура камня, его пористость. Ни ветер, ни ливни, ни снег не были страшны таким забором.

Жилища островитян — из камня, летом в них прохладно, а зимой тепло. В одном таком доме, сложенном из камней, я и жил здесь целых десять дней. По утрам хозяйка, пожилая миссис Сон, предоставившая мне комнату, потчевала меня кофе и свежеспеченным хлебом. После завтрака, накинув на плечо ящик с красками, я шел писать этюд. Я отправлялся по дороге мимо мандариновых садов, огороженных низким забором, мимо фермерских хозяйств, слушая пение неизвестных птиц, бляение овец и мычание коров. Я шагал по асфальтовой дороге, петляющей по холмам, то спускаясь в долину, то вновь поднимаясь на холм. За каждым поворотом моему взору открывался иной вид, совершенно отличающийся от того, что я видел минутой раньше, — другая растительность, другие деревья, трава, облака... Тысячи освещений сопровождают меня в моем путешествии!

К вечеру я спускался к морю, садился на траву, наблюдал, как морские волны накатывают на берег, лижут черные камни... Видел тонкую нить горизонта, отделяющую море от неба. Потом я шел к рыбацкому поселку, ужинал в какой-нибудь рыбной харчевне, слушая говор посетителей, речь которых обильно сдобрена певучим местным диалектом, и смотрел, как за окном угасает закат.

Чечжудо, гора Санбансан. 2009

В харчевню однажды ввалилась шумная компания женщин и уселась неподалеку — я их поначалу принял за ныряльщиц — хэне, но позже понял, что ошибся. Хэне не ходят в рестораны, они живут исключительно далеко отсюда, в своей деревне, чужаков к себе не подпускают — их ремесло переходит по наследству от матери к дочери. А выглядят они как все, хотя тела их крепко сбиты и упруги. Они ныряют глубоко в океан, по-прежнему, как в старину, без кислородных аппаратов, и могут подолгу там находиться, не дыша. Говорят, что раньше хэне промышленляли только жемчугом, но жемчуг со временем извелся, и тогда ныряльщицы перешли на добычу морских живностей — моллюсков, трепангов, крабов, осьминогов.

Возвращался я к себе на автобусе. Навстречу нам попадались экспрессы-лимузины с уставшими туристами в салоне, привалившимися к спинкам кресел. Они ехали после экскурсии в свои фешенебельные отели. «Эй, братцы, — окликал я мысленно их, — не расскажете ли мне, что вы видели?! Я уверен, что вам удалось встретить нечто очень примечательное! Но скажу я вам — то, что видел я, — тоже здорово!»

Моя деревня встретила меня тишиной. Я шел по улице и, чтобы утолить жажду, сорвал плод мандарина, свисающего над чьим-то низким забором. Живительный сладкий сок придал мне сил, я почувствовал в себе прилив энергии и готов был вновь ринуться в море новых свершений!

Зайдя в дом, я выудил из кармана камень, который подобрал на берегу. Их у меня на столе собралось уже с десятков. Уснул я не сразу, долго слушал музыку ветра за стенами.

На рассвете повторилось то же, что и в предыдущие дни, только маршрут я выбирал теперь другой... Я писал орумы (потухшие вулканы) с причудливыми очертаниями вершин, долины с дикой растительностью, кипарисы, мандариновые плантации... Я пытался остановить время на моем холсте, оставить на нем то замечательное, неповторимое состояние природы, уловить тончайшие краски, но, увы, сделать это было весьма трудно: облака длинными грядами набегали на солнце, меня настроение и общее состояние происходящего.

С наступлением сумерек я вновь шел ужинать в рыбацкий поселок.

Время на острове бежит быстро.

Назавтра уже уезжать.

Напоследок я поднялся на высокий орум — и там, на вершине, замер от картины, открывшейся моему

Чечжудо, гора Халласан. 2009

взору. Слева от меня вдалеке величественно возвышалась гора Халласан с белой шапкой снега на макушке, справа бирюзовым осколком айсберга блеснула другая гора — Санбансан, впереди — зеленая долина с мандариновыми садами и рощей кипарисов, а развернувшись назад, я видел величественное плато с голубовато-дымчатыми сопками, хребты которых похожи на горбы верблюдов (целый караван верблюдов), а за ними — лес, а дальше — малиново-розовая гряда других сопков, а еще дальше серебристой ажурной нитью блеснул океан...

Я стоял на вершине орума, оглушенный увиденным, и меня при этом не покидало чувство, что я воочию наблюдаю за сотворением Мира!

Воздух здесь невероятно прозрачен: делаешь вдох — и он растворяется в легких мгновенно. Воздух здесь соприкасается с облаками, он обволакивает тебя, ты чувствуешь его упругость и силу, еще несколько мгновений — мощный поток отрывает тебя от земли — и ты летишь над Вселенной подобно птице!

Поздней ночью я покидал Чечжудо.

Самолет взмыл в небо и взял курс на Сеул. За иллюминатором удалялись темные очертания берегов и огни города.

Во мне теплилась надежда, что я еще вернусь сюда. Человек, вероятно, так устроен — он всегда втайне верует, что обязательно вернется в те места, которые оставили на его сердце неизгладимый след.

Под крылом нашего самолета уплывал спящий Чечжудо. И сон островитян бдительно стерег суровый каменный дед Тольхарбан.

Кирилл КОЗЛОВ

Кирилл Козлов родился в 1984 году в Ленинграде. Учился в юношеском литературном клубе «Дерзание» (Дворец творчества юных, отделение «Поэзия»). Окончил Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств по специальности «искусствоведение». Историк искусства, поэт, публицист. Член Союза писателей России. Лауреат нескольких литературных премий. Живет и работает в Санкт-Петербурге.

ПОЭЗИЯ — ЭТО ПРОФЕССИЯ

Поэзия — это профессия, которая не может быть второй. Так сказали в разное время мои наставники, замечательные русские поэты Сергей Макаров и Андрей Романов. Люблю классические «кирпичики», точную рифму, односложность, наив и даже на-

лет старомодности. Любимых поэтов нет. Всеяден. Воспитан был петербургско-ленинградской школой (Пушкин, Блок, Брюсов, Корнилов, Дудин и другие); испытываю постоянную духовную потребность в собственном исследовании литературного процесса.

Кирилл Козлов

* * *

Бренной жизни жестокая школа...
Изможденной душой не криви —
Двадцать раз отжимайся от пола,
Тридцать раз уходи от любви.

Круг замкнулся. И — солнце упало
Грузным камнем в забвенье воды...
Час за часом. Ни много, ни мало.
Отголоски славянской беды.

Временные прорехи латая,
Я нарушил привычный режим.
Мне приснилась мечта золотая,
Потому что мечтой дорожим,

Потому что спасаемся ею
И боимся признаться... Плевать!
Я продуманно жить не умею
И не стану о том горевать!

Час за часом. Попытка не пытка.
Слово за слово. Запись. Повтор.
День рождения. Праздник. Открытка.
В прошлом веке изученный двор.

Снова дети, взрослеть не желая,
Позволяют себя обмануть...
И вздыхает планета живая,
Продолжая космический путь.

* * *

Чего еще? Мне только двадцать пятый...

Борис Корнилов

Всего лишь двадцать шесть. Промчится май,
Тогда мне будет двадцать семь. Всего лишь?
Снимай меня на камеру, снимай!
И все, что я хотел сказать, — позволишь?
Итак, во-первых, это город мой,
Пророс в него, не выкорчевать ломом.
Вопрос прямой — ответ прими прямой:
Я не торгую совестью и домом!
Ничем я не торгую, во-вторых,
Встречаю обозначенное лето.
Все двадцать шесть ушедших лет — порыв,
Я знаю, так нельзя. Смешно, нелепо...
Но, в-третьих, сила есть у Близнецов
Последними победно улыбаться.
В-четвертых, есть любовь, в конце концов,
И за любовь желаю насмерть драться!
Что в-пятых? Погоди, не подгоняй,
Задержимся у Русского музея.
Всего лишь двадцать шесть. Промчится май,
Похож на молодого ротозея.
И, в-пятых и в-шестых, понятно всем:
Найти стремимся самородок смысла.
В-седьмых, мне скоро будет двадцать семь,
Кордебалетом выстроились числа.
Пойми, что я за них в ответе, друг.
Побалуемся, может, пинтой пива?
Во-первых, я слышал Петербург,
Почувствовав мелодию прилива.
И никогда Господь не забывал
Учеников, осваивавших сушу...
И золотой кораблик заплывал
В наивную, восторженную душу.

* * *

Небеса — большая душевая,
Льется незакрытая вода...
В дело документы подшивая
По законам быстрого суда,

Люди ошибаются жестоко...
Сколько раз? Бездонное число.
Там — Христос Всевидящее Око,
Здесь — всепоглощающее зло.

Что нам делать, господа и дамы?
Граждане, гражданки, чудаки?
С кем нам по дороге и когда мы
Разберем свои черновики,

Правильно расставим запятые,
Сделаем концовку на «ура»?
Под ногами — листья золотые,
В памяти — шальные вечера...

Примешь ли, «прекрасное далеко»,
Нашу плоть и душу заодно?
Там — Христос Всевидящее Око,
Здесь — пожалуй, все предreshено.

И с небес вода упрямо льется,
Завершаю исповедь свою.
Остается что-то... Остается
Вера вопреки небытию.

* * *

Предвкушение пламенных истин,
Пьет факир, лицедействует мим.
Снежный город любим, ненавистен,
Ненавистен и снова — любим.

Сделан выбор единственно верный,
Но стоит истуканом века
Молчаливый дворец Инженерный.
Карта бита. Печаль — глубока.

Значит, снова и снова учиться?
Плоховато конспекты веду.
Что за прихоть — зимой очутиться
В заколоченном Летнем саду?

Боги спят. Недоступны герои.
Блеск имперской России померк...
Я желаю согреться в метро и
Завершить непонятный четверг.

Можно в пятницу покурлесить,
Оказавшись в случайном кругу.
Если все окончательно взвесить,
Я вернуться *туда* не могу.

И в азарте бессмысленных гонок
Исповедуюсь, руки скрестив,
Будто в них есть мой первый ребенок,
Плоть от плоти. Нетленный мотив.

ПЛАЧЕТ ЖЕНЩИНА...

За вечерней чертой, над которой не властно время,
Плачет женщина о потерянном прежде муже.
Выбирало вождя, по привычке, людское племя,
Вождь меняется.
Жизнь становится только хуже.
Новый вождь предрекал бесконечное счастье смелым,
Новый вождь соблазнял бесконечной военной славой.
Наступала зима.
Застилала покровом белым
Километры земли славянской.
Земли кровавой.
Проступала кровь.
Выходила опять наружу,
Не отмывать и не спрятать.
И женщина снова плачет.
Ее сердце наполнилось снова тоской по мужу.
Это значит...
А это теперь ничего не значит!
Вождь озвучил с трибун, что наладилась жизнь,
И — точка.
Несогласные вновь на тюремном сгниют этапе.
Плачет женщина.
У нее подрастает дочка.
Раньше было полегче.
Не спрашивала о папе.

Мост Мирабо

(Вольный перевод Гийома Аполлинера)

Мост великий пролег через бурную реку.
О любви неизменной прошепчет вода...
Злая память зачем-то дана человеку:
После радости горе приходит всегда.

Что такое любовь? Два трепещущих взгляда,
Уравнение жизни — весь мир пополам.
Но достаточно крохотной капельки яда,
И разлука не даст снова встретиться нам.

Находясь у суровой границы полночной,
Я услышал в себе неизбежный ответ,
Что любовь утекает водицей проточной,
Что надежд на ее возвращение — нет.

Злая память зачем-то дана человеку.
Дни, недели проносятся, будто в кино...
Мост великий пролег через бурную реку,
Не дано объяснить... Не дано, не дано...

.....

Опустилась вечерняя мгла.
Дни уходят. Но жизнь не прошла.

Окончание. Начало в № 1, 2, 3 за 2012 г.

Рисунки Анны Дудяковой

КОНСУЛЬТАНТ ПО ЛЮБЫМ ВОПРОСАМ

Повесть из жизни офисного планктона

Глава 31. Разведка боем

Трибуны ревели, свистели, махали транспарантами, яростно дули в дудки и пищалки, а после каждого удачного броска «Волжанок», приносившего им очки, кто-то выпускал вверх красно-синий шарик, наполненный гелием. Целая стая таких шариков уже летала под потолком — «Волжанки» вели в счете, и отрыв от соперниц все увеличивался. По правде говоря, действие на поле не отличалось какой-то особой зрелищностью и уж тем более эстетикой. Потные великанши бестолково сновали от одного края площадки к другому, иногда сшибались в борьбе за мяч и вскидывали вверх огромные, как оглобли, руки, пытаясь преградить ему путь в корзину. Нравилось мне лишь одно: когда какая-нибудь из баскетболисток, прицелившись, запускала мяч издалека, и он по идеальной траектории влетал «в десятку». Это было действительно красиво.

Я сидел среди орущей толпы, накинув на плечи красно-синий фанатский шарфик, и мечтал поскорее вернуться в свой номер, к которому уже начал привыкать, чтобы посидеть в тишине, ни о чем не думая. Когда команды ушли на перерыв, я заметил, что внизу, прямо напротив меня, стоит мой вчерашний знакомый в сером костюме и энергично машет мне руками, приглашая спуститься.

— Отлично выглядите, — бодро сказал он, кивая на мой шарфик. — Отличная игра, правда? Победа, можно сказать, у нас в кармане! Виктор Михайлович зовет и вас — отметить.

Мы просочились в какую-то хитрую, почти незаметную дверь, поднялись по полутемной лестнице — и оказались в небольшой комнате, одна стена которой была полукруглая да к тому же стеклянная. Возле нее стояли несколько кресел и пара динамиков, из которых доносился возбужденный гул трибун. В центре комнаты был накрыт стол а-ля фуршет. Я сразу обратил внимание, что бутылки с выпивкой уже основательно продегустированы, а закуски, наоборот, практически нетронуты.

Бичурина угадать оказалось несложно: он единственный сидел возле пиршественного стола в окружении почтительно стоящей чуть поодаль свиты. Я пригляделся: на вид — лет под пятьдесят, просторная отполированная лысина, полинявшая щетка усов, аккуратный круглый живот и двойной подбородок. Нос картошкой, лоснящиеся щеки, бесцветные глаза навьют... Простой бригадир из райцентра, подумал я и тут же поправился: нет, все-таки слишком уж холеный для работяги, скорее, служащий средней руки, например кадровик, инже-

нер или бухгалтер. Смешно было наблюдать, как его свита переминалась с ноги на ногу и тоскливо поглядывала на аппетитно расставленные салаты, бутерброды с черной икрой, тонко нарезанный сервелат, истекающий жиром балык и крохотные золотистые пирожки. Хозяин пока не ел — и они не смели прикоснуться к этому великолепию.

— Что застыли? Давайте еще по одной — за победу! — приказал Бичурин неожиданно молодым голосом. Свита послушно зашевелилась, потянулась к столу, зазвенела бутылками и рюмками. Олигарх, сжимая в одной руке услужливо наполненный бокал с коньяком, другой подхватил с тарелки пирожок — и все как по команде стали торопливо наполнять тарелки.

— А ты что стоишь, как неродной? — вдруг спросил он, повернув голову в мою сторону. — Проходи, выпей за моих девочек! Видал, как они этим татаркам задницы надрали?!

— Выпью с превеликим удовольствием! Молодцы девчонки, я такую игру в первый раз вижу, — ответил я абсолютно искренне.

— Ну, раз так, давай чокнемся. — Хозяин потянулся ко мне с бокалом. Выпил, промокнул салфеткой усы и добавил уже потише, для одного меня: — После матча не уходи, поговорим за твое дело.

Вообще-то это скорее ваше дело, чуть было не ляпнул я, но тут из динамиков раздался яростный рев: команды вышли на завершающий тайм.

Прозвучал свисток — и Бичурин буквально уткнулся носом в стекло. Я незаметно отошел к столу, налил себе яблочного сока, съел пару бутербродов, проглотил пирожок с какой-то безумно вкусной начинкой, которая буквально таяла во рту. Рядом стояла стройная миловидная дамочка лет тридцати, почему-то в роскошном вечернем платье. Я улыбнулся ей и спросил:

— Простите, а давно Виктор Михайлович баскетболом увлекается?

— Да уже года два, пожалуй, — охотно ответила она. — Ну да, как раз позапрошлой весной он купил этот клуб, тогда и увлекся. Денег вложил целую кучу! «Арену» эту мы ведь специально для них построили.

— Надо же! — искренне удивился я. — А вы почему матч не смотрите? Неинтересно?

— Да жалко мне их! — Она по-деревенски всплеснула руками.

— Кого? — не понял я.

— Девчонок, кого ж еще. Пока молодые, еще хоть тут нужны, а дальше? Кто ж их, таких, замуж возьмет...

Я не нашелся, чем ее утешить. Хотя можно было сказать, что природа наверняка создала не меньшее

количество двухметровых парней, и приволжские великанши вполне могут найти себе подходящую пару. Проблема только в том, как им встретиться на этой планете.

Надо, наверное, тоже подойти к стеклянной стене, поболеть за «Волжанок». Авось Бичурин заметит мой пыл, глядишь, и разговор удачнее сложится. Но только я собрался это сделать, как в кармане завибрировал мобильник: кто-то хотел меня срочно услышать.

— Сергей Игоревич? — раздался в трубке нейтрально-вежливый голос секретарши моего шефа. — Минуточку, сейчас соединю вас с Владленом Степановичем.

Я метнулся подальше от стола, к выходу.

— Ну, докладывай, как продвигается разведка боем? — Шеф, как всегда, не поздоровался, как будто мы расстались полчаса назад.

— Нормально, — полушепотом отвечал я.

— Говори громче! — загремел он. — Ты что там, ослаб от голода, что ли? Может, деньжат подкинуть?

— Я не могу громче. Он рядом, может услышать, — прошипел я, лучезарно улыбаясь дамочке, переживавшей за несчастных баскетболисток.

— Понял я, понял, не дурак, — сварливо проскрипел мэр. — Тогда не говори, а слушай. Надо, чтобы ты намекнул ему: мол, имеешь сведения, что я, в принципе, не против с ним полюбовно договориться.

— Простите, не понял. О чем договориться?

— Да и не надо тебе понимать. Просто скажи: мой шеф как-то говорил, что мог бы с вами полюбовно договориться. И запомни, что он на это ответит, понял?

— Ага, теперь понял. Я пойду, а то неудобно?

— Давай. Освободишься, сам позвони.

— Обязательно!

Черт, до чего ж мне опостытели все эти их политические игрища и забавы! То они мочат друг друга, не стесняясь в средствах, то вдруг готовы слиться в любовно-коммерческом экстазе... Да, похоже, мой шеф чувствует, что его песенка все равно спета. Поднадоел он народу, да и ему поднадоела эта собачья работа. Между прочим, я не шучу. Это лишь снаружи кажется, будто градоначальник только и делает, что шарахается целыми днями по презентациям и фуршетам, перерезает ленточки, дает интервью вездесущим журналистам, принимает зарубежные делегации с богатыми дарами, сам вручает почетные грамоты особо отличившимся гражданам и выполняет множество других, таких же приятных и необременительных функций. Так вот, хочу вас разочаровать: это лишь крохотная часть его работы. Куда больше времени он тратит на всякую нудятину: заседания, совещания, коллегии, неизбежное чтение

документов, изложенных на редкость невразумительным языком, и т. д. и т. п. Честное слово, если бы мне предложили всем этим заниматься за официальную мэрскую зарплату, я бы показал большой кукиш и убежал! И не только потому, что побоялся бы не справиться. Просто это стоит значительно больше. Если ты, конечно, работаешь, а не придиуриваешься.

Зачем ему вообще захотелось окунуться в эту суету, гадал я, поглядывая искоса на господина Бичурина. Безусловно, дело не в деньгах — их у него и так куры не клюют, если он позволяет себе покупать спортивные клубы и строить для них такие дворцы. Ладно бы он двигался в депутаты — это еще можно понять. Поскольку многие бизнесмены работают на грани фола, они идут в парламент, чтобы получить так называемую депутатскую неприкосновенность. Но мэр обычного областного города, наоборот, под особым приглядом прокуратуры. Воровать без риска с каждым годом все труднее, бюджет дефицитный, коммуналка дырявая, дороги убитые, проблем, как говорится, полный воз и маленькая тележка... Может, он просто об этом не знает, и надо ему подробно про все рассказать?

— Ур-ра-а-а!!! — раздался из динамиков ликующий вопль тысячи глоток. Свита, выстроившаяся вдоль стеклянной стены, подпрыгивала, орала, обнималась и целовалась. Бичурин тоже привстал с кресла и растерянно улыбался, постукивая кулаком по стеклу. К нему подходили, что-то кричали — наверняка поздравляли с победой и третьим местом в чемпионате. Вдруг он словно опомнился и быстро пошел к выходу; за ним поспешил огромный громила в черной куртке, а за громилой — мой знакомый в сером костюме.

Я тоже вернулся к стеклянной стенке — понаблюдать за всеобщим ликованием. Когда на площадку вышел Бичурин, трибуны вообще обезумели. Владелец бронзового клуба подошел сначала к тренеру и крепко обнял его. Тут их окружили двухметровые виновницы торжества — сверху было хорошо видно, как Бичурин, сверкая потной лысиной, по очереди обхватывает каждую спортсменку за талию, тычется носом в пупок и что-то возбужденно кричит. Наверное, хвалит их за то, что они так крепко надрали задницу соплячкам из Татарстана.

Глава 32. Рюкзак, набитый юношескими мечтами

Пьянка потом получилась что надо! Сначала в полукруглую комнату набилось втрое больше халявщиков, чем было во время матча. Они набросились на еду, как пирани, учуявшие запах крови, и, конечно

же, мигом вылакали все спиртосодержащие жидкости. Официанты едва успевали приносить блюда с едой и откупоривать новые бутылки. Потом человек пятнадцать-двадцать из этой прожорливой банды, и я в их числе, перебрались в небольшой автобус, который повез нас куда-то за город. В автобусе оказался ящик с шампанским, и веселье продолжалось всю дорогу. Нескладно, но очень старательно распевая «Из-за острова на стрежень...», мы подкатили к огромному особняку, окруженному затейливой оградой из красного кирпича. Она сильно смахивала на кремлевскую стену в миниатюре. В двадцати метрах от ворот неторопливо несла свои воды великая русская река. Я невольно залюбовался этим роскошным пейзажем. Эх, уплыть бы на лодке далеко-далеко, посидеть где-нибудь с удочками, заночевать в палатке у костра, выпить чарку под ушицу, спеть под гитару Окуджаву и Визбора...

Черный «лексус», на котором уехал с матча Бичурин, уже стоял во дворе. При виде него сознание мое слегка прояснилось: я со стыдом вспомнил, что не пьянствовать ведь сюда приехал, а надо же — незаметно накушался, как цуцик! Все, больше ни грамма себе не позволю, пока не поговорю с Бичуриным, твердо решил я. И, зайдя в особняк, первым делом нашел ванную. Сначала сунул в рот два пальца, а потом голову под ледяную струю. Между прочим, идеальный способ быстро протрезветь, попробуйте при случае.

Едва я заглянул в гостиную, просторную, как стадион, меня интимно ухватила под локоть та самая миловидная дамочка, жалевшая баскетболисток.

— Ой, вы куда пропали? Вас Виктор Михайлович ищет.

— Жаль... А я надеялся, мы с вами сейчас выпьем, наконец, на брудершафт.

— Какой вы смешной! Идите, его кабинет на третьем этаже.

— Но вы ведь не исчезнете без меня, а?

— Не знаю... наверное. Да мы ведь даже не знакомы!

— Ерофей Карлович. — Я щелкнул каблуками и наклонил голову, как белогвардейский поручик в старом фильме. Зачем я так по-дурацки назвал, честно говоря, не знаю. Видимо, для конспирации...

Дамочка посмотрела на меня с возрастающим интересом. Я бесцеремонно взял ее за руку.

— А вас как величать прикажете?

— Меня? Просто Нина, — растерянно пролепетала она и вдруг тихонько икнула. Только тут я заметил, что она тоже пьяненькая, не сильно, а как раз в меру, ровно настолько, чтобы женской душе захотелось праздника. Стоп, Серый, твердо сказал я себе, вот сделаешь дело, тогда и гуляй смело! Тем

более ты ведь даже не знаешь, может, она жена чья-нибудь или верная подруга. А вдруг — самого хозяина?! Точно, иначе откуда бы ей знать, что он меня искал...

— Ниночка, а вы меня не проводите к Виктору Михайловичу?

— Да вы сами легко найдете, по лестнице подниметесь — и все. Там весь этаж его.

Я нежно пожал ей руку и повернулся, чтобы идти.

— Потом все пойдут в сауну, — наклонившись ко мне, полушепотом сказала она. — И в речке купаться. Вы будете?

— Непременно!

— Значит, мы еще увидимся.

Глаза у нее увлажнились, губы были полукривы, грудь вздымалась, как кузнечные мехи. Не дай бог! — подумал я. Не хватало мне еще шалостей с любовницами олигархов... Скорее, скорее к нему, а то разозлится, что меня долго нет, и пошлет на все буквы.

Я взлетел по ступенькам и застыл в изумлении. Комнаты как таковой не было, весь этаж представлял собой просторную оранжерею под стеклянной крышей! На идеально подстриженном газоне среди низких пузатеньких пальм и цветущих кустов стояли кресла-качалки и изящные столики с маленькими бронзовыми лампами. У дальней стены на крохотной эстраде, прямо посреди круглой клумбы с тюльпанами, сиял на солнце белый рояль. Невдалеке на лимонном дереве с уже пожелтевшими плодами сидели, нахохлившись, два больших красно-синих попугая. А в центре этого экзотического царства стоял большой овальный стол с огромным самоваром и аккуратно расставленными чашками. За столом на вращающемся офисном стуле расположился Бичурин и стучал пальцами по клавишам ноутбука. Я с удивлением заметил, что он сидит босой, погрузив ступни прямо в шелковую траву.

Дорогу мне преградил громила в черной куртке.

— Пропусти его, — не отрывая глаз от монитора, тихо приказал хозяин всего этого великолепия. — Сходи пока вниз и скажи, пусть Гриня принесет мой чемоданчик.

Охранник послушно испарился. А я сначала разулся, аккуратно снял носки и только потом шагнул с деревянного пола на газон. Трава оказалась теплая и ласковая, я ступил на нее — и окунулся в детство, в летние каникулы, которые часто проводил у тетки в деревне. Было такое чувство, словно я выбежал на просторный, залитый солнцем луг, куда мы с двоюродными братьями бегали рвать молодой щавель и искать гнезда чибисов. Помню, Димка однажды

наткнулся там на целую россыпь ржавых патронов и предложил бросить их в огонь: проверить, взорвутся или нет. Мы с радостным гиканьем побежали к старому заброшенному коровнику, набрали там досок, развели костер, сыпанули в него патроны и залегли за дырявой стенкой. Ждали долго, минут, наверное, двадцать. Наконец Димка сказал, что ничего не выйдет, порох отсырел, патроны ведь с самой войны валяются. Мы заспорили, давай, мол, еще посидим, но он был упертый, встал и вышел из-за коровника. В ту же секунду раздались негромкие хлопки, пули полетели во все стороны, защелкали по бревнам над нашими головами. Одна пробила Димкину кепку, и он потом долго хвастался, показывая дырку девчонкам... Тогда мы даже толком испугаться не успели, а сейчас мне почему-то стало страшно: я вдруг подумал, что от судьбы действительно не убежишь, и, выходит, мой брат, погибший так рано, с самого детства искал смерти.

Почему он мне именно сейчас приснился, о чем хотел предупредить?

— А ты догадливый, — обронил Бичурин, кивнув на мои босые ноги. — Что, неплохо я тут устроил?

— Не то слово!

— К вам переберусь, тоже такой домик поставлю. Как думаешь, получится?

— Ну, сейчас все что хочешь можно построить, были бы деньги.

— Да я не о том!

— А-а... Извините, сразу не въехал. Если честно, Виктор Михайлович, на выборах, как и в любой игре, результат с точностью предсказать нельзя. Особенно если есть сильный соперник. Как говорят болельщики со стажем, мячик круглый, может в любые ворота закатиться.

— Мне это уже объяснял мой человек, что у вас работает.

— Борис Маркович?

Бичурин кивнул, затем встал и ушел куда-то вправо, скрылся за пышным тропическим деревом с широченными глянцевыми листьями. Вернулся с темной бутылкой необычной формы и двумя бокалами.

— Давай по сто грамм — за знакомство. Маркович мне тебя очень хорошо рекомендовал, сказал: парень толковый, дайте ему настоящую цену. Мне бабла не жалко, только надо обговорить, что ты конкретно можешь сделать. Ну, чтобы мячик закатился куда надо.

Он разлил коньяк по бокалам, придвинул поближе два блюдца — одно с тонко нарезанным лимоном, другое — с засахаренными миндальными орешками. Я взял бокал, вдохнул божественный аромат и

поймал себя на предчувствии: если сейчас выпью, добром это все не кончится... Хотя с чего бы — разговор пока складывался просто идеально!

Коньяк прокатился по горлу мягко — словно погладил меня изнутри кошачьей лапкой, но через минуту выпустил коготки. Я почувствовал, что ноги у меня — как из размякшего пластилина, в мозгу взрывается цветистый фейерверк, и кое-как успел сесть на стул. Эх, сколько раз жизнь тыкала меня носом в золотое правило, выведенное лучшими умами человечества: не понижай градус! Зачем же я, идиот, после рома и водки стал пить в автобусе это дурацкое шампанское? Да еще выдул бутылки две, не меньше! Ну уж нет, стоп и еще раз стоп! Сегодня это был последний глоток алкоголя, приказал я себе, отчаянно пытаюсь сдержать приступ дурноты и не испоганить блевотиной шелковистый газон.

— Еще Маркович говорил, будто ты своего шефа прошлый раз чудом в мэры протащил. Правда?

— Он преулеви... простите, преу-вели-чил, — я смог выговорить это слово, только разделив его на три части. — Тогда я просто придумал, как надо конкурентов дискредитировать... простите, диск-ре-дитировать.

— Ладно, не напрягайся, можно без подробностей, — махнул рукой Бичурин. — Главное, ты скажи — он тебе сейчас полностью доверяет?

— Простите, Виктор Михайлович, а у вас тут нет минералки со льдом?

Олигарх пристально взглянул на меня, усмехнулся и нажал какую-то кнопку под столом. Где-то внизу раздалась приглушенная мелодия звонка, и вскоре из-за пышного дерева с глянцевыми листьями вынырнула румяная тетка в белом кружевном переднике.

— Принеси ему холодного кваса, — велел Бичурин. — Или нет, лучше рассола.

Приказание было немедленно исполнено.

— Спасибо! — искренне сказал я, осушив целую кружку. — Вообще-то я вполне в форме, только голова немного кружится... А разрешите мне сначала вам задать вопрос, Виктор Михайлович?

Он недовольно скривился, но возражать не стал.

— Ладно, спрашивай...

— Зачем вам это надо?

— В смысле?

— Ну, мэрство это в нашем городе? Не Москва же, в конце концов, не Питер, даже не Казань. Извините, я и правда не понимаю! Вы же тут в полном шоколаде, чего не хватает?

Бичурин плеснул себе в бокал коньяка, проглотил, зажевал лимоном. Налил еще, опять выпил, бросил в рот горсть орешков. И снова налил, но пить

уже не стал, просто поднес бокал к лицу, покачал и с явным наслаждением вдохнул благородный аромат.

— Знаешь, когда я в первый раз вина выпил? — задумчиво произнес он. — На выпускном вечере в школе. А до этого учился, как сумасшедший, мечтал в МГУ поступить. Парни наши по вечерам сидели во дворе, вино, картишки, гитара, девочки... Дралась, конечно, хулиганили, на танцплощадку через забор прыгали. А я зубрил, к экзаменам готовился, заочно на подготовительные курсы пошел, чтобы больше было шансов. До золотой медали чуть-чуть не дотянул!

— И как, поступили?

— Ну да. Только как был для них всех белой вороной, или, как это сейчас говорят...

— Ботаником...

— ...во-во, ботаником — как был, так и остался. Когда приезжал из Москвы домой на каникулы, не с кем даже поговорить было. Встретишь кого из наших на улице: «Привет — привет, как дела — нормалек» — и разбежались. Даже не спросят, какую музыку, допустим, сейчас слушают в столице, трудно ли сессию сдавать... Злился я на них жутко. И мечтал, конечно: вот погодите, я вам всем еще докажу, чего стою, вы еще гордиться будете, что со мной рядом в классе сидели! И Ленка Белова еще пожалеет, что меня в упор не видела...

— Первая любовь, да?

— Ну, не первая, но... Нравилась она мне тогда, сильно нравилась. Когда этот сайт появился, «Одноклассники», я многих наших на нем нашел. Почти все у вас в городе так и живут, Ленка тоже. Ни один в люди не выбился, инженеры, шоферы, портнихи, парикмахерши там всякие... Пара девчонок, правда, в мэрии на мелких должностях.

— А Ленка ваша кто?

— Да какая она моя! Дважды замужем была, детей тоже двое. Где работает, не сообщает в анкете. Обычная затраханная жизнью тетка, жалко ее, конечно. Симпатичная, правда, и сейчас, а может, просто удачную фотку выложила.

Он вздохнул и выпил-таки залпом очередную порцию коньяка. Блеклые глаза его потемнели и увлажнились — то ли от воспоминаний, то ли от принятых внутрь градусов. Я заметил, что один из красно-синих попугаев незаметно подобрался совсем близко к столу: уселся на спинку кресла и внимательно слушает наш разговор. Внезапно он захлопал крыльями и, картавя, произнес:

— Затр-р-раханная! Затр-р-раханная!!!

— А ну кыш, придурок! — замахнулся на птицу Бичурин. Но потом не выдержал и, увидев, что я беззвучно хохочу, тоже улыбнулся. Правда, как-то не очень весело.

— Виктор Михайлович, если я правильно догадываюсь, вы хотите им всем устроить сюрприз? Вернуться в родной город на белом коне со сказочными трофеями?

— Можно и так сказать, наверное. Хотя вот сейчас вспомнил их рожи и думаю: да ну их всех к черту, видеть никого не желаю! Только охота узнать, кто ко мне первым притащится — мосты наводить. Ну не может быть, чтобы ни у кого просьб не оказалось к бывшему однокласснику!

— Уж это точно — в очередь выстроятся!

— Вот и я так думаю...

Бичурин насупился и хмуро посмотрел на ближайшую пальму, словно за ней уже собралась толпа просителей и лизоблюдов. Но из-за дерева вынырнул огромный широкоплечий детина в футболке, на которой был изображен длинноусый румяный хохол в шароварах и вышитой сорочке со шматом сала в одной руке и бутылкой горилки в другой. Над портретом змеилась надпись: «Дзякуй табе Боже, шо я не москаль!»

— Тебе чего, Гриня? — ласково спросил Бичурин.

— Кошелек принес, — важно ответил ненавистник москалей и поставил на стол перед хозяином приличных размеров кейс. Бичурин повернул кругляшки с цифрами на кодовом замке, крышка приподнялась, и я с изумлением увидел, что кейс доверху набит пачками ассигнаций, причем доллары лежали вперемешку с евро и нашими родными рублями.

Бичурин покосился на меня — я, как мог, старался выглядеть безучастным, мол, и не такие суммы в руках держали. Но сердчишко, конечно, трепетало: неужели это все мне?!

Ага, раскатал губы... Из кошелька были извлечены только две пачки: потоньше — с долларами, потолще — с тысячерублевками. После этого кейс был захлопнут, и квадратный казначей тут же его унес.

— Это за то, что ты сюда приехал, — сказал Бичурин, придвинув обе пачки ко мне. — Потратился — я возмещаю. А за работу будет отдельно. Маркович так говорит: шансы у меня неплохие, только есть серьезный минус — не любят у вас в городе залетных людей.

— Это он верно заметил. Варяги у нас еще никогда не побеждали. Даже в депутаты, кажется, ни один не проскочил. Только вы же вроде наш, местный...

— Вот именно, что вроде. Уехал-то еще при советском режиме, да и кто я был тогда, чтобы меня помнить? В общем, давно чужой стал. А к твоему шефу привыкли, многие при нем поднялись, получили свой кусок пирога, отдавать уже неохота... Так что поддержка у него есть, я ж не идиот, понимаю. Если с ним бодаться по тяжелой, не факт, что я его забодаяю. Короче, надо сделать так, чтобы он уступил мне без драки.

Я чуть было не ляпнул радостно, что мэр буквально три часа назад и сам намекал мне, что готов поторговаться и выбросить белый флаг. Но вдруг подумал: а на фига им обоим будут нужны мои услуги, если все так славно устраивается само собой! Они-то получают все, что хотят, а мне уж точно не увидеть больше, как открывается волшебный чемоданчик, принесенный Гриней.

Бичурин нетерпеливо смотрел на меня. Бокал в его руках мелко подрагивал.

— Знаете, Виктор Михайлович, когда мне ваши ребята в первый раз это предложили, я подумал — они просто так неудачно шутят. А сейчас я понимаю: это гениальный ход в вашей шахматной партии. Сразу в ферзи, одним прыжком через все поле, да? Здорово придумано!

— Слушай, мне дифирамбы петь не надо! — зарорал вдруг Бичурин, брызгая слюной. — Что ты все kota за яйца крутишь? Прямо говори — берешься своего шефа обработать или кишка тонка?!

— Я постараюсь, Виктор Михайлович! Очень постараюсь, честное слово. Сегодня же попробую до него дозвониться.

— Вот и пробуй. Будет результат — жми ко мне в офис тут же. Если меня не застанешь, доложи, что прибыл ко мне по срочному делу, и жди, пока не приеду. Все понял?

— Кроме самого главного: в какой цифре выражается аргумент, который сможет убедить Владлена Степаныча.

— Это мы с ним сами обсудим, — отрезал Бичурин. — Все, иди.

Конечно, меня так и подмывало спросить напоследок, какой мне лично светит гонорар в случае успешных переговоров. Но это был бы уже явный перебор — я и так отнял у занятого человека слишком много времени. Поднимаясь со стула, я краем глаза успел заметить, что Бичурин опять уткнулся в свой ноутбук и открыл сайт «Одноклассники».

Господи, зачем мы до старости таскаем за плечами рюкзак, набитый несбывшимися юношескими мечтами? Зачем рвемся вернуть из небытия бледные тени, тщимся догнать ветер, унесший аромат жасмина и беззаботный девичий смех? Так думал я, осторожно ступая по шелковистой траве босыми ступнями, и почему-то никак не мог вспомнить, в каком месте оставил свои туфли. Растерянно остановился на границе оранжереи и коридора — и только тут увидел, что они стоят на аккуратной подставке возле перил, вычищенные до блеска, а рядом, в прозрачном целлофане, сияют новенькие носки, белые, как молоко, с крохотной красно-синей анаграммой по бокам.

Черт, а ведь не зря говорят, что у богатых свои причуды!

Глава 33. На выход с вещами!

Через неделю Приволжск утомил меня до одури. Особенно тяжело было после полудня, когда на город опускалось знойное марево и даже ветерок с реки не мог разогнать липкий и тягучий воздух, который, казалось, цеплялся за выступы зданий и афишные тумбы, как пьяный хватался за деревья и фонарные столбы, укутывая дурманящим облаком осоловелых прохожих... Точно так же оцепенел и не двигался с места переговорный процесс, в котором я неожиданно для себя оказался в идиотской роли посредника.

Делать мне было абсолютно нечего. До Владлена Степаныча я дозвонился в тот же самый день, когда побывал в гостях у Бичурина. Едва сдерживая восторг, сказал шефу, что конкурент в принципе согласен мирно договориться. Но Степаныч пробурчал в ответ что-то не очень внятное — дескать, он сам еще не определился, чего хочет в качестве отступного, поэтому велел пока ничего конкретного Бичурину не сообщать, а осторожно выспросить у него хотя бы примерную сумму, которой тот готов пожертвовать ради достижения своей цели. А если не выйдет — сидеть и ждать дальнейших указаний. Вот я и ждал, изнывая от жары и безделья.

Пару раз, надравшись в одиночку в опостылевшем номере, я пытался дозвониться Галке. Слава богу, она не брала трубку, иначе неизвестно, чего бы я ей наплел. Зато на шестой день мне позвонил Чапай, как ни странно, абсолютно трезвый, и скороговоркой сообщил, что звонит со служебного номера, так как на мобильнике денег нет, что дело наше в ментовке вроде прикрыли, похоже, по указке самого шефа, что верного ординарца Петьку понизили в должности ниже некуда, но его, Чапая, вообще не тронули и — есть же Бог на свете! — даже квартальной премии не лишили... А самое главное, между мэром и Ирмой пробежала черная кошка, у них какая-то суровая разборка: одна дама из финотдела по секрету рассказала ему, Чапаю, что заходила как-то в приемную подписать у мэра документы, а дверь в кабинет оказалась приоткрыта, и слышно было, как мэр и Ирма орали друг на друга матом, после чего Ирма выскочила пунцовая, хлопнув дверью так, что со стенки слетело благодарственное письмо премьер-министра в золотой рамочке. А мэр выскочил следом, крикнул Ирме в спину, что она — последняя сука, и приказал секретарше эту тварь к нему больше на порог не пускать без особого на то указания.

Что бы это значило, сонно думал я, наблюдая в телевизоре, как киллеры азартно мочат друг друга в тупом американском боевике. Неужели Степаныч умудрился как-то пронюхать, что мадам Грошина

давно ведет двойную игру? Так это же классно, ведь вслед за мамой из конторы могут попереть и сыночка — и тогда моя Галка неизбежно даст ему под зад коленкой, потому как он без мамы и перспективной должности представляет собой жалкий ноль без палочки. Я уже предвкушал, как мы с ней помиримся, как она будет обзывать себя круглой душой, а я великодушно стану ее утешать и...

И тут раздался стук в дверь. Я поднялся с дивана на автопилоте, повернул ключ в замке и едва успел отскочить, потому что дверь тут же нацелилась мне в морду, так резко ее толкнули с той стороны.

На пороге стоял Моргулис. Такой же лощеный, как в день нашего знакомства, только вместо тросточки он держал легкий зонтик — от солнца.

Я посторонился, пропуская нежданного гостя в номер. Но гость втянул аристократическим носом сложную смесь запахов (пиво, вобла, раки, окурки и грязные носки), скользнул цепким взглядом по скомканному одеялу на кровати и холостяцкому натюрморту на тумбочке (очистки от воблы, переполненная пепельница, мятые газеты), отступил на шаг и тихо сказал:

— Коллега, прошу вас сосредоточиться. Через три часа улетает ваш самолет. Такси ждет внизу. Поговорим по дороге. Вам на сборы — десять минут, время пошло!

Наверное, я в этот момент был похож на подда того грузчика, которому бригадир сообщил, что тот уволен без выходного пособия — за лень и аморальное поведение. Во всяком случае, именно так я себя и чувствовал в эту минуту. Обида и злость подступили к горлу, и я уже открыл было рот, чтобы послать к едрене фене всю эту банду с их темными делишками, но Моргулис меня опередил:

— Да вы не волнуйтесь так, Сергей Игоревич! Все идет по плану, с первой частью задачи вы справились вполне успешно. С моим патроном я сегодня уже переговорил, инструкции получил, теперь — ваша очередь продолжать игру. Но для этого вам нужно вернуться домой.

— Ну, так бы сразу и объяснили, — сердито сказал я. — А то ворвались без предупреждения и командуete: руки за спину! На выход с вещами!

Моргулис улыбался, глядя, как я бестолково ша-рахуюсь по номеру, швыряя в дорожную сумку свое немудрящее барахло. Только когда я хотел погрузить два пластиковых баллона «Жигулевского» из холодильника, он остановил меня:

— Оставьте, в самолет с этим все равно не пустят.

— По дороге употреблю, — заупрямился я.

— Коллега, вы мне трезвый нужны. — В его голосе прорезались стальные нотки. — Сведения, которые я вам намерен сообщить, слишком важны, чтобы вы

сумели усвоить их под пролетарское пиво, да еще в таких ударных дозах.

Сейчас я вынужден признать, что он оказался прав. Хотя если бы я тогда послал его подальше и остался в своей берлоге ждать неизвестно чего, история эта могла бы закончиться совершенно иначе. И не сидел бы я сейчас в этом жалком кабинетике, не зная, смогу ли сегодня заработать хотя бы на баночку пива...

Глава 34. Грабеж среди бела дня

— Ну и какого хера ты вернулся? Я тебе что приказал, а? Сидеть и ждать! А ты? Вдруг он как раз сегодня захочет с тобой обговорить условия, ты что — на персональной ракете вернешься?! Так не купил я еще ракету для своего консультанта! Не заработали мы с тобой на нее!!!

Степаныч ходил по кабинету из угла в угол и комкал лист бумаги — явный признак крайнего его раздражения. А я стоял по стойке вольно, опершись плечом на шкаф красного дерева, в котором, как уверяла наша уборщица Нелли Викторовна, зачем-то хранились полные собрания сочинений Ленина и Сталина, а на нижней полке — разрозненные тома великого вождя корейского народа Ким Ир Сена.

Бояться мне было нечего. Выгнать меня со службы прямо сейчас шеф просто не мог: слишком многое мне было известно про его планы и прошлые делишки; такая информация накануне выборов у конкурентов ценится на вес золота. А главное — он все еще надеялся с моей помощью выгодно сыграть в поддавки с Бичуриным.

Я смотрел, как он снует по кабинету, как комкает бумагу, как набухают на его висках капельки пота. И пытался понять: жалко мне его или нет? Изработавшийся, нервный мужик; голова вон трясется, а он этого не замечает... Нагрузки, конечно, сумасшедшие — почти восемь лет беспросветной, ежедневной пахоты... Все на нем: энергетики вырубают свет — он виноват, коммунальщики не дали вовремя тепло в какой-то дом — он виноват, сосулька с крыши упала на прохожего — опять же он виноват... А еще и зарплату надо вовремя платить учителькам и врачам, а из каких закровов, если налоги коммерсанты прячут?.. Но никому на верхних этажах власти твои заморочки не интересны, крутись как хочешь, ты же — цельный мэр, глава, блин, пусть провинциального, но столичного города... А тут еще дочка из тебя все соки тянет — выскочила замуж за какого-то ублюдка из остепенившихся бандитов, тот затеял легальный бизнес — автозаправки, мойки, стоянки — и требует от тестя законной помощи: дай землю, подвинь

от меня конкурентов, найди дешевые кредиты, да к тому же в разборку попал, как лох последний, башку ему бывшие дружки проломили, вся пресса на этой истории месяца три кормилась, и только кое-как удалось замять дело — тут вдруг новая забота: прокуратура проверку затеяла по сигналу ретивого депутата — с чего это мэру за пол-лимона баксов новый японский джип куплен, он что, на нашей родной «Волге» по городу не проедет?.. А тут еще выплыла наружу история про то, как младший сын мэра, студент престижного московского вуза, попал в каталажку обкуренный и качал сдуру права, угрожая стражам порядка скорой расправой и всеу поминая крутого папу... Даже по центральному телеканалу эту историю показывали... Господи, твоя воля, ты все видишь и знаешь, и помнишь, конечно, как я когда-то верил Степанычу и готов был за него в огонь и воду, как надеялся, что он станет из моих уст правду-матку слушать — про беды и чаянья простых людишек, жизнью затурканных, — и будет помогать им властью своей — пускай невеликой, но достаточной для производства локальных улучшений в границах любимого моего города...

Так что же — пожалеть мне Степаныча или начать на него? А может, прав мой коллега Борис Маркович Моргулис: глупо испытывать человеческие чувства к этим куклам, которым мы временно даем роли королей, скрываясь с невидимыми веревочками в руках за черной ширмой. Он, конечно, почти гений, план придумал идеальный, не рассчитал только одного — что во мне может проснуться то ли совесть, то ли жалость. Что я вдруг опять вспомню брата своего Димку, с которым мы однажды в сумерках прибежали на колхозный ток и застучали там хромого сторожа, дядьку Ивана; он, кряхтя и охая, помогал незнакомым мужикам грузить мешки с зерном на телегу... Дядька растерялся, увидев нас, и только страх в его глазах подсказал, что дело пахнет воровством. «Стойте, хлопцы! — долго кричал он нам вслед. — Сюда идите, закурить дам!» Дядька Иван и раньше иногда угощал нас папиросами «Казбек», точил нам ножики, помогал мастерить рамки для воздушных змеев, вообще — не чурался нас, пацанов, дружил с нами, рассказывал увлекательные истории про войну и про свою фронттовую молодость, а мы таскали ему яблоки и огурцы из чужих огородов, скидывались, если ему не хватало копеек на бутылку портвейна, в общем — дружба наша была безоблачной — до того самого вечера.

— Да он ворюга! У своих же колхозников крадет, — изумленно сказал Димка, когда мы присели отдышаться у пруда.

— Так у него ж зарплата маленькая, — вспомнил я. — Помнишь, он нам жаловался, что когда конюхом работал, в два раза больше получал.

— Все равно я председателю расскажу! Тебе хорошо его жалеть, ты городской, он не у тебя ворует, а у моего батьки...

Отец Димки работал на комбайне, в уборочную дневал и ночевал в полях. Что я мог возразить? Ничего.

Только Димка ничего никому растрепать не успел. Пошел назавтра к зернохранилищу — следы от телеги посмотреть, и там на него накиннулись сторожевые собаки. Изорвали жутко, чуть совсем не загрызли. Димку увезли в райцентр, в больницу, там ему зашили самые глубокие раны и вкололи болючий укол — от столбняка. Все в деревне, потом, конечно, судачили, что псов на пацана натравил сам дядька Иван, но доказательств этому не было... Кто брата моего вывел на эту свору, зачем он один пошел, без меня? Димка говорил потом, что пожалел дядьку Ивана, хотел проверить, не ошиблись ли мы ночью. И чуть не погиб тогда из-за своей жалости. Неужели и правда брат мой искал раннюю смерть, уготованную ему судьбой?

— Ну, чего ты стоишь, как в жопу раненый? — миролюбиво говорит Владлен Степаныч. — Садись. Давай думать, что делать-то теперь будем?

Что делать с шефом, я прекрасно знаю, спасибо Моргулису. Не знаю только, под каким соусом предложить это блюдо...

— Русский народ выстрадал мудрую поговорку: худой мир лучше доброй ссоры, — глубокомысленно произношу я. — А еще недавно новая поговорка появилась: жадность фраера сгубила.

— Ты это к чему? — удивляется Степаныч.

— Да так...

— Это я, что ли, фраер?!

— Вы не обижайтесь, Владлен Степанович, но вы сами паузу затянули. Я же вам четко доложил: клиент созрел для переговоров. Чего мне стоило уломать его, вы же не спрашиваете! Человек все имеет, ему просто скучно на своем хозяйстве стало, захотелось в политика поиграть. Он ждал, что я приду с конкретными предложениями от вас, а вы неделю молчали, все чего-то выгадывали, просчитывали... Боюсь, поезд ушел, расхотелось ему в эти игры играть.

— Ты что, серьезно? Откуда такие сведения?

— Французы тоже не дураки поговорки сочинять, Владлен Степанович. Слыхали, небось, такое выражение — «Шерше ля фам»?

— «Ищите женщину», значит, — блеснул эрудицией шеф и даже улыбнулся своей знаменитой на весь город лисьей улыбочкой.

— Ну да. Вот я и нашел, и не какую-нибудь, а его самую близкую подружку. Обаял, как смог, — слав-

ная дамочка, между прочим... Она мне и шепнула: мол, ее покровитель, кажется, передумал в мэры двигать, у него теперь другая цель — сенатором хочет заделаться, ищет, как купить себе местечко в Совете Федерации.

— Точно?!

— Ну, судите сами, Владлен Степанович: первые три дня мне от него все время звонили, спрашивали, нет ли от вас известий. А потом — как отрезало. Похоже, его шмара не врет.

Конечно, в эту минуту я понимал, что иду ва-банк. Если бы в ответ на мои аргументы шеф сказал — мол, вот и славно, значит, одним конкурентом стало меньше! — весь гениальный план, придуманный Моргулисом и одобренный мной, рассыпался бы, как карточный домик. Но Степаныч побледнел и взволновался. Похоже, в последние дни он слишком часто представлял, как ловко продаст свой пост амбициозному олигарху, а сам заживет в столице беззаботной жизнью обеспеченного пенсионера, позволит себе сколько угодно общаться с любимой внучкой, будет париться в Сандунах, ходить на футбол и путешествовать по экзотическим странам.

— Надо его как-то переубедить, — жалобно сказал мэр, глядя на меня, как на джина из лампы. — Попробуй, у тебя же есть на него выход.

Я с сомнением покачал головой. Сделал вид, что напряженно думаю, просчитываю варианты. Только бы не переиграть...

— Знаете, Владлен Степанович, мы хоть и не на восточном базаре, но придется торговаться, другого выхода нет. Сначала я думал, что вы тут просчитываете, во что обойдется Бичурину предвыборная кампания, и согласитесь сдать, допустим, за пятьдесят процентов от этой суммы. И вам выгодно, и ему не накладно. Он же коммерсант: поймет, что получает, считай, гарантированную победу, да еще в два раза дешевле. Я бы на его месте согласился, да и любой разумный человек тоже.

— Ну, я примерно так и предполагал, — промямлил мэр.

— Вот и надо было сразу так и сказать. А раз планы у него поменялись, он вряд ли на такую сумму согласится. Его теперь можно убедить только невероятной скидкой. Например, если вы предложите ему подыграть всего за двадцать процентов от расходов на предвыборную кампанию. Это лучше, чем ничего, а он от жадности, глядишь, клюнет, все-таки это наверняка дешевле, чем место сенатора.

— Да это ж грабеж среди бела дня! Пятая часть — и ты в дамках!

— Владлен Степанович, не хотите — как хотите. Так вы получите деньги, а если сами пойдете на тре-

тий срок, то деньги придется тратить. И без всякой гарантии на успех.

— Ты что, думаешь, я не пройду?

— Шансы, конечно, есть, но намного меньше, чем в прошлые разы. Хотите, я найду в архиве ваши листовки четырехлетней давности, вы вспомните, что народу сулили... Много ли выполнено? Думаете, конкуренты этим не воспользуются? Выдадут вам по полной программе, не сомневайтесь!

Мэр надолго замолчал, продолжая комкать листок бумаги.

— Надо бы нанять социологов, пусть мой рейтинг посчитают, — наконец произнес он полувопросительным тоном.

— Ага, ткнут пальцем в небо и нарисуют вам за ваши деньги красивые цифры, — съязвил я. — А Бичурин к тому времени уже сенатором заделается.

Степаныч тяжело поднялся, подошел к окну. Постоял, глядя на привычный пейзаж — залитую солнцем площадь с гранитным памятником Ильичу, вокруг которого малышня бегала за ленивыми голубями.

— Ладно, фиг с ним, двадцать так двадцать, — решительно сказал он, повернувшись. — Созванивайся с ними, если прокатит — бери билет и лети за расчетом.

— Один, что ли?!

— Зачем один. Я тебе Рината дам.

— Лучше Силаева, — сказал я. — Он крупнее, значит, надежнее.

Ринат и Силаев, два туповатых амбала, числились у нас помощниками мэра, но все знали, что они его персональные охранники. Я предложил Силаева, потому что тот вне службы любил погудеть, а Ринат вообще не употреблял спиртное. Мне же для успешного проведения операции в идеале был нужен совершенно пьяный охранник. Или хотя бы с сильно-го похмелья.

— Владлен Степанович, извините, вы еще один момент забыли. Какой я получу гонорар за услуги?

— Ну, блин, ты наглец! Три года у меня балду пинал за нехилую зарплату — а теперь еще и гонорар?!

— Я бы не просил, но ведь вы же потом в Москву укатите, а меня сразу и погонят отсюда. На что жить прикажете бывшему консультанту?

— Ну хочешь, я тебя в какой-нибудь тихий отдел переведу, чтобы глаза никому не мозолил? Будешь и дальше штаны протирать...

— Спасибо за заботу! Не хотите платить — тогда сами и общайтесь с Бичуриным, зачем вам посредник?

— Хорошо-хорошо, убедил, — раздраженно сказал мэр. — Получишь пять процентов, и все — ни на копейку больше!

На этом мы и расстались, в принципе довольные друг другом. Я шел по коридору и прикидывал, сколько это получится — пять процентов от двадцати процентов? Черт, всего одна сотая, что ли?! Но если вспомнить, каких безумных денег стоит вся предвыборная суета со штабами, пиарщиками, социологами, агитацией в газетах и по ТВ, подкупом нужных людей и самыми разными непредвиденными расходами, то и этот ничтожный процент мог обернуться вполне приличной суммой с пятью нулями. Хотя на фоне того, что предложил Моргулис, она казалась не заслуживающей внимания. На самом деле можно было и не выпрашивать гонорар у Степаныча, но тогда у него был бы повод усомниться в чистоте моих намерений. Альтруизм вообще подозрителен, а уж в политике — особенно.

Какая-то фигура шмыгнула от меня в сторону лестницы, я машинально прибавил шаг, чтобы разглядеть, кто это... Грошин, елы-палы, собственной персоной! Испугался меня, гаденыш, чует кошка, чье мясо съела! Догнать или черт с ним?

— Эй, Женька, куда спешишь? Подожди, дело есть!

Он испуганно затормозил, едва удержавшись на ступеньке. И стоял, вжав голову в плечи, боясь повернуться, словно ожидал, что я прямо тут стану его бить.

— Ну, как у тебя дела? Наследство еще не получил? С Галкой успел переспать? А свадьба скоро? — сыпал я вопросами, увлекая его через заднее крыльцо во внутренний дворик, заставленный какими-то огромными ящиками и мусорными контейнерами. Ого, да тут возле ограды кто-то скамеечку соорудил и урну поставил. Отличное местечко для перекура и приятной мужской беседы.

Я почти насильно усадил его на скамейку рядом с собой. Уши и щеки у него горели, глаза он прятал, как нашкодивший мальчишка, и на мои вопросы никак не отвечал. Ну то есть просто молчал, а может, онемел от неожиданности...

— Да ты не бойся, чудака! — я дружески приобнял его за плечи. — Я никаких претензий к тебе не имею. Было бы из-за чего — из-за юбки! Вон их сколько вокруг шастает. И разве я не говорил тебе, что это мы только думаем, будто выбираем себе женщин, а на самом деле выбор делают они. Не всегда, конечно, но в большинстве случаев.

Женька искоса поглядел на меня, похоже, старался понять, серьезно я говорю или придуриваюсь.

— К тому же я сразу знал, что с Галкой у меня так, небольшой романчик, развлечение на месяц-другой, — беспечно продолжал я. — Да и она сама мне в первый же вечер заявила, что ничего серьезного у нас быть не может. Старый я для нее, да и бабник

ответный — она это мигом учуяла. А ей замуж надо, и кандидат на эту роль должен быть со всех сторон положительный и перспективный. Именно такой, как ты, — не спорь, я совершенно серьезно! Так что я даже рад за вас, ребяташки. Она свою судьбу устроит, а тебе зарплату поднимут — ты же ради этого затеял жениться... Или я что-то путаю?

— Кажется, у меня скоро вообще не будет никакой зарплаты, Сергей Игоревич, — мрачно выдавил Грошин, ковыряя ногтем скамейку.

— Как это — не будет?

— А так, выгонят меня скоро из мэрии! За компанию с мамой.

— Ну-ка с этого места подробнее, — озабоченным голосом велел я. — С чего это ты взял, что кто-то может уволить саму Ирму Витальевну?!

— А, так вы еще не знаете? Владлен Степанович, пока вы были в командировке, решил ее департамент с орготделом соединить. Маму уже с приказом ознакомили, что ее должность сокращается, — объяснял Женька чуть не плача.

— Понятно, но это же просто способ такой — избавиться от неугодного человека. А настоящая причина в чем? Неужели мама с тобой не делилась?

— Ничего не говорила, но я догадываюсь...

— Говори! — приказал я. — Если можно устранить причину, то все еще поправимо.

— Вряд ли, Сергей Игоревич. Мне Бобышкин проболтался, что мэр откуда-то узнал, будто мама тайно работает против него. Ну, она же к секретным сведениям доступ имеет. И вдруг выяснилось, что какие-то нехорошие бумаги попали к одному депутату, который сам прошлый раз в мэры пробовал пройти, и этот депутат передал их в прокуратуру. Помните, года два назад у нас оптово-торговую базу приватизировали?

— Помню вроде, ну и что?

— А то, что она ушла совсем даром, раз в десять дешевле настоящей цены.

Да, молодец наш Степаныч, времени даром не терял... Но и Ирма какова, ведь убедила меня, что сделала ставку на Бичурина, а сама на всякий случай поставила минимум на двух лошадок в забеге! Что бы уж наверняка!

— Галя про ваши с мамой проблемы знает? — осторожно спросил я.

— Что маму сокращают — конечно. Думаете, она из-за этого не захочет со мной расписываться? — чуть не плача, спросил он.

— Считай, тебе повезло, — серьезно сказал я. — Это же момент истины, понимаешь? Отличный шанс узнать, по любви она замуж собралась или по расчету. С наследством твоим как?

— Пока никак, мы документы послали, а ответа нет.

— Ну, это дело небыстрое. Пока все проверят, убедятся... Ты, главное, маме не проболтайся о нашем разговоре, а я за тебя словечко замолвлю мэру. Напомню ему, что дети за грехи родителей не отвечают.

— Спасибо, Сергей Игоревич! Я боялся, вы наоборот предложите ему меня уволить... ну, чтобы отомстить за то, что Галя от вас ко мне ушла...

— Да что я, идиот? Я же ей счастья желаю. Значит, и тебе тоже. Тем более мы с тобой сейчас почти родня — «молочные братья»!

— Как это «молочные»?

— Так говорят про мужиков, которые спали с одной женщиной. Ты что, не знал?

— Нет, — растерянно сказал Женька. — Буду знать теперь. Но я еще не успел это... вам братом стать. Галя говорит, только после свадьбы.

В эту минуту убогий дворик показался мне прекраснее райского сада, тарактенье машин за оградой — слаще соловьиного пения, а тошнотворный запах от мусорных контейнеров — нежнее аромата роз. Я готов был расцеловать весь мир, но рядом был только притихший Грошин, а целовать мужиков — не в моих правилах. Поэтому я просто пожал ему руку на прощанье и отправился, наконец, в свою берлогу, в которую еще не успел даже заглянуть после возвращения из Приволжска.

Забравшись в горячую ванну, я чуть было не уснул: разница во времени между часовыми поясами все-таки здорово бьет по голове. Но чувство ответственности сработало лучше любого будильника. Прежде чем вырубиться, я успел сделать два звонка. Первый — в наш гараж. Там я выяснил, по каким дням кто из водителей дежурит, чтобы подгадать свое возвращение на самого пожилого и хлипкого из них, Мишаню — хитроглазого мужичка лет под шестьдесят (он, надо сказать, чрезвычайно горд тем, что ему доверили ездить на новеньком отечественном внедорожнике «УАЗ-патриот»). Потом я набрал номер, который Моргулис заставил меня выучить наизусть. Как было условлено, я спросил, можно ли на завтра заказать сауну, и мне совершенно правильно ответили, что на ближайшие два дня у них все сеансы выкуплены.

После этого спать почему-то расхотелось. Зато жутко захотелось позвонить Галке и сказать, чтобы она перестала валять дурака и сейчас же приезжала ко мне, потому что с Грошиным ей все равно ничего не светит, зато я через несколько дней запросто смогу решить ее жилищную проблему. «Как это ты ее решишь?» — насторожилась бы она. «Ну, например, подарю тебе квартиру, — сказал бы я. — У тебя же скоро день рождения, вот я и подарю...» — «Свою, что ли, перепишешь?» — невесело

улыбнулась бы она, а я солидно так возразил бы: «Зачем же свою? Новую куплю, только поближе к моему дому».

Эх, был бы я пьян, так бы и сделал, честное слово. Но трезвый — испугался: вспомнил, что мне никогда не везет, если заранее чем-то хвастаюсь. И значит, гениально задуманная комбинация может запросто провалиться из-за какой-нибудь ерунды.

Глава 35. Вроде все срastaется

На этот раз Приволжск встретил меня беспросветным мелким дождиком. Столбы водяной пыли бродили по улицам, намертво захватывая в плен редких прохожих. Великая русская река казалась задумчивой и угрюмой, словно не могла понять, куда и зачем она бесконечно течет, какого лешего утюжат ее спину суетливые суденышки, перекликаясь друг с другом простуженными голосами.

Мы с Силаевым поселились в соседних номерах. Не успел я распаковать сумку, как он уже постучался ко мне:

— Может, прогуляемся? По пивку жажнем?

— Извини, Костя, не могу. Мне сначала надо с партнерами созвониться, набить стрелку. А ты иди, если невтерпех. Тут, кстати, раков к пиву подают — пальчики оближешь. Я в прошлый раз обожрался.

— Да ты что? — обрадовался он. — Так я побежал, а если вдруг какой срочняк — звони на мобилу.

И он торопливо ушел, стуча каблуками. Я выглянул в окно, дождался, пока он выйдет на улицу и скроется за перекрестком, а потом набрал по внутренней связи нужный номер.

— Мы на месте. Напарник пошел расслабляться.

— Отлично, — отозвался знакомый голос. — Пусть сегодня отдыхает по полной. А мы через три часа должны быть у клиента. Он ждет в коттедже, за городом. Придется вам добираться самостоятельно, коллега. Такси лучше прямо сейчас заказать. Куда ехать, помните?

— Честно говоря, смутно.

— Тогда просто скажите таксисту, чей коттедж вам нужен. Тут его все знают.

Еще бы, такой дворец — и не знали, думал я, собираясь на историческую встречу с Бичуриным. Интересно, как все пройдет? Олигарх нынче пошел капризный, как бы не соскочил с крючка в последний момент.

Опасения мои, к счастью, оказались напрасны. Олигарх в этот день вел себя на удивление любезно. Он принял нас с Моргулисом в небольшом уютном кабинете, соизволил приподнять живот из-за стола, пожал нам руки и даже сразу предложил чего-нибудь выпить. Моргулисом отказался, а я скромно по-

просил чашечку кофе. И пока хозяин, поблескивая очками, внимательно читал расписку от мэра, с удовольствием потягивал ароматный напиток с легким привкусом ванили и коньяка.

— Ну, вроде все срastaется, — задумчиво сказал Бичурин, пряча расписку в ящик стола. — Надеюсь, твой шеф понимает, что эту бумажку прочитают все ваши избиратели, если он задумал кидалово?

— Не беспокойтесь, Виктор Михайлович, — спокойно сказал я. — Он же не мальчишка, чтобы с огнем играть. А главное, я же вижу, что он выдохся. Вообще его не узнать: стал совсем не боец, чуть что — в истерику впадает, голова трясется, руки дрожат... Я случайно подслушал, как он говорил, что готов хоть завтра вам пост сдать. Устал, мол, пора на покой, отдохнуть от трудов праведных.

— Так, может, я его и без всяких отступных свалю? — насторожился Бичурин.

— Вполне возможно, Виктор Михайлович, — вклинился в разговор Моргулис, бросив на меня испепеляющий взгляд. — Только это обойдется значительно дороже, чем вариант, который привез мой коллега. И затраты придется нести без всякой гарантии на успех. А если мы примем предложение, то, во-первых, сэкономим больше половины суммы, а во-вторых, победа практически гарантирована.

— Да я понимаю, — вздохнул Бичурин. — Только и ты пойми: если такой расклад, надо бы еще потрговаться. Все-таки сорок процентов за то, что он просто лапки поднимет — слишком круто.

— Торговаться в таких случаях не принято, — вкрадчиво возразил Моргулис. — Это нужно было делать до оформления документа. А если мы станем сбивать цену сейчас, то, во-первых, рискуем получить отказ, а во-вторых, у нашего партнера появится право распространить о вас негативную информацию в деловых кругах. То есть копеечная экономия может разрушить все планы и нанести серьезный урон вашей репутации.

Красиво излагает, собака, восхищенно подумал я. Похоже, эти крутые с виду ребята у него и правда по струнке ходят. Умеет он их обрабатывать, причем так ловко и незаметно — просто диву даешься... Ничего, вот сейчас получу денежки, брошу эту идиотскую службу, найду хорошие курсы по психологии, может быть, даже удастся освоить методику нейролингвистического программирования. О ней я в свое время кое-что слышал от ребят, с которыми пиарил мэра на прошлых выборах. По их словам, если уметь эту штуку применять, можно из кого угодно веревки вить — от наивной девушки, которую хочешь затащить в постель, до следователя, который шьет тебе обвинение.

Пока я мечтал, Бичурин успел куда-то позвонить, и вскоре в дверях возник его домашний казначей — тот самый хохол Гриня, который в прошлый раз красовался в антироссийской футболке. К моему разочарованию, сейчас он был в обычной рубашке и без заветного чемоданчика.

— Завтра приедешь к нему в гостиницу «Волга» и передашь полторы тонны зелены, — сказал Бичурин, указывая на меня. — Пересчитаете вместе с его охранником. И смотри мне — чтобы без фокусов! Возьмешь у них расписку. Все понял?

— Ага, — сонно сказал Гриня и ушел, даже не уточнив, в каком номере я поселился.

Глава 36. Инцидент на трассе

Поздним утром, после плотного неспешного завтрака, я постучался к Косте Силаеву. Он долго не открывал, слышно было, как в номере шлепали босые ноги, что-то с грохотом упало, раздался испуганный женский визг, потом загудела вода в ванной. Наконец из-за двери, приоткрывшейся на ширину детской ладошки, на меня глянули красные, как у спившегося кролика, глаза. Дыхание моего напарника не оставляло сомнений в том, как он провел вчерашний день и большую часть ночи.

— А, это ты, — зевнул Костя. — Извини, заходить не приглашаю, у меня бардак.

— Да ладно, — махнул я рукой, — все нормально, дело житейское. Девушка хоть ничего попалась?

— Да я толком ничего и не запомнил, — нехотя признался он. — Хотел с утра еще палку кинуть — так сил нет, похмелиться бы надо сначала... У тебя ничего нет?

— В мини-баре только.

— Не, там дорого, я и так уже свой почти весь выжрал. Слушай, а нам когда работать?

— Ближе к вечеру. Да там делов — на полчаса, если что, я и один справлюсь. Но ты все-таки давай, приходи в себя, а то клиент может потребовать, чтобы ты тоже был и бумажку одну подписал.

— Ага, постараюсь... Слушай, Серый, ты извини, конечно, не в службу, а в дружбу — не сгоняешь в магазин, а?

— Схожу, мне и самому надо. Чего купить?

— Пивка пару баллонов. Ну и зажевать что-нибудь. Орешков там, чипсов.

— Понятно. Жди, скоро буду.

Не успел я пройти и десяток шагов, как дверь в номере Силаева опять распахнулась, и в спину мне полетел хриплый голос:

— Серый, подожди, Серый!

Я обернулся.

— Прихвати еще пол-литру, а? Или лучше две...

— Хватит тебе и одной, — строго сказал я. — Нам, между прочим, улететь завтра.

— Да ладно тебе, — обиделся он. — Что я, по-твоему, совсем алкаш, норму не знаю? Бери две, деньги дома верну.

В общем, когда казначей Гриня привез заветный чемоданчик, мой напарник был уже совсем стеклянный, как я и надеялся. Он развалился на диване и клевал носом, пока мы с Моргулисом пересчитывали пачки с долларами. Работа, доложу вам, еще та, особенно если у тебя есть воображение. Трудно не сбиться со счета, представляя, что эти зеленые бумажки превращаются в то, о чем ты даже мечтать не осмеливался... Ну, например, в кругосветное путешествие на собственной яхте! Я сбивался раза три, пока Гриня и Борис Маркович не отстранили меня от процесса. Потом мы все, в том числе и Силаев, поставили подписи под распиской в получении чемоданчика. Кстати, Моргулис рядом со своей фамилией дописал: «официальный консультант г-на Бичурина по вопросам внутривластной конъюнктуры и целесообразности действий в различных обстоятельствах».

Наконец я выпроводил гостей из номера. Моргулис перед уходом сообщил, что завтра утром за нами приедет специально оборудованная машина, которую Бичурин выделил для доставки ценного груза в аэропорт. После этого, многозначительно добавив мой коллега, ответственность за сохранность чемоданчика наш партнер с себя полностью снимает. И она полностью ложится на нас с охранником.

— Ну, это само собой, — согласился я.

Затем была бессонная ночь в номере Кости. Он затейливо похрапывал, не зная, что голова его покоится на чемоданчике, завернутом в два банных полотенца. На рассвете он продрал глаза и жалобно попросил пива. Получив запотевший баллон из холодильника, расчувствовался и заявил, что отныне я для него — самый лучший друг, и он порвет любого, кто посмеет меня обидеть.

Сдержать свое обещание Косте удалось в тот же день. Он сумел двинуть кулаком в спину гаишника, который обидел меня очень больно, а главное, незаслуженно.

Инцидент, как и было задумано, произошел прямо на трассе, вскоре после того, как мы приземлились в аэропорту. До стелы с гербом нашего любимого города оставалась пара километров. Добродушный Мишаня спокойно вел свой «УАЗ-патриот», с завистью расспрашивая Силаева о вкусовых достоинствах приволжских раков. Костя отвечал охотно, правда, все время отвлекался на достоинства приволжских девушек.

Потом за поворотом как из-под земли вынырнули трое гаишников. Один строго взмахнул жезлом.

Мишаня послушно притормозил на обочине. Атлетического сложения лейтенант с квадратной челюстью, мельком глянув на документы, велел ему выйти из машины. Они отошли в сторонку. О чем-то минуты три спорили, причем Мишаня заметно нервничал, махал служебным удостоверением, несколько раз показывая на лобовое стекло, где была прикреплена табличка «Транспорт администрации города».

В конце концов наш водила сердито плюнул на пыльную придорожную траву и вернулся к машине в сопровождении всей троицы блюстителей дорожного порядка.

— Хлопцы, вылезайте, — виновато сказал он. — Тут у них, бляха-муха, какая-то специальная операция, наркотики ищут.

Мы с Костей нехотя вышли. Потоптались на обочине, глядя, как один из гаишников открыл бардачок и начал аккуратно вынимать его содержимое.

— Ну какие у нас тут, к херам собачьим, могут быть наркотики?! — вдруг взорвался Мишаня. — Это ж машина мэрии, поглядите, вон даже печать есть! — Он снова стал тыкать в табличку на лобовом стекле и вдруг охнул, скрючился и повалился на землю, держась за пах и скуля от боли.

Я не успел даже удивиться, как меня тоже огрели по затылку — в голове словно граната взорвалась. Я упал на колени, смутно осознавая, что у меня из рук кто-то выдирает чемоданчик. Боковым зрением заметил, как этот кто-то отпрыгнул, и Силаев со всего маху засветил ему кулаком в спину. Но тут третий гаишник-оборотень, тоже здоровый, как боров, неприметным движением сбил Костю с ног и так его ударил сапогом в лицо, что у него кровь из носа хлынула чуть ли не фонтаном.

Словно через мутное стекло я наблюдал, как они запрыгивают в нашу машину, как она удаляется, увозя волшебный чемоданчик, и думал, что вообще-то мы с Моргулисом не совсем так договаривались. Во всяком случае, моя вздувшаяся шишка была явной самодеятельностью. Да и Мишаню незачем было так жестоко пинать в самое больное место; вполне можно было просто припугнуть, он бы даже не пикнул. Исполнители нашего замысла слишком перестарались, надо будет за это содрать с Бориса Марковича солидную неустойку, размышлял я, пытаясь привести в чувство водителя и охранника.

Первым пришел в себя Костя и — надо отдать ему должное — сразу догадался, что звонить следует не в милицию, а Владлену Степанычу.

— Кто же нас сдал?! — недоумевал он. — Кто мог про деньги знать, кроме нас с тобой и шефа?

Я пожал плечами. Рассуждать на эту тему мне хотелось меньше всего...

Глава 37. «Твоя рыбка соскучилась»

Шум, конечно, вышел изрядный. Мы прославились не только на весь город, но и на всю страну, даже получили некоторую толику международной известности. Сюжет об угоне мэрского джипа охотно крутили по центральным телеканалам, да еще намекали (видимо, для пущей эксклюзивности), будто в этой машине обычно ездил сам мэр, и только по счастливой случайности его там не оказалось в момент ограбления. А несколько зарубежных информ-агентств радостно написали о том, что в российском городе Энске коррупция и преступность достигли просто небывалого размаха: грабители среди бела дня угоняют автомобили городской префектуры и жестоко избивают чиновников-пассажиров, причем прямо на глазах у равнодушно проезжающих мимо автолюбителей.

Это они, безусловно, приврали. Возле нас многие останавливались, любопытствовали, что случилось, предлагали разнообразную помощь — в основном подбросить до города. Один чумовой парень пытался насильно перевязать Косте голову. Две девушки, студентки медицинского колледжа, выразили готовность отвезти нас в больничку, где у них блат в приемном покое, потому что они там проходят практику. В общем, пока мы дождались приезда оперативников, следы грабителей были основательно затоптаны.

— Ничего, найдем, — устало сказал молодежавый следователь. — Возьмем сегодня пару-тройку авторитетов, прессанем их в обезьяннике, сами вашу тачку назад пригонят. Попутали они, явно попутали... В салоне что-нибудь ценное было? — обратился он к Мишане.

— Да вроде нет, — задумчиво ответил он и вдруг хлопнул себя по лбу: — Елы-палы, у меня ж там зачка под ковриком! Вчера от жены спрятал! Восемь тысяч пятьсот рубликов! Украдут же, сволочи!

Мы с Костей переглянулись и заржали, как два прыщавых подростка, — просто от переизбытка эмоций. Хотя смеяться над нашим товарищем по несчастью было, конечно, грех. Восьмидесячная зачка по сравнению с суммой, упорхнувшей в чемоданчике из наших рук, конечно же, выглядела ничтожной. Но поскольку все в мире относительно, то еще вопрос, кто понес большую утрату — Владлен Степанович или Мишаня.

Кстати, мэр воспринял неприятную новость на удивление спокойно. Я был уверен, что он станет орать на нас с Костей, требуя признаться, кому мы, суки такие, продались, будет угрожать самыми невероятными карами, если мы по-хорошему не вернем уплывшие у него из-под носа миллионы. Но он, вы-

слушав наши правдивые показания, лишь вздохнул шумно и тяжело, как бык, уставший бегать по арене за матадором. И вдруг пробурчал загадочно:

— Чужало мое сердце, что этой суке нельзя доверять...

Потом он каким-то обреченным голосом попросил нас, чтобы мы посодействовали следователям чем только можно. Подробно описали внешность злодеев, их особые приметы, манеру разговаривать и т. п. Тут-то мы с Костей и вспомнили, что гаишники-оборотни стояли на трассе без привычного автомобиля с мигалкой — то есть заранее были нацелены на угон. Счастье еще, что мы не сумели оказать им достойного сопротивления, а то, возможно, некому было бы давать сейчас показания.

Машину, кстати, нашли быстро — на следующее утро. Она сиротливо стояла на площадке возле виадука, соединяющего одну из главных городских улиц с объездной дорогой. Двери были закрыты, внутри все было на месте — даже заначка под ковриком лежала целехонькая, чему Мишаня несказанно обрадовался. Не было только волшебного чемоданчика. Но об этой пропаже мэр велел нам с Костей молчать, так что громкий угон следователи отнесли к разряду курьезных преступлений. Мол, ошиблись угонщики, не ту машину собирались взять. А когда поняли, чья она, испугались и вернули в целости и сохранности. И слава богу, одним висяком меньше!

Через три дня, как и было условлено, я позвонил по телефону, который Моргулис заставил меня выучить наизусть. Мне нужно было сказать кодовую фразу, и тогда мне объяснили бы, как выйти на коллегу-подельника и получить у него мою законную долю из заветного чемоданчика. Но механический женский голос в трубке почему-то раз за разом повторял, что такого номера не существует. По своей природной доверчивости я ничего не заподозрил, наоборот — обругал себя идиотом за то, что неправильно запомнил цифры. И, поколебавшись, набрал прежний номер Моргулиса. Тот же механический голос объяснил, что абонент находится вне зоны доступа, и предложил перезвонить позже. Тогда я послал эсэмэской кодовую фразу «Твоя рыбка соскучилась». И честно стал ждать.

Ждал я долго — почти месяц. За это время тысячу раз пытался дозвониться Моргулису, истратил кучу денег на эсэмэски с призывами к совести, угрозами и проклятиями. Но мой коварный коллега не отзывался. Может быть, исчез в том измерении, откуда свалился на мою глупую голову...

Мэр внезапно взял отпуск и куда-то умотал, хотя по всем правилам сейчас ему нужно было не отдыхать, а наоборот — пахать в две смены, готовиться к скорым выборам. По конторе поползли слухи один

нелепее другого. Больше всего, как водится, верили самой дурацкой версии: якобы Ирма Витальевна много лет была тайной любовницей мэра, а теперь состарилась и ему надоела, вот он ее и гонит с глаз долой, но поскольку Женька — их внебрачный сын, его не увольняют...

А меня с каждым днем все сильнее сковывала какая-то странная апатия. Я приходил утром на службу, садился в кресло и часами тупо смотрел за окошко. Даже компьютер не включал, чтобы проверить электронную почту. Никто меня не тревожил, лишь один раз позвонили из бухгалтерии, робко попросили сдать, наконец, отчет за командировку в Приволжск. Я пообещал, но не мог вспомнить, куда девал счет за гостиницу и посадочные талоны, ну и забил на это дело. Даже в курилку мне лень было ходить, и я стал смолить прямо в кабинете, выдыхая дым в форточку, а окурки прятал в банку из-под огурцов, вечером уносил с собой и вытряхивал в урну по дороге. На обед я тоже перестал спускаться в нашу столовую, а шел в привокзальное кафе и старался сесть именно за тот столик, где мне впервые явился «консультант по любым вопросам». Меня туда словно магнитом тянуло, честное слово! Наверное, не напрасно говорят, что преступник обязательно приходит на место преступления... Мне именно за этим столиком и пришла в голову мысль, что я ведь по сути — тоже вор, поскольку помог Моргулису обвести всех вокруг пальца и смыться с волшебным чемоданчиком. Ему, наверное, сейчас хорошо — отдыхает в какой-нибудь далекой стране, на шикарной вилле, потягивая экзотические коктейли и развлекаясь с ласковыми девушками. А тут сиди, запивай дешевым пивом подгоревший шашлык и гадай — вызовут тебя куда следует или все-таки пронесет...

В один из таких дней, сразу после очередного обеда в привокзальном кафе, ноги сами понесли меня в прокуратуру. Слава богу, там на входе сидела суровая тетенька в погонах, она потребовала мои документы и спросила, кто меня вызвал. Я промямлил, что забыл захватить паспорт, и чуть ли не бегом ринулся на улицу. Вернулся в свой кабинет, достал чистый лист бумаги и написал:

*Мэру города Энска
Владлену Степановичу С.
От его верного консультанта
Сергея Игоревича Кириллова*

ЗАЯВЛЕНИЕ

Искренне прошу как можно быстрее освободить меня от занимаемой должности, потому что я не

могу Вас объективно консультировать и быть Вам полезен, как раньше.

Поставил дату, подпись, перечитал. Вроде старался написать душевно, с чувством, а вышло все равно казенно! Пришлось дописать внизу:

Спасибо, и не поминайте лихом!

Чтобы не передумать, я немедленно отнес листок в приемную. И не дожидаясь, пока секретарша прочтет текст, выбежал из мэрии и свалил домой.

Еще до конца рабочего дня мне позвонил Чапай:

— Ты что, с катушек съехал?!

— Пока нет. Но уже недолго осталось...

— Оно и видно! У нас все сегодня только и говорят, что о твоём заявлении. Ты хотя бы мне можешь внятно сказать, с чего ты вдруг решил так выпендриться? Неужели работу нашел, где еще больше башляют?

— Да я даже не искал ничего. Просто надоело штаны протирать без дела.

— Тогда ты точно чокнулся! — сказал мой приятель и бросил трубку.

Глава 38. Никудышный из меня сапер!

Солнечный лучик отражается от настенных часов и прыгает прямо на экран монитора, мешая мне правильно рассчитать, где спрячется «мина». Я нажимаю не на тот квадратик — раздается предательский треск, и все игровое поле покрывается красными огоньками «взрывов». Черт, опять проиграл, никудышный из меня сапер! Лучше все-таки в шахматы с компьютером сражаться, там, по крайней мере, пережидать можно...

Время уже обеденное, но аппетита нет. Я достаю из ящика стола коробочку с магазинным винегретом, пару ломтиков черного хлеба, разогреваю чайник, размешиваю в кружке с кипятком бульонный порошок из яркого пакетика, на котором изображена такая счастливая курица, словно это она сама наваривается на продаже сухого бульона, а не кладет голову под топор, чтобы ее сварили. Жду, пока кипяток немного остынет, машинально ковыряя вилкой маслянистые кусочки свеклы и морковки.

Сегодня с утра было всего два звонка, да и то, похоже, звонили не реальные клиенты, а так — из любопытства... Может быть, надо как-то поактивнее рекламировать свои услуги, а не только расхваливать себя под разными никами на форумах в Интернете? Впрочем, доходы мои хоть и невелики, но на скромную холостяцкую жизнь их вполне хватает. А лишняя суета — да ну е!!!

Скромная, пропахшая табаком квартира, уютный кабинетик, в котором так славно можно подремать в кресле, чашка кофе на завтрак и кружка пива на ужин... В самом деле, много ли надо человеку, чтобы достойно встретить старость?

На двери моего кабинета висит табличка:

КОНСУЛЬТАНТ ПО ЛЮБЫМ ВОПРОСАМ

Прием по предварительной записи с 11:00 до 18:00, ежедневно, кроме пятницы

Впрочем, на этот график я давно махнул рукой: если кто-то готов пообщаться со мной за деньги, принимаю страждущего в любое удобное для него время. И если он очень попросит, в любом удобном месте.

Клиентов у меня, честно говоря, негусто, а платежеспособных — еще меньше. Чаще всего заявляются мелкие коммерсанты, их обычно интересует, как бы это совсем не платить налоги, а еще — каким способом можно обойти конкурентов или раздобыть денег в банке без залога и желательного под нулевой процент. На втором месте — женщины средних лет, обычно разведенные или на грани развода; им нужно просто выплеснуть эмоции, пожаловаться на скотское поведение своего спутника жизни, ну и заодно узнать, как эту скотину вернуть в лоно семьи, чтобы он там сидел не рыпаясь и еще благодарил судьбу за такое счастье. Ну и молодежь иногда захаживает с целью получить компетентный совет по самым разным поводам. Диапазон их интересов широк, от вопроса «Как реально свалить на ПМЖ в Америку?» до «Почему Саша ушел от меня к Маше, хотя у меня грудь на два размера больше?».

Надеюсь, вреда от моих советов не так уж и много... Правда, несколько раз меня обещали побить, но благодарили все же чаще. Раза три даже приносили дополнительный гонорар. А одна дамочка, которой я помог отучить мужа от недельных загулов, до сих пор регулярно забегает ко мне просто так, поболтать и притаскивает от щедрого женского сердца свежие пирожки. Кстати, очень вкусные — особенно с грибами.

За кабинетик я плачу сущие копейки. Спасибо Чапаю — это он устроил мне субаренду на муниципальной площади, в здании, которое с незапамятных времен занимает какая-то таинственная контора, контролирующая то ли качество муки в котлетах, то ли вязкость битума в прошлогоднем асфальте. Они меня не достают за нерегулярность платежей; зато и я, расплачиваясь, не требую от них никаких документов. И налоговая инспекция меня не трогает, нечего ей взять с официального безработного, которому служба занятости не в силах подыскать вакансию, аналогичную его последней должности. Штат консультантов в мэрии заполнен до отказа, естественно.

Из прежней жизни в мою тихую гавань иногда заплывают два человека. Чапай — попить пивка (поскольку водочки в рабочее время он уже себе позволить не может), рассказать последние конторские сплетни и похвастать очередными амурными приключениями. А еще Иван Михайлович Корнеев, бывший сотрудник сельхозотдела — попить чайку и сыграть партию в шахматы. Его, кстати, выперли очень скоро после того, как в кабинет градоначальника въехал на белом коне тот самый депутат, который благодаря коварным действиям мадам Грошиной разжился обширным компроматом на Владлена Степаныча и в самый нужный момент рассказал прокуратуре, а заодно и всем горожанам, какие махинации тот проворачивал. Правда, новый мэр-правдоискатель по депутатской привычке все больше представляет — ездит на всякие деловые тусовки, витийствует на презентациях и выставках, разрезает ленточки на новых торговых центрах, очень любит принимать иностранные делегации. А реально заправляет всеми делами в городе его первый заместитель. Ну-ка, угадайте с трех раз, кто это? Правильно, Ирма Витальевна Грошина.

Между прочим, для меня все сложилось куда лучше, чем можно было ожидать. Больше всего я опасался появления молодцев Бичурина, но приволжский олигарх, похоже, поверил, что я сам стал жертвой хитро расставленной ловушки, и никак не обозначал мне своих претензий. А вот когда Владлен Степаныч узнал о моем внезапном увольнении, он сильно заподозрил меня в сговоре с конкурентами и даже сгоряча грозил сдать куда следует, обвинить в хищении волшебного чемоданчика. Но тут у него самого так криво пошли дела, что ему стало не до меня. Прокуратура с невероятной активностью ринулась исследовать поднесенный ей на блюде компромат, и Владлену Степанычу пришлось срочно залечь в зарубежную клинику. Ему, как общала пресс-служба мэрии, давно уже был поставлен какой-то труднопроизносимый диагноз, но наш замечательный градоначальник продолжал упорно работать на благо народа, пока его не свалил приступ болезни. Так он, бедолага, и не поправился, пока не истек срок мэрских полномочий. По слухам, он до сих пор живет в той стране, снял квартиру неподалеку от клиники — чтобы постоянно быть под наблюдением замечательных врачей, спасших его от физической и политической смерти.

От Василия Иваныча я узнал, что Женька Грошин неожиданно быстро пошел вверх по служебной

лестнице, теперь он уже начальник недавно созданного управления городских инвестиционных программ. Кстати, коллектив в этом управлении исключительно женский. Конечно, никто над Женькой теперь не прикалывается, и наша добрейшая уборщица Нелли Викторовна, в прошлом учительница русской литературы, аккуратнейшим образом протирает пыль в его кабинете, тщательно вытряхивает урну и поливает цветы на подоконнике.

Эпилог

— Алло, скажите, пожалуйста, а вы действительно можете проконсультировать по любому вопросу, даже самому неожиданному?

— Да, — хрипло отвечаю я. Неужели у меня начались слуховые галлюцинации? Этот голубиный, медовый голос невозможно перепутать ни с каким другим! Господи, зачем она меня нашла?

— Понимаете, у меня такая ситуация, что я даже не знаю, к кому обратиться, — торопливо говорит она, словно боится, что у нее кто-то сейчас вырвет трубку. — У меня муж, он не старый, очень положительный, непьющий, добрый, меня любит и балует, а я его просто ненавижу! Так ненавижу, что хочу убить, когда он пристает ночью... Вы можете мне помочь?

— Убить его? — тупо спрашиваю я.

— Да нет, что вы! — пугается она. — Нет, мне нужно найти какой-то выход, он так долго меня добивался, что я не могу его бросить, и он мне не делает ничего плохого, ни разу не обидел, да и материально я не потяну, у меня ведь даже жилья нет в этом городе...

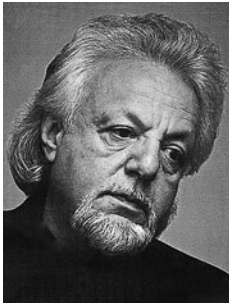
— Запиши адрес, Галчонок! — решительно обрываю я этот сбивчивый монолог, в котором уже закипают слезы. — И приезжай прямо сейчас, слышишь?! Помнишь, я тебе уже однажды говорил, что пусть не всякий человек достоин любви, но каждый заслуживает снисхождения. Вспомнила?

В трубке — короткие гудки. Я вытираю пот со лба и бессильно опускаюсь в кресло. За окном моросит дождик, тополь мокрыми листьями шлепает по подоконнику, машины скрипят тормозами на светофоре. Я сижу и думаю, что в моей жизни наконец появился смысл. Я почему-то уверен, что она обязательно ко мне придет, и неважно, когда это случится — сегодня, завтра или через десять лет, и все равно, сколько мы будем вместе — пять минут или пока смерть не разлучит нас...

Главное ведь уже сказано, правда?

Март 2009 г. — август 2011 г.

Михаил МОРГУЛИС

Михаил Моргулис учился в Киевском речном техникуме, в Ленинградском институте водного транспорта, в Школе журналистов при Киевском университете. Учился и преподавал в Норвичском университете (США), там же получил степень мастера. Писал программные работы «Ранние рассказы В. Набокова», «Духовные мотивы Достоевского». Печатался во многих американских, российских, британских, украинских изданиях. Почетный доктор Американской духовной академии и Академии искусства.

В 1972 году получил первую премию на литературном конкурсе Союза писателей Украины. Конкурс проходил под девизами, никто не знал фамилий авторов, потому он, к несчастью маститых писателей, и удостоился главной награды. Позже печатался в журналах «Континент», «Время и мы», «Новый журнал», «Радуга», «Литературный курьер», «Чайка», «Рашен-Америкэн бизнес» и др.; газетах «Чикаго трибюн», «Новое русское слово», «Русская мысль», «Независимая газета», «Литературная газета» и др. Основал в 1982 году в Чикаго издательство Slavic Gospel Press, переведшее на русский язык и выпустившее книги ста семнадцати авторов, а также Библию и Новый Завет общим тиражом около пятнадцати миллионов экземпляров. Автор восьми книг на русском, английском, немецком, финском языках.

Писать о нем не так-то просто. Не так просто найти определение или какой-нибудь приемлемый аршин, чтобы ухватить масштаб этой личности: писатель, мыслитель, проповедник, человек, неустанно борющийся за жизнь больных детей, издатель, советник при Конгрессе, добрый человек и т. д.

Несмотря на свою доброту, которая просто-таки каким-то не Тихим, но океаном накрывает с головой всякого, кто впервые видит и слышит его, у него есть свои довольно прочные убеждения. Убеждения эти сформированы его христианским мировоззрением. Создатель новой концепции — «Духовная дипломатия». Его дипломатия — это дипломатия доброты. И в то время, как у нас и в Америке не знают, каким образом извести Лукашенко, Михаил Моргу-

лис, идя всему наперекор, говорит о том, что с Лукашенко надо договариваться, нельзя говорить с ним с позиции силы, Лукашенко — диктатор, выбранный своим народом!

Впрочем, я, кажется, забежал немного вперед. Всею свое время.

Журнал «Юность» начинает публикацию мемуаров Михаила Моргулиса, его герои — русские, советские писатели: Иван Елагин, Иосиф Бродский, Сергей Довлатов, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, известные политики и артисты. Но если вы думаете, что перед вами — стандартный набор общеизвестных, прописных истин и штампов, вы глубоко заблуждаетесь.

Словом, читайте и получайте удовольствие!

Игорь Михайлов

СНЫ МОЕЙ ЖИЗНИ, или ПОЛУЗАБЫТЫЕ СНЫ

(Воспоминания Михаила Моргулиса. Начаты в 2008 году, в августе)

В далеком 31-м году поэтесса София Парнок мудро предсказывала:

И вправду угадать хитро,
кто твой читатель в мире целом:
ведь пущенное вдаль ядро
не знает своего предела.

А это мои слова:

Все умирает в этом мире,
Я повторяю вновь и вновь,
Не умирает в этом мире,
Лишь слово вечное — любовь.

Все можно вернуть в этой жизни: славу, деньги и даже любовь. Не вернется никогда только время. Время не возвращается. Вчерашний день ушел, завтра может не прийти, у нас есть только — Сегодня. Поэтому только сегодня можно сделать замечательное доброе дело для людей и для Бога.

Никто не гарантирован от того, чтобы произнести глупость. Несчастье заключается в том, когда ее произносят торжественно.

Монтень

«Жизнь — как уходящая тень», — говорит Танах. Чья это тень — тень от башни или дерева? Ни то ни другое — это тень от летящей птицы, ибо улетает птица, и не остается ничего, ни птицы, ни тени, ни жизни.

Мидраш

О тех, кого нет

Эти слова написала на конверте моя мама. В конверте лежали фотографии людей, которые ушли с земли, проще говоря, умерли. Пусть это название останется и над моими записями. Все мы когда-нибудь становимся «те, кого нет».

С большинством из вас, кто читает записи, я на земле не встречу, потому что меня здесь уже нет. Но мысль моя осталась с вами, и вы чувствуете мое присутствие. Значит, где-то мы с вами сосуществуем, где-то касаемся друг друга кончиками наших душ и мыслей.

Хочу не забыть и напомнить сейчас: каждый день вспоминайте, что жизнь наша на земле — всего лишь одна. Она — как палочка, что мы из нее выстураем, то и будет. Дудочку ли для игры, хворостину для битья, солдатика для войны или кошку для мяуканья. А может, теплую деревянную собаку

с печальными глазами. Поэтому напоминайте себе о жизни. И также помните, вчерашний день от нас уходит навсегда, завтрашний день может не прийти к любому из нас, поэтому у нас есть только сегодня. Нельзя об этом забывать, если забудем, умрем с недоструганной палкой в руке, от которой засели в нас занозы. Вот такой совет...

Возможно, наша жизнь — это постоянный разговор с собой, с людьми, с Богом?

Так что же в жизни главное? Любой наш ответ будет неполным. Даже если догадываемся, надо молчать. Когда-нибудь каждому на это будет дано объяснение. А теперь пойдем в те полусны, которые назывались жизнью. Идите с радостью, ведь это так здорово — ходить по этой жизни с радостью в сердце и на лице. В таком случае, возможно, мы дойдем с вами и до лестницы любви.

Автору «Воспоминаний» 8 лет

Вот так, неожиданно стал старым, шестьдесят шесть лет. А только вроде недавно думал: после двадцати пяти не стоит жить. А потом, когда стало двадцать пять, тогдашняя легенда и икона советской песни Леонид Утесов посмотрел на меня и сказал: «Ваша судьба быть всю жизнь мальчиком, а потом неожиданно превратиться в старика». Так, видимо, и случилось.

Так вот, воспоминаний писать и не думал, хотя событий случилось много, встреч было густо, но все надо составлять, вспоминать, напрягаться, лезть в папки, листать, звонить тем, кто еще жив. А у меня другой всякой работы много, да и пока жив, хочется написать сумасшедший, прекрасный роман и надеяться, что, когда его будут читать, автор каким-то образом сможет получать удовольствие на том свете. Но множество людей с нарастанием стали говорить, мол, вы столько видели, со столькими интересными беседовали, где только ни побывали, этого уже не вернешь, люди забудут, расскажите об этом в книге, и не только нам, а всем. И, по-видимому, от их слов вдруг стали появляться люди из прошлого, стали вспоминаться их взгляды, слова, их смех... И вот оно все как будто театром стало становиться, причем то

театром реалистичным, а то театром абсурда. В общем, временами жизнь стала повторяться, как будто на сцене. Чудесный и страшный спектакль из прошлого. И решил я так, людям все равно, как написано, лишь бы любопытно им было, а поэтому сделаю, как говорил когда-то кто-то, может быть я, «пришла мысль, а ты ее с темечка и на бумагу». И пусть все будет не по порядку. И в жизни все не по порядку. Мы будем с вами летать на маленьком самолетике и разглядывать заколдованное кукольное королевство, которое называется Жизнь. Будем перелетать с одного места на другое. Вот такой самолетик, ну как пчела. Надо только, чтобы у читателя сердце иногда щемило, и глаза заволакивались, и не хотелось ему, чтобы книга эта закончилась. А вспомню я многих, если Бог даст. И дочку Льва Толстого Александру Львовну, и писателей прошлого поколения, которых я застал, вымирающих мамонтов русской литературы, Андрея Седых, Родиона Березова, Бориса Филиппова, Игоря Чиннова, Романа Гуля, Ивана Елагина и белогвардейца Николая Мартынова, который Ленина арестовывал, и Рюрика Дудина, владовского офицера, и моего русского профессора в американском университете Леонида Ржевского, и последнего родственника жены Ленина Николая Первушина, и потом уже Виктора Некрасова, и Иосифа Бродского, и Славу Ростроповича, и Наума Коржавина, и Василия Аксенова, и Сережу Довлатова, и Владимира Войновича, и Петра Григоренко, и Владимира Максимова, и Женю Петросяна, и Славу Полунина, и Михаила Горбачева, и Руслана Хасбулатова, и Рейгана, и мать Терезу, и Хиллари Клинтон, и многих других. Так что, читатель, облизните губы, глотните чего-нибудь, и поехали. Как говорится, с любовью и с Богом!

Первое, что хочу вспомнить, — тот неускользающий эпизод из детства. Мне шесть лет. Киев, 1947-й послевоенный голодный год. Я всегда хочу есть. Мы с мамой в гостях у ее благополучной подруги. Благополучной, потому что муж работает директором продуктовой базы. Повторю, на дворе голодные послевоенные годы. Моя интеллигентная мама научила меня правилу поведения в гостях — читать книги и на предложения о еде отвечать: «Я сыт. Я очень сыт». И улыбаться.

Я сижу в кресле, читаю «Анну Каренину» и вижу свои свисающие ноги в заштопанных носках. За обеденным столом хозяин. Он ест суп с белой фасолью, над тарелкой виден верх огромного куска курицы. У меня нюх, как у собаки. Из-за этого запаха я совсем не понимаю, о чем говорит Анна Каренина. Хозяйка быстро спрашивает меня: «Хочешь кушать?» (А ведь по сути, это еще выше гамлетовского вопроса «Быть или не быть?!»)

Исцеленный перуанский мальчик

— Спасибо, я сыт. Очень сыт.

И в доказательство я сыто улыбаюсь. Сегодня утром я ел манную кашу на воде. У меня в руках «Анна Каренина», а на столе нежная куриная кожа. Она слегка дрожит поверху курицы, мне кажется, я вижу желтые кружочки жира, плавающие на поверхности супа. А что ела Анна Каренина? Представляю: утро, за окном вишневые деревья. Она в белом платье, в волосах черепаховый гребень. Стол из орехового дерева, на нем хрустящая белая скатерть с вензелями. Посредине медный самовар, горит от прикосновений солнечных лучей, ласкающих его бока. Служанка вносит... ну что она вносит... вареную курицу, жареную картошку, не знаю, ну не котлеты же... Что же она вносит... Да, знаю... карася в сметане, вареники, политые сметаной, а по краям тарелки лежат конфеты ириски... Чуть не забыл, вносит она еще поросенка, начиненного кашей. И, конечно, конечно, я вспомнил из книги Чехова, сейчас принесут огромную вазу со свежей малиной, политой сливками. Я никогда такого не ел, но знаю, как это невозможно вкусно. А в это время Анна Каренина говорила в книге Вронскому:

— Постой, мне надо кое-что тебе сказать. Ничего, что я позвала его обедать...

Мы возвращаемся домой. Мама говорит: «Хотя ты и был сыт, но отказался очень красиво!» Ночью, как часто уже бывало, мне снится сковорода со скворчащими котлетами. Я мечтаю, когда-нибудь мне дадут такую сковороду с котлетами, они будут горячими и шипящими, и я буду есть их без конца, и все до одной. Мне часто снилась эта сковорода с котлетами.

Через несколько дней я иду по улице с вором Женькой-длинным, и он просит украсть у соседней кусочек золота. И чтобы мне понравиться, он врет о своем распорядке дня: «Утром я встаю, и мне приносят в кровать сковороду с котлетами, а потом, днем, мне приносят колбаску... А потом, вечером...» Тут Женька запнулся, не зная, что сказать, но потом все же выдал: «Вечером я пью сырые яйца, ем икру ложками, а потом мне снова приносят сковородку с котлетами».

Вот так мы жили.

А теперь вспомню, где мы жили: Набережно-Никольская, 17, — киевский адрес, по которому была прописана наша семья. Это была тихая старинная улица, спускающаяся к Днепру. Все улицы в этом районе связаны с далеким прошлым Киева. Набережно-Крещатицкая, Набережно-Никольская, Волошская, Ильинская, Почайнинская, по имени сестры князей, построивших Киев. Послевоенное время. Подол.

Здесь, как и везде, жили люди, изгнанные из рая. На нашей улице с булыжной мостовой стояла старинная недействующая Никольская церковь. Мы цеплялись за высокие заборы и вглядывались в неприбранные хмурые сады церкви. Лезть через забор боялись. Рассказывали друг другу страшные истории. Церковь возвышалась над нашей улицей, спускавшейся к Днепру. Одной стороной она вглядывалась в Днепр, а второй смотрела на наш дом, на наш двор. Где, как говорится, шла жизнь. Точнее, избитая до полусмерти, вся в кровоподтеках, жизнь не шла, а ползла, а по ночам страшно стонала.

Церковь смеялась над нами и плакала.

Соседка-интриганка

Рахиль Давыдовна была интуитивно талантливой интриганкой. Если бы не коммунистическое руководство страны, она бы интриговала в политических сферах. Но по известным причинам ее туда не допустили. И она вносила элементы интриги в застывшую трусливую жизнь двора. В те времена покупка на базаре убогой синей курицы превращалась в дикое напряженное состязание, почти в подвиг, в великий праздник души и мира. Жильцы нашего двора позволяли себе такое раз в месяц. Цены на базаре были жуткие. На две мандаринки дети копили деньги по полгода. Муж Рахили Давыдовны Пиня Спивак находился на грани буйного помешательства. Он работал диспетчером автобазы, и шофера платили ему мзду. Он каждую ночь ждал ареста и потому, дав себе слово встретить арест с улыбкой, постоянно улыбался.

Деньги тратила Рахиль Давыдовна. Она шла на базар и приносила жирную курицу. Тогда все спрашивали друг у друга о цене. Рахиль Давыдовна охотно отвечала: три рубля! За такие деньги можно было купить лишь четвертушку такой курицы, и соседки пачками падали в обморок. Рахиль Давыдовна отливала их водой. За курицу она заплатила пятнадцать рублей, но ей нравилась интрига.

Ночами мне снились ее курицы, они лежали на тарелках, с них сочился жир в золотых блестках, и они пахли лучше, чем яблоки райского сада.

Невеста Эльза Штофер

Она жила на нашей лестничной площадке вместе со своей старшей сестрой, обремененной тупыми дочками и забитым мужем. Лицо у Эльзы было в бородавках, а губы вывернуты, как у Луи Армстронга. И была она одинокой и злой. Всех детей называла странным словом «эвербутлы», что понималось как «недоделанные». Она прибыла к сестре после окончания войны, в 1945 году. Посидев во дворе и подождав, пока вокруг соберется достаточно слушателей, она сообщила, что ее муж, полковник, скоро возвращается с фронта и везет целый вагон немецких вещей. Если у кого-то есть небольшие просьбы, она может записать и передать их мужу. Просьбы были у всех. Таким образом, Эльза получила аванс уважения на несколько месяцев вперед. Но муж задерживался. Эльза читала его письма о саксонских вазах и серебряной посуде, потом останавливалась, покашливала и тактично говорила: а это не для вас, тут он пишет о любви... Но все просили, и Эльза, краснея, читала собственные произведения: «Ты моя чайная роза, мой пупсик, мой золотой человек...» Все бабы зачарованно плакали.

А муж не ехал. И все переставали верить Эльзе и письмам. Когда она однажды прочитала «Ты мой золотой человек...», ее грубо перебили, ты, мол, это уже читала, давай другое. Полковник так и не приехал, а бородавок стало больше.

И вот случай. Хриплый крик Эльзы с третьего этажа парадного: «Ограбили! Держите вора!» Из дверей парадного выскочил пацан с фиксами и в тельняшке. Мужики побросали домино и устремились за ним. Пацан бежал по улице к Днепру. Все кричали: «Держи вора!» И он кричал со всеми: «Держи вора!» И встречные не знали, кого держать. Так бы и убежал, горемычный. Да бросила одна торговка ему корзину под ноги. И избил его, и отдали милиционерам. А мне было его жаль.

Он показал Эльзе финку, забрал поломанные часики и два рубля. Несколько дней Эльза была в роли героини-страдалицы. А потом мерзость жизни снова заполнила все углы. Однажды я взглянул на Эльзу и увидел, что она стала старухой, и не было у нее не только полковника, но и просто никого не было.

И церковь все это видела.

Полицай Афанасий

Жил в нашем дворе мужик с белой косматой бородой. Говорили, что во время оккупации Киева он был полицаем, служил фашистам. И добавляли тихо, шепотом, что он убивал людей. Но КГБ (тогда НКВД) почему-то его не арестовал. Афанасий жил в подвале, проходя по двору, ни с кем не здоровался. Если наши нищенские послевоенные игрушки сваливались в окно его подвала, мы за ними не лезли. Боялись. У него был хищный прищур голубоватых глаз, одно ухо большего размера и коричневое. Иногда он улыбался, думая о своем, и нам становилось страшно. Интересно, что никто из соседей на него не написал в НКВД письмо, хотя тогда это очень практиковалось, не донес, но наверняка там его знали. Была здесь какая-то тайна. Однажды он подошел к работающему в нашем дворе пленному немецкому солдату и ударил по лицу. Конвоир его отогнал, вскинул автомат. Афанасий молча ушел, конвоир и немец долго смотрели ему вслед. Каждый думал о своем. Сейчас мне кажется, что Афанасий стал ненавидеть немцев за то, что Сталин одержал над ними победу. Однажды я заигрался во дворе, сзади раздался шорох, это был Афанасий. Он смотрел на меня, было почти темно. Он смотрел-смотрел, потом сильно вздохнул. Хотел погладить меня по голове, почти дотронулся и вдруг очень резко отдернул руку. Через пару месяцев его арестовали. Дворничиха тетя Марфуша шептала, что, мол, узнали, он убивал людей в Бабьем Яру, и теперь его самого расстреляли. Однажды ночью мы с двумя друзьями преодолели страх, влезли в окно подвала, открыли и соскользнули в его комнатуху. При обыске как все перевернули, так оно и осталось. Мы увидели огромное количество рисунков, и на них были изображены дети. Мы поняли, это Афанасий рисовал детей. Может быть, им же и убитых? Они были разные. Странно, нам было его жалко. Почему? Спрашиваю я сейчас Бога. Бог знает, но молчит. А я не знаю.

Церковь видела и это...

Продолжение следует.

Татьяна МЕДИЕВСКАЯ

Татьяна Медиевская родилась и живет в Москве. Окончила МХТИ им. Д. И. Менделеева по специальности «инженер-химик» и патентный институт. Работала тренером по фигурному катанию, инженером на строительстве Токтогульской ГЭС, патентоведом в научно-исследовательских институтах и на Втором часовом заводе. В настоящее время учится в Литературном институте им. А. М. Горького на Высших литературных курсах.

ДВА РАССКАЗА

Рисунок Анны Дудяковой

В ПОИСКАХ МАРИО

— **А**х, Марио, Марио!

У него гордый римский профиль, тонкие черты лица, кожа светло-оливковая, как на полотнах мастеров Возрождения, большие миндалевидные карие глаза с густыми ресницами, тонкие и длинные кисти рук, темные волнистые волосы, порывистость в движениях и осанка своенравного человека. Марио — воплощенный дух прекрасной Италии.

Самое главное — это, конечно, не внешность — у него должен быть горящий взор. Мне кажется, многие люди просто спят на ходу или смотрят внутрь себя. Мой Марио должен излучать свет и обладать истинным мужским обаянием, а не гламурной сексапильностью.

Не смейтесь — это же идеал!

В звуке этого имени, Mario, я слышу шум прибрежных морских волн, дуновение ласкового ветерка, и сама «любовь» по-итальянски — «аморе»!

Уверена, что если я его встречу, то обязательно узнаю. Но встретить Марио оказалось очень трудно, почти невозможно.

Для того чтобы приблизить свою мечту, я поехала в Италию.

Рим, Неаполь, Капри!

«Буон джорно, синьора! Буона сэра, синьора!» Эти слова, обращенные ко мне, зазвучали как закливания!

Я лежу на морской гальке бухты Марино Пикколо. Даже глаза закрыла от блаженства: нега, лень. Спиной сквозь махровое полотенце чувствую гладкие камешки. Легкий ветерок продувает расщелину

в скале, в тени которой я устроилась. С шумом накатывают волны. Изредка слышны крики чаек. Сквозь неравномерный гул голосов отдыхающих на пляже выделяется высокий женский требовательный голос:

— Марио! Марио! Андиямо!

Я вздрагиваю, оглядываюсь. Наверное, мать зовет ребенка. Курчавые смуглые итальянские детки так похожи на купидончиков.

Воздух напоен неповторимой смесью ароматов моря, цветов, нагретой гальки, высыхающего на теле мокрого купальника и даже свежей пиццы из приморского ресторанчика Paradiso.

Если открыть глаза, то можно увидеть темно-бурый край нависающей скалы, яркое высокое голубое небо со стремительно летящей чайкой, лазурное море и утопающий в пышной зелени берег, расцвеченный роскошными коврами цветущих бугенвиллей, белеют виллы и гостиницы, террасами карабкающиеся по склонам. И это все великолепие называется островом Капри.

А что мы, советские люди, раньше знали о Капри? Только то, что здесь жил Максим Горький и написал своего «Буревестника», которым нас изводили в школе. «Буря, скоро грянет буря!» Какая буря? На Капри рай и красота! Как только не стыдно, живя в таком раю, призывать к революции. И дружок его Ленин сюда приезжал из Швейцарии, где давно построен коммунизм без всяких революций. И как это возможно, живя в заграничном раю, задумывать у себя на родине революцию? И как только не стыдно,

а ведь получилось! А певец пролетариата Максим Горький, где только он на Капри нашел «толстых и глупых гагар»? Может, это итальянки? Я пока встречала толстых и некрасивых — и ни одной похожей на кинозвезд Софи Лорен или Монику Витти.

«Вот что значит советские люди, — подумала я, — даже на отдыхе не могут не думать о политике», — и продолжила мечтать о Марио.

Мой Марио должен быть только здесь!

Сейчас открою глаза, надену малиновую кепку с длинным козырьком от солнца, выйду из тени и пойду купаться. Через минуту ступни обжигает нагретая галька. Скачками добираюсь до кромки воды. Волна ласково заливает ноги по щиколотку. Хочется разбежаться и бухнуться в воду. Но я невольно медлю — взгляд завораживает чарующая картина: море искрится и сияет, слева из него, как три морских чудовища, всплывают скалы-великаны. У них древнее загадочное название — Фаральони. Справа покачивается на волнах трехмачтовая белоснежная яхта, прямо по горизонту вдали — огромный корабль, а море у причала как цветами усеяно разноцветными парусниками.

Вхожу в воду: море сначала кажется обжигающе холодным, а потом тело быстро привыкает и само несет подальше от берега, чтобы почувствовать свободу от земли, напиться, надыхаться, насмотреться и даже попробовать губами море, ощутить его горько-соленый вкус. Вблизи вода — как темный сине-зеленый изумруд, дальше светлеет и переходит в голубой с серебристо-золотистыми оттенками. Так бы и плавала целую вечность! Благодарить!

Но вдруг откуда ни возьмись появляется мысль: «Почему он не пошел со мной на пляж?»

Он — это мой муж, который в тридцатиградусную жару бродит по древним развалинам дворца императора Тиберия. Мы женаты миллион лет. Глеб прекрасный благородный человек, известный в узких кругах скульптор. Но его красивое лицо почти всегда выражает недовольство. Он очень редко улыбается и постоянно озабочен какими-то своими мрачными мужскими мыслями. Часто тяжело вздыхает и ничему не умеет радоваться. Муж везде и во всем всегда ищет и, конечно, находит одни недостатки и несовершенства.

В молодости у меня были страшные передние зубы из-за металлических пломб. Их мне поставили в детстве в пионерском лагере во время медосмотра студенты-стоматологи. Муж после свадьбы запрещал улыбаться и вообще открывать рот, чтобы не портить мой образ нежной принцессы. Потом, когда появились новые способы лечения, я зубы привела в порядок, но улыбаться и смеяться чуть вообще не научилась. А я была очень смешливая.

Нет, не буду об этом думать...

О Марио! Марио!

Когда мы только прилетели в Рим и ждали машину, я увидела далеко не юного Марио в элегантной шляпе и в светлом костюме безупречного покроя. Он ожидал такси в театральной позе романтического героя, грациозным жестом курил сигару и грустными выразительными глазами поглядывал по сторонам. Потом вдруг он будто узнал меня — и на губах у него появилась полуулыбка. Я подумала, что, может, он принял меня за свою давнюю знакомую? Я невольно сделала шаг навстречу Марио, но он оставался в той же позе. На кого же он смотрит? Я обернулась. Оказывается, мы с мужем стоим у зеркальной стены аэропорта, а он любит своим отражением в ней. А я-то раз мечталась...

При выходе с катера на Капри мне показалось, что Марио в форме морского капитана мелькнул на причале. Жаль, что не успела его хорошо рассмотреть. Он так стремительно исчез. Наверное, ушел в море. Только что из порта отчалила великолепная яхта *Azzurro fantasia* — «Голубая мечта» — и взяла курс на окутанный сиреневой дымкой Везувий.

А как-то раз на нашем пляже я целый час любовалась совсем юным восемнадцатилетним Марио. Он загорал и купался в компании прелестных девочек и мальчиков: все как на подбор стройные, холеные, высокие, длинноногие, как модели, в модных купальных костюмах, и даже у одной девицы на загорелой лодыжке сверкала серебряная цепочка с кулоном.

А Марио отличался от них фигурой античного римского атлета. Вот с кого можно ваять скульптуру! Но это сейчас не в моде.

Я стала наблюдать за ним и заметила, что он не так весел, как остальная компания, и часто смотрит на часы. Потом вдруг поднялся, поцеловал в щеку девицу — ту, с цепочкой на ноге, — и направился к причалу. Я из любопытства пошла за ним.

И лучше бы я этого не делала. Через минуту, когда я проходила совсем близко от Марио, рядом с ним вдруг остановился какой-то неприятный сутулый лысый тип лет сорока с утиным носом и рыбьими зубами. Он требовательно и нагло, как хозяин с рабом, разговаривал по-польски с Марио, передавая какой-то сверток. И тут я отчетливо услышала униженный, отчаянный шепот моего Марио: «Цэ нэ можливо!»

Нет, только не это!

Я от неожиданности чуть в море с пирса не свалилась. Быстро пошла прочь и, наткнувшись на продавца мороженого, заела свою печаль шоколадным мороженым — *gelato* с кусочками манго.

А однажды на экскурсии в Неаполе, решив отдохнуть и выпить кофе, мы оказались на старинной площади — пьядца Сан Гаэтано у церкви Сан Лоренцо Марджоро, той самой, где Боккаччо встретил свою Фьяметту аж в 1336 году. И именно тут я увидела дивного молодого человека. Он с вихрем подкатил на дорогом мотоцикле Ducati чуть ли не к нашему столику. Элегантно спрыгнул, как лихой наездник с норовистого скакуна, сорвал ловким движением красный шлем, и по белой рубашке рассыпались черные кудри.

Наверное, почувствовав мой взгляд, он обернулся, глаза наши встретились, и в это чудное мгновение я узнала его. Это, несомненно, был Марио. Он подарил мне пленительную улыбку — улыбку настоящего Марио!

Но что это? Мгновение — и к нему от соседнего столика направляется седой господин в ковбойской шляпе, в узких синих джинсах и желтых сапогах на кривых старческих ногах. Он нежно, совсем не отечески, обнимает моего Марио, и они вместе исчезают в дверях кафе.

Нет, это надо непременно забыть.

О, как же я далеко заплыла! Пора поворачивать к берегу.

Впереди у меня еще три дня. А сегодня вечером я буду на балконе встречать закат — мой первый закат на Капри. Марио обязательно должен появиться на закате. Сегодня вечером хочу немного побродить по старинным улочкам острова и лечь пораньше спать, чтобы завтра встретить рассвет на Капри. Не правда ли, как романтично!

Поворачиваю к берегу и вдруг чувствую, что меня кто-то под водой хватается за ногу. Я начинаю брыкаться, и злодей отпускает меня и всплывает на поверхность. Это, оказывается, мой муж. Такие у него шуточки. Глеб пришел на пляж и издали приметил меня в море по жуткой, как он выражается, кепке.

Мечты о Марио рассыпаются вдребезги. Муж сказал, что когда он подплыл ко мне и увидел, что я как всегда мечтаю, решил позабавиться и попугать меня.

Глеб находился на удивление в прекрасном настроении: рассказывал, что побывал на каком-то биеннале и познакомился с потрясающим итальянцем-галеристом, немного говорящим по-русски, — у него бабушка из дореволюционного Петербурга. Договорились встретиться сегодня вечером в кафе на Пьяццетте — центральной площади острова. Итальянец, узнав, что Глеб скульптор, очень заинтересовался его работами и уже чуть ли не собирается организовать Глебу выставку здесь, на Капри, и в Вероне, и Венеции, где у него тоже есть свои галереи. Муж весь сиял в предвкушении этой встречи.

Вечером я нарядилась в шифоновое декольтированное бледно-лиловое платье. Оно хотя и куплено на распродаже, очень мне идет. Мои глаза цвета весенних фиалок становятся и ярче, и больше. Глеб долго чертыхается, что ему нечего надеть, упрекая, что я взяла не те вещи. У меня тоже босоножек модных нет — так я же не устраиваю истерик. Наконец я под ручку с мужем отправилась к месту встречи — в кафе отеля Queen.

Через четверть часа на микроавтобусе отеля мы приехали на площадь. Прошли через городские ворота и поднялись по брусчатке на террасу, возвышающуюся над бухтой Марина Гранде. Казалось, мы перенеслись в сказочную страну: на шелковом полупрозрачном куполе неба новогодними гирляндами сверкают звезды. Густой, в тяжелых складках темно-синий бархат моря расшит, как стеклярусом, огнями многочисленных яхт. Некоторые огоньки, как живые светлячки, плавно перемещаются с тихим всплеском. По диагонали море рассечено искрящейся серебристой лунной дорожкой, а сама Луна похожа на живое лицо и будто смотрит на всех с неба и даже улыбается. Я тут поняла, что «Звездная ночь» Ван Гога, которую видела в музее д'Орсэ в Париже, оказывается, не фантазия художника, а правда!

А почти вся центральная площадь заставлена столиками, за которыми, как в театре, сидит рядная публика и разглядывает вновь прибывающих. Они, как в модном дефиле, веселой цветной разноголосой толпой проходят мимо по широкому центральному проходу. Каждый вечер отовсюду на Пьяццетту и пешеходную часть острова собираются отдыхающие: с других бухт, с яхт и даже из Неаполя. Каких модниц и модников среди них нет — только успевай разглядывать! Какие фасоны нарядов, вырезы, рюшечки, ткани, обувь, украшения, прически, шляпы...

Капри, оказывается, самая известная тусовка всех модных домов мира — Valentino, Nina Ricci, Dolce&Gabbana и еще бог весть каких. Жаль, фотографировать нельзя, повсюду висят знаки — перечеркнутая фотокамера. И понятно. На Капри отдыхает много известных звезд из мира искусства и шоу-бизнеса: модельеры, артисты, художники, писатели, журналисты, и даже могут быть инкогнито коронованные особы. Некоторых я узнала. Не принцев и принцесс, конечно, а кинозвезд — Пьера Ришара и Сару Паркер. Многие лица казались знакомыми по гляцевым журналам, их я изредка пролистывала, когда бывала в парикмахерской.

В веселой праздничной разноязыкой толпе идем по центральной улице. В ярко освещенных витринах модных бутиков красуются манекены в самых последних моделях этого сезона. Стены домов поч-

ти до крыш покрыты цветущими, благоухающими зарослями плетистых роз, у каждого входа — цветущие деревья или кадки с неведомыми цветами, а их дурманящий сладкий аромат смешивается с ванильным запахом только что выпеченных вафель для мороженого. А вот и отель Queen — шикарный, пятизвездочный, подсвеченный фонарями. «Королева — это, разумеется, я, и где, как не здесь, появиться моему королю...»

Вдруг сквозь гул иностранной речи мы услышали громкий возглас:

— Глэб! Finalmente! Андиамо! Сюда!

Всматриваюсь и вижу... нам машет рукой... Марио. Он приветливо улыбается и зовет нас к себе. Мы подходим, садимся за столик. Муж, представляя меня ему, говорит:

— Знакомьтесь: моя жена Мария, а это сеньор Марио Каstellуччи. Я тебе о нем рассказывал...

Не могу поверить! Просто сказка! Марио, Марио со мной, здесь, рядом!

Он совершенно неотразим: глаза сияют, как эта южная ночь, царская осанка, а белый костюм с сиреневой рубашкой сидит на нем так, как будто он в нем родился. Я — напротив, мы пьем шампанское, оживленно беседуем об искусстве, и он иногда, как бы невзначай, мило жестикулируя и подбирая русские слова, касается моей руки, а когда муж отворачивается, просто прожигает меня глазами. Я от волнения даже и не пытаюсь вникнуть в суть разговора, а просто сижу и люблюсь моим Марио.

Вдруг Марио многозначительно на меня взглянул и, упомянув, что в это время года его семья занимает апартаменты в Queen, стал настойчиво приглашать нас на ужин в ресторан.

Я стала отказываться, но, что удивительно, Глеб с радостью согласился. Метрдотель почтительно, как важных гостей, поприветствовал нас и провел на террасу с видом на море, усадил за большой овальный стол. На белоснежной скатерти в вазе возвышались букет из орхидей, темно-кремовых в крапинку, и причудливый хрустальный подсвечник. Официант, ну просто как лорд во фраке, услужливо зажег свечи, и радужные блики заискрились на хрустале бокалов, серебре столовых приборов и в глазах моего Марио.

Послышалась звуки музыки и оперные голоса: сопрано — ну вылитая Мария Каллас, а тенор — двойник знаменитого Хосе Каррераса. Эта прекрасная пара стоит перед белым роялем и услаждает посетителей ариями из итальянских опер, неаполитанскими песнями и современными шлягерами.

Через некоторое время к застолью присоединились папа Марио, старший брат и еще какие-то пожилые дамы. Имен их я не запомнила. Одеты были

во все черное и походили на воронов или на участников траурной процессии, и почти ничего не говорили, а только ели. А еда была отменная — вкуснятина и деликатесы. Марио расстарался: с видом знатока рассказывал об особенностях приготовления блюд, а официанты подносили все новые вина и закуски. Казалось, что Марио все знают: к нашему столу подходили разные дамы и мужчины от соседних столиков, раскланивались, здоровались, обнимались, целовались. Марио радушно, как хозяин, нас с мужем со всеми знакомил. Все поднимали бокалы за знакомство и обменивались визитками: мол, когда будете в Риме, Париже, Нью-Йорке — заходите!

Мы танцевали. Как это было прекрасно! Я чувствовала себя королевой! Южная ночь. Я с Марио на шикарной террасе на берегу моря на Капри танцую романтический вальс или страстное танго. Он оказался великолепным партнером, а во время танцев нежно пожимал и целовал мне руки, нашептывая на ушко:

— О! Белла донна! О! Голубка!

Марио преподнес мне букет чайных роз.

Я, конечно, млела, но... Меня беспокоило то, что Глеб как-то подозрительно быстро захмелел. И к тому же одна «Эйфелева башня» — американская фотомодель с ногами, растущими от подмышек, — просто повисла на моем муже. Глеб почему-то не обращал на нее внимания, а ревновал меня к Марио, но совсем в другом смысле — пытался завладеть вниманием Марио, панибратски обнимал его, восклицая: «Ragazzo, парень что надо!», и заплетающимся языком твердил, что завтра непременно они подпишут контракт на проведение выставок скульптур Глеба в Милане, и в Риме, и в Венеции — ну, по всей Италии.

Глеб — всегда такой сдержанный в выражении чувств, а здесь его будто подменили!

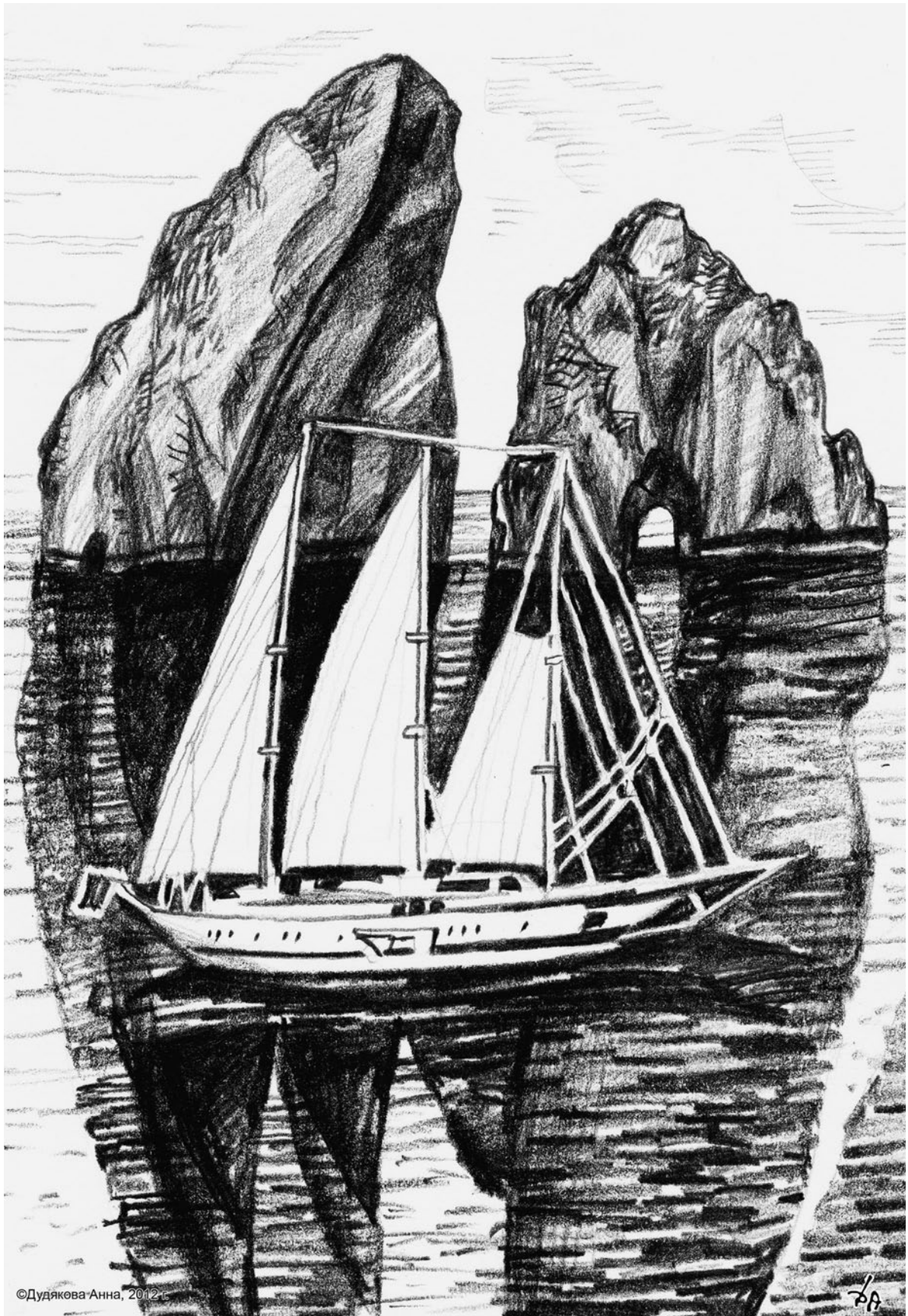
У меня тоже порядком кружилась голова — должно быть, от выпитого шампанского и от дурманящего запаха свечей и цветов. Я отлучилась в туалет, умыла лицо холодной водой, а когда вернулась, то застала такую картину. Терраса, до этого переполненная шикарной публикой, опустела, полумрак — свечи погашены. Мой муж сидит за нашим столом в одиночестве с красным, как только что съеденные лобстеры, лицом. Рядом с ним, как три пингвина, — два дородных официанта и метрдотель. «Ах вот же они, горьковские гагары, — подумала я. — А где же Марио?»

И он, и его «родственники» исчезли.

В звенящей тишине, нарушаемой только усиливающимся шумом моря, угрожающе и отрывисто звучат слова:

— Платите, платите, синьор, немедленно. Или мы вызовем полицию!

Официант тычет жирным пальцем в счет перед носом мужа. Увидев меня, метрдотель с возгласом:

«О, синьора!» кинулся ко мне и обрушил на меня все негодование на всех языках: «Diavolo! Caramba!» — это еще самые мягкие выражения.

Глеб от отчаяния и от хмеля впал в ступор — не может произнести ни слова, только тарачит на всех удивленные, как у затравленного зверька, глаза. Оказалось, что у него пропал бумажник... «Как хорошо, что я предусмотрительно убрала в сейф в номере отеля документы и кредитку», — подумала я. Спрашиваю у Глеба:

— Сколько украли денег?

Показывает пятерню.

Так, значит, пятьсот евро. Наверное, мне придется заплатить по счету. Не идти же и вправду в полицию. Мошенников не найти, муж от горя и выпитого еле на ногах стоит, а послезавтра у нас уже рейс обратно в Москву. Посмотрела на метрдотеля с официантами и вдруг поняла, что они все здесь в створе и надо срочно отсюда уносить ноги.

Я достала из своего любимого кружевного бледно-сиреневого лифчика астрономическую сумму — шестьсот евро, расплатилась по счету и, подставив плечо мужу, вывела его на улицу, быстро подошла к портье отеля, вызвала такси, и уже через десять минут мы оказались в своей гостинице. Муж сразу заснул, а я вынесла шезлонг на балкон и долго смотрела на ночной залив, гуляла взглядом, как «бегущая по волнам» по лунной дорожке, слушала шум волн. Я решила дожидаться рассвета. Но думала я все не о Марио, а о том, как хорошо, что мы целы и невредимы и у нас уплачено за трансфер и за завтраки. Правда, обедать или ужинать придется только в самолете, но ведь не это главное.

Оказалось, что на следующее утро Глеб ничего не помнил. За завтраком я пыталась ему рассказать о вчерашнем вечере. Он удивленно на меня посмотрел и, грубо перебив, сказал, чтобы я оставила свои фантазии.

— А деньги? — спросила я. — Пятьсот евро — куда они делись?

— Я заказал материал для работы, не вмешивайся в мои дела! — отрезал он ледяным тоном.

«А мои шестьсот евро?» — хотела я спросить, но в это время зазвонил телефон: экскурсовод приглашала нас на бесплатную обзорную экскурсию по острову...

Спустя пять лет я с семьей и с друзьями снова проводила отпуск в Италии. Как мы весело отдыхали: загорали на золотистом пляже, кавалькадой из трех машин путешествовали по старинным городкам Тосканы!.. Побывали в знаменитой Сиене и даже плавали на огромном пароме на остров Эльба к Наполеону.

Та история про мошенников забылась, а возможно, ее и не было вовсе.

И я везде, везде стала опять искать своего Марио: и на пляжах, и на улочках старинных городков, и в магазинчиках, и на рынках. Но тщетно. В то итальянское путешествие я, как ни стремилась, так и не встретила его.

Может, это потому, что я в веселой компании за бокалом доброго итальянского вина в шутку с иронией рассказала о своих поисках, утаив случай в ресторане. И потом друзья надо мной подтрунивали, спрашивая:

— Посмотри, посмотри вон на того — это не Марио?

Может, сглазила?

Я полагаю, что мой мифический Марио на меня обиделся и стал избегать меня. А мне, дуре, будет наука! Нельзя смеяться над своей мечтой. Надо было хранить наш с Марио секрет.

Но я не отчаиваюсь и верю, что в следующее путешествие в Италию встречу своего Марио и он узнает меня...

Ах, Марио, Марио!

ЗАЧЕМ РУСАЛОЧКЕ КУПАЛЬНИК!

Теплая августовская ночь на берегу Рижского залива в Булдури. Под исполинскими корабельными соснами в уютных деревянных двухэтажных коттеджах безмятежно спят и дети, и вожатые пионерского лагеря от радиозавода. Только в палате девочек старшего отряда одна Наташа не спит, притворяется. Ей недавно исполнилось шестнадцать лет, она перешла в десятый класс и в лагере проводила свои последние школьные каникулы.

Наташа лежала с закрытыми глазами и прислушивалась.

Слышно, как дышит во сне девочка на соседней кровати, где-то вдали переругиваются собаки.

Все, пора!

Она вскочила, оделась, взяла полотенце, осторожно по деревянной винтовой лестнице, тревожно скрипнувшей, спустилась вниз и вышла на крыльцо. Темнота ночи угрожающе надвинулась на нее, но

Наташа решительно направилась к морю, напевая для храбрости про себя куплеты из песни Дунаевского: «Капитан, капитан, улыбнитесь! Ведь улыбка — это флаг корабля!»

Она к этому моменту тщательно готовилась: прикармливала сторожевых лагерных псов, ждала подходящей погоды. А главное, чтобы педагог отряда, ее дядя Гарри, уехал на весь день домой в Ригу.

Наташа худенькая и невысокая, весит всего срок четыре килограмма. Она еще не развилась в девушку и угловатостью скорее напоминала мальчика-подростка. Все у Наташи было остренькое: и коленки, и локотки, и ушки, и носик с подбородочком. Она походила на белочку: волосы собирала в хвостики, и они торчали в разные стороны, возвышаясь на голове, как ушки, а когда задумывалась, смешно морщила носик. На маленьком личике с полупрозрачной тонкой кожей ее серо-зеленые глаза казались огромными и глядели на мир не по-детски внимательно и серьезно.

Раньше каждое лето Наташа всегда проводила на даче под Москвой, у бабушки с дедушкой на станции Детская.

Как Наташа любила бегать к поезду встречать папу с работы!

Если подняться на пригорок, то далеко впереди через пшеничное поле видно, как подъезжает похожая на огромную зеленую гусеницу электричка и медленно останавливается. Черными букашками высыпают люди из вагонов, спускаются по лестнице и цепочкой движутся по дорожке через поле к поселку. Но вот несколько человек опережают всех. И, наконец, один, словно спринтер, вырывается вперед и быстро оказывается на середине дороги. И тогда Наташа бежит через улицу, через овраги и, поднявшись наверх, видит, что это он, ее папа, в голубой клетчатой тенниске и в светлых брюках, стремительно приближается к ней. У него накачанный торс и упругая, пружинистая походка спортсмена, он немножко покачивается с ноги на ногу. Он спешит к дочке!

— Ура! — кричит Наташа. — Папочка приехал! — И бежит к нему со всех ног через овраг. Он хватает ее сильными ручищами, обнимает, целует, и они весело идут под горку к даче.

Папа по пути снимает потную тенниску — ему всегда ужасно жарко: на даче, в саду и в лесу он ходит исключительно в плавках, несмотря на ворчание бабушки.

— Какая мука летом в жару сидеть в конторе!

Папа работает инженером в проектно-институте. После службы он каждый день едет в метро и в переполненной электричке. Он больше всего на свете любит загорать и купаться.

Когда они приходят на дачу, папа отдает бабушке привезенные из Москвы продукты, бежит с дочкой в лес на озеро.

Но в это лето родители решили, что Наташа уже большая, и отправили ее на поезде без взрослых к морю, в Прибалтику, к дальнему родственнику дяде Гарри, а сами уехали на юг.

Море, море! Наташа в мечтах представляла себя героиней фильма «Дети капитана Гранта». Звучит увертюра Дунаевского, она на корабле в вихре ветра преодолевает морскую пучину, замирая от страха и восторга.

В Прибалтике Наташе очень нравилось. И не сравнить с лагерем от папиной работы «Рябинка». Там разрешалось купаться в речке по распорядку: по свистку в воду, по свистку из воды, вожатые изводили детей бесконечными маршировками строем под палящим солнцем в парадной пионерской форме. Весь день, не умолкая, на столбе репродуктор громко транслировал песни: «Взвейтесь кострами, синие ночи, мы пионеры, дети рабочих», «А Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди!»

Ночью в спальне, похожей на казарму на двенадцать девочек, невозможно было уснуть от сальных историй, которые пионерки рассказывали друг другу громким матом. Наташе претило чувство сплоченности с таким вот коллективом. Она себя ощущала овцой в загоне. Наташа отказалась ехать в «Рябинку».

Другое дело море. Целыми днями можно купаться столько, сколько хочешь, гулять в сосновом лесу и собирать ягоды, читать книжки или играть в кружок в волейбол. Самым неприятным, но, увы, неизбежным, было то, что и здесь устраивали утреннюю пионерскую линейку — построение по отрядам с горном и знаменами на плацу. Но это длилось недолго, а зато потом весь день свободен.

В эту ночь Наташа лежала и, пока дождалась, когда все заснут, вспоминала, леденя от ужаса, «страшные» случаи, которые с ней происходили.

Так, однажды прошлой зимой, когда Наташа каталась в «Лужниках» на взятых напрокат простых деревянных лыжах со старыми железными креплениями, она случайно подъехала к малому трамплину — к тому месту, куда прыгуны приземляются после прыжка. Дух захватывало от открывающейся панорамы Москвы. На фоне синего морозного солнечного неба золотом горели купола церквей, как огромные леденцы, возвышались высотные здания, и сверкала льдом, как серпантин, Москва-река в камочке снежных берегов.

Наташе захотелось воспарить птицей в небо или хотя бы прокатиться с ветерком с такой высоты вниз. Ей казалось, что это возможно, но что-то ее все-таки удерживало, и она не решилась. И слава богу!

Однажды в пятом классе на школьном дворе во время субботника кто-то из мальчишек принес ужа. Змеей сначала пугали друг друга, а потом стали травить девчонок, что, конечно, гораздо интереснее.

Наташа вздрогнула, когда услышала визг и вопли: «Змея!» Она до отвращения боялась всего ползучего, даже земляных червей, а уж змей и подавно, и с ужасом поняла, что если мальчишки, подкравшись, сзади бросят ей на плечо скользкого и гадкого извивающегося ужа, то она просто этого не вынесет.

И тогда Наташа сама удивилась своему неожиданному поступку: она подошла к мальчишкам и громко, с вызовом сказала:

— Я не боюсь ужа, дайте мне его!

После чего решительно протянула руки к рыжему гогочущему мальчишке с ужом в ладошке. Рыжий до этого момента кривлялся, паясничал: сучил, как журавль, длинными ногами, приплясывал, улюлюкал, скалил редкие зубы, веснушчатым лицом корчил страшные и смешные рожицы. Но после слов Наташи он встал как вкопанный. Все оторопели и устали на Наташу.

Рыжий в оглушающей тишине осторожно, медленно положил в Наташины ладони прохладный клубочек, почти замученного ужика. Мгновение — уж зашевелился, поднял головку и открыл глазки. Наташе показалось, что его змеинный взгляд задержался на ней и мелькнуло красное жало. Все оцепенели, с нетерпением ожидая, что сейчас будет. Лицо и руки Наташи налились кровью, она чувствовала их нестерпимый жар, казалось, что слезы в глазах сейчас закипят. И когда она в последнем усилии, чтобы не упасть, напряглась, как пружина, Рыжий выхватил у Наташи ужа, моментально засунул его в карман брюк и с громовым воплем: «Пошли малышню пугать!» убежал. А за ним и остальные. Все поняли, что представление окончено и ничего интересного больше не будет.

Когда субботник закончился, Наташа незаметно отлучилась в туалет — тщательно отмывать руки. Но сколько она ни намыливала их школьным хозяйственным мылом, ей все казалось, что ладони пахнут гадкой змеей, а на пальцах мерещились уже вскакивающие бородавki.

После этого случая одноклассники к Наташе относились настороженно: мальчишки ее никогда не дразнили и не задирали, а девчонки сторонились и считали гордочкой.

Однажды летом, года три назад, в жаркий июньский день папа Наташи пораньше приехал с работы и они, как всегда, пошли купаться.

В лесу после ежегодного весеннего паводка всегда оставалось около десятка маленьких неглубоких прудиков-бочажков. Папа с дочкой направились к

самому большому и глубокому из них под названием Пятка — пятый по счету. Вода в озерах всегда прозрачная и тихая, и в ней, как в зеркале, отражались зеленые кроны деревьев с просветами голубого неба.

Низко, как сказочные эльфы, кружат парами редкие синекрылые стрекозы. Дно покрыто мелким песочком или зеленой травкой.

Наташа с папой весело шли босиком по лесной дорожке, размахивали полотенцами. Наташа подпрыгивала и приплясывала, а папа пел. Наташин папа атлетически сложен, ну просто как греческий бог. А еще у папы чудный голос — прекрасного тембра тенор. Гуляя в лесу, он всегда распевает арии из опер и неаполитанские песни, такие как «O Sole Mio!» и любимую Наташину — «Влюбленный солдат». А когда доходило до слов: «Oh vita, oh vita mia, oh cuore di guesto cuore... — Тебе я, одной тебе я и сердце, и жизнь вручаю...», Наташа начинала весело маршировать и громко подпевать.

Папа с дочкой часто проводили время вместе: ходили за грибами, катались на велосипедах и даже ездили на дальнюю рыбалку на речку Вору.

В тот день Наташа с папой пришли на пруд и с разбегу бросились в воду. Вволю накупавшись, они выскочили на полянку на берегу и, как всегда, стали кувыркаться, скакать на одной ножке, делать шпагаты, мостик, колесо и даже сальто. Они резвились и кричали громко:

— Траль-ля-ля, траль-ля-ля!

Ах, как весело им было! И вдруг Наташа заметила у себя на правой пятке с наружной стороны какой-то черный шнурок. Пригляделась — это оказалась присосавшаяся пиявка.

Ужас! Наташа вскрикнула так громко, что сорвала голос, и от страха помчалась куда глаза глядят. Папа сначала оторопел, но потом быстро сообразил, в чем дело, и погнался за Наташей. Чтобы ее остановить, ему пришлось даже сбить ее с ног. Когда пиявка присосалась, боли она не почувствовала, но было ужасно гадко, омерзительно, противно.

Папа отодрал пиявку и стал давить ее своей огромной пяткой на тропинке, приговаривая:

— Вот, вот, смотри, нет больше пиявки, успокойся, не плачь!

Он ее действительно раздавил, даже мокрого места не осталось, вот силища! Наташа все еще дрожала от пережитого страха, но была счастлива, что папочка ее спас. И вот страх позади, слезы высохли, и папа с дочкой пошли домой на дачу. Там их ждала любимая бабушка — папина мама. Она уже приготовила ужин и набрала с грядки каждому по блюдечку первой клубники.

Зачем же сейчас на Рижском заливе девочка в такую пору, когда весь лагерь спит, отправилась на берег моря?

Наташа решила проверить свою смелость: искупаться одной ночью в море, и не просто окунуться, а заплыть далеко — до пятой мели, где глубоко, — вода выше подбородка и даже с головкой.

Вот какую задачу она себе поставила. Никого вокруг — одна. Чтобы подбодрить себя, Наташа громко и звонко запела:

— Капитан, капитан, подтянитесь, только смелым покоряются моря!

Ночью на море спасения ждать не от кого. Наташа хотела проверить свою взрослость и самостоятельность. Девочка была уверена, что у нее все получится. Она как будто все предусмотрела, когда бродила по берегу вдоль морской кромки в поисках янтаря, заходила глубоко в воду, проверяя, нет ли на дне ям. И вот сегодня решилась!

Темные кусты обступили девочку. Не видно неба, только белеет тропинка. Скорее надо пройти это мрачное место. Вот наконец кончились кусты, и уже сквозь черные стволы сосен светлеет полоска пляжа и мерцает море и небо.

И в тот момент, когда Наташа ступила на пляж, как по волшебству из-за единственной тучки вышла луна и развернула прямо перед ней на море широкую сверкающую дорожку, как бы приглашая вдаль. На песке рельефно заиграли перекрестные тени от двух сосен справа, а за Наташей вытянулась ее длинноногая тень с ушками и с крыльями от раскинутых в порыве восторга рук. Наташа себя представила бегущей по волнам. Небо и море от лунного света стали еще огромнее, а ветви сосен казались обсыпанными светящимся серебряным инеем. Далеко слева равномерно, придавая ритм всей картине, мигал зеленый глаз маяка.

Празднично, светло, широко, тихо.

Наташа скинула шлепанцы, ступни охладил сыроватый песок. Она пришла на свое привычное место, где загорала днем. Огляделась. Конечно, все то же, но ночью совсем по-другому — таинственно и величественно.

Наташе стало казаться, что тишина звучит как торжественная музыка и она смотрит на бухту сквозь тонкий тюль туманной занавески, расписанной Создателем акварельными небесными красками. А краски эти разведены не водой, а молоком. Море с небом будто играло мельчайшими оттенками синего, голубого, лилового, зеленого и коричнево-золотистого, которые на глазах менялись и переходили один в другой. Восторг наполнил душу.

«И совсем не страшно!» — думала Наташа.

Она быстро разделась, повесила вещи на сухую корягу и вошла в воду. Поежилась от поднимающегося по ногам холода и твердо продолжила путь.

Довольно долго пришлось идти до второй мели, где вода достигала бедер. Наконец она поплыла.

Наташа с замиранием сердца от свободы в морской стихии ученическим брасом, с высоко торчащей из воды головой, устремила к третьей мели, где вода по грудь.

Ветра нет, слышен только плеск воды. Постепенно она начала уставать. Девочка время от времени касалась ногами дна. Ей надо плыть дальше, к четвертой, а затем и к пятой мели, где дна не достать.

Оглядываться Наташа боялась, знала, что до берега далеко, и если оглянется, то испугается. Девочка смотрела то на морские волны, отражающие свет луны, висящей в левом углу высокого безоблачного звездного неба, то на мигающий зеленый маяк, то на темные очертания леса, обрамляющего края бухты.

Наташа остановилась передохнуть, а вода уже по грудь. «Пожалуй, хватит! — решила Наташа. — Еще чуть-чуть — и пора возвращаться!»

Она уже себе доказала, что смелая. Она досчитала до десяти, двигаясь плавно, как лягушка, остановилась и резко повернулась лицом к берегу. «Боже, как далеко берег!» — подумала Наташа и устремила в обратном направлении.

Но странно. Она сильно бултыхает в воде и ногами, и руками, но берег не приближается. Ей казалось, что она столько проплыла и уже должна коленями коснуться дна, а вместо этого у нее создается впечатление, что она топчется на месте.

Что это значит? Наташа испугалась. Происходило что-то непонятное. Почему берег остается так далеко? Ей стало вдруг холодно. Наташа поднажала что есть мочи и немного продвинулась вперед. Вот она временами уже достает до дна. И хотя берег стал явственно ближе и уже различаются повешенные на корягу ее халатик и полотенце, все равно странно, почему, несмотря на все усилия, берег приближается так медленно.

И вдруг Наташа поняла, что, пока она так долго была в воде, наверное, начался отлив. И ее медленно, но верно относит обратно в море. Этого Наташа предвидеть не могла. Она отчаянно боролась и уже почти добралась до второй мели, где вода по колено, но волна коварно оттащила Наташу назад.

Девочка не сдавалась. Она несколько раз почти оказывалась на берегу: она цеплялась за песок теряющими силу пальцами. Но безуспешно.

Наташа пыталась угадать ритм отливающей волны, чтобы обмануть ее и не дать себя унести обратно в море. И это ей наконец удалось. Совсем обессиленная, Наташа выбросилась на берег и проползла по песку подальше от воды.

Она отдышалась. Затем встала и, вздохнув с облегчением, что все позади, направилась к своим вещам.

Вдруг прямо перед собой Наташа увидела такое, что чуть не закричала. На песчаном пляже в нескольких метрах от нее лежат рядом двое — мужчина и женщина. Они вытянулись в одинаковых позах на животе, подперев головы руками, согнутыми в локтях, лица обращены в морскую даль.

Наташа замерла. Они не двигались. Девочка пригляделась: на них четко виднелись купальные костюмы, что ее немного успокоило, потому что Наташа еще и панически боялась голых.

В детстве, когда ей было пять лет, ранней весной они с мамой прогуливались днем в парке. Прохожий, поравнявшись с ними на аллее, внезапно остановился и распахнул длинный черный плащ, надетый, как оказалось, на совершенно голое тело. Увидев ужас в их глазах, он с диким хохотом убежал прочь.

«Странно, что эти неподвижные фигуры очень крупных размеров, как изваяния, ну просто исполины. Жутко, ну и парочка! Лежат и загорают под луной, на море любят!»

И тут Наташа догадалась, что это... скульптуры из песка! Вчера в лагере говорили, что будет конкурс песчаных скульптур.

Наташа перевела дух и посмотрела на изваяния из песка уже более спокойно. И носики, и глазки, и грудка в лифчике, и ложбинки вдоль позвоночника на спинах, и пальчики на руках и ногах — как настоящие, а волосы — у женщины ниспадают на плечи длинными локонами, а у мужчины стоят ершиком. И оба блестят как обливные, будто только что после купания.

«Ну как живые! Классно вылеплены! Взгляд-то слепой, конечно, но...» И Наташе показалось, что они смотрят прямо на нее немигающими глазами. «Ой, а вдруг они оживут и схватят меня? — подумалось девочке. — Вот, оказывается, где прятался страх!»

У Наташи перехватило горло, но она и не думала кричать, а опрометью помчалась по тропинке в лагерь. Пролетела по лестнице и вбежала в спальную.

Все спят. Никто ничего не заметил. Наташа сняла с себя мокрый купальник, обтрусилась на пол ступни от песка и юркнула под одеяло.

У девочки стучали зубы — или от холода, или от пережитого страха, и она никак не могла унять дрожь, сотрясающую все тело. Наташа накрылась одеялом с головой и стала усиленно дышать. Это помогло, и она начала согреваться. Но от перевозбуждения долго не могла уснуть.

Что же случилось? Она лежала, закутавшись, и твердила себе:

— Я доказала, доказала!

«Что доказала?» — будто спрашивал кто-то другой.

И с этой мыслью девочка наконец заснула.

Утром Наташа, как все дети, встала, умылась и пошла на пионерскую линейку. Перед тем как идти в столовую на завтрак, девочка забежала в спальную, достала завалившийся под кровать свой влажный, весь в песке, купальник, отряхнула и, прополоскав, повесила сушиться.

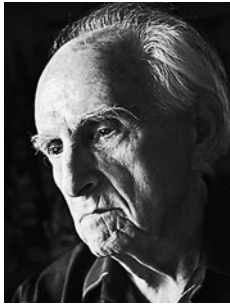
Только этот купальник и напоминал Наташе про ночное приключение. Только он знает ее тайну, он свидетель и доказательство ее подвига.

После этого случая у Наташи прорезался аппетит. Раньше она всегда плохо ела, и взрослые часто ругали ее за ковыряние в тарелке. Теперь девочка стала много и с удовольствием кушать почти все, чем кормили в столовой. Особенно ей полюбили полдник — огромные куски черничного пирога со сметаной и кружка парного молока с подшефной заводу фермы.

Когда накануне отъезда в Москву Наташа собирала вещи, то с удивлением обнаружила, что вся ее одежда стала настолько мала, что смотрелась на ней как натянутая на барабан, который вот-вот лопнет. Девочка превратилась в девушку. Наташе казалось, что ее тело просто вылезает из сарафана, как тесто из квашни, а подол неприлично еле прикрывает совсем не худую попку. Она не понимала, что за время отдыха сильно поправилась — на семь килограммов — и даже подросла на четыре сантиметра. От таких перемен было очень неудобно, поскольку других вещей у девочки не было. Любимый купальник Наташе тоже стал совершенно мал и очень больно врезался в тело. Ей было жаль его выбрасывать.

Когда в свой последний день в лагере Наташа отправилась на пляж попрощаться со своей любимой бухтой, ей захотелось что-нибудь оставить морю на память. И она подошла к кустам, растущим близко к воде, и повесила на них свой купальник. Девочка аккуратно расправила его на ветках. Два кусочка ситцевой ткани, оранжевой в черную полоску, издали смотрелись как два экзотических цветка. Наташа оглядела в последний раз знакомые и полюбившиеся места, и ей живо представилось, как однажды, когда на бухту опустится ночь и замигает зеленый глаз маяка, вдруг из воды выйдет прекрасная русалочка, увидит купальник и унесет его в морское царство, нарядится и закружится с принцем в вихре вальса...

«Хотя зачем русалочке купальник? Бред какой-то! Пора взрослеть!» — подумала Наташа, когда услышала звуки горна, трубящего об окончании последней смены уходящего навсегда последнего лета ее детства.

ХОРОШОЛЮБИТЬЖИТЬ

Так, без знаков препинания и про- белов (и даже порядок слов разрешаю каждому читателю поставить свой), назову эту статью о Евгении Львовиче Войскунском.

За последние десятилетия о нем сказано так много, что претендовать на открытие читателю нового пласта из жизни известного писателя будет делом опрометчивым.

И все же... Дерзну порассказать нечто из личных впечатлений от встреч со старожилом русской литературы. Войскунский мне интересен не только как представитель советской писательской школы (это я понял при первой встрече несколько лет назад), но как человек другой закалки, как личность, во многом не схожая с современными представителями массы образованцев, называемой порой «офисным планктоном». (Он чуть моложе моего отца, тайну долготельства и оптимизма которого я до сих пор пытаюсь раскрыть для себя.)

Само Время смотрит на вас при встрече с этим человеком, родившимся во времена обычных людей Сергея Есенина (сколько написал он прекрасных стихов в Баку) и Михаила Шолохова и живущим в дни великих диджеев и прочих гениальных охлобыстин (Господи, как точен твой язык).

Рассказывать о Войскунском можно долго. Дата рождения — 1922 год, город Баку. Он выходец из еврейской семьи с достатком средней руки, позаботившейся об образовании своего наследника. Как-то в беседе с Львом Данилкиным Евгений Львович удивился, что тот не читал

«Кара-Бугаз» Паустовского. (По мне странно, что он читал самого Войскунского перед беседой, да еще и написал прекрасную заздравную оду его книге «Румянцевский сквер», попавшей по выходе из печати в лонг-лист «Букера».)

Азербайджан тех лет — да что пересказывать, прочтите «Полвека любви» или цикл стихов про пограничников и басмачей у Владимира Луговского, да на худой конец просто вспомните полусказочный фильм «Белое солнце пустыни», и вам станет понятно, сколько романтизма в одном слове «нефть», одних стихов про Баку столько написано в двадцатых, готовящих индустриализацию тридцатых.

Войскунский любит свое детство. Да, редко кто из нас кинет камень и в наше, выпавшее на так называемые застойные советские с обязательными пионерскими лагерями (но без извращенцев), с настоящим молочным (!) мороженым, натуральнейшим лимонадом «Буратино» и прошибающей слезу песней о Родине, где хорошие товарищи с соседнего двора пока еще не виртуальны.

Любит он свою жизнь и за первую любовь (за тавтологию простите), продолжавшуюся полвека. И за возможность в предвоенные годы поступить учиться в Академию художеств в Ленинграде, а его возлюбленной, дочери врага народа, — на истфак университета того же славного города на берегах Невы.

Читая интервью с Войскунским, просто физически ощущается, как вопрошающий ждет (будь то радио

«Свобода» или какой-нибудь национально ориентированный журнал) от него негатива в адрес Страны Советов. А он очень спокойно и совсем без нервов скажет, что практическое осуществление близкой ему либеральной идеи обернулось, наряду с позитивными явлениями, «дикой приватизацией, непонятными залоговыми аукционами, нуворишами из бывших комсомольских работников...». А еще ему вопреки всем желаниям и собственным судьбоносным мечтаниям придется уйти в 1939 году по призыву в армию и отслужить не год или два, и даже не пять (столько тогда служили во флоте), а долгие шестнадцать лет. Большая часть которых придется на горькие, молодецкие, увлекательные, страшные военноморские будни.

Все эти жизненные эпизоды станут впоследствии страницами повестей и романов, издававшихся миллионными тиражами, статьями и очерками, перепиской с товарищами по оружию и даже попыткой публикации их военных дневников. Последнее ой как приветствовал и продвигал все послевоенные годы Константин Симонов, премии чьего имени и дали Войскунскому за роман «Кронштадт», в котором он написал о виденном и пережитом. По его словам, «война надвинулась с такой неодолимой силой, что противостоять этому я не мог и не хотел».

Войскунскому везло не только в так называемых возвратных снах, где он из года в год спасается из-под обломков падающей на него

во время бомбежки стены дома. Иначе как бы он выжил во время эвакуации с «неприступного советского Гибралтара» — полуострова Ханко — при трагической гибели и пленении тысяч однополчан на транспортном корабле «Иосиф Сталин», подорвавшемся на минном поле.

Как бы он без везения за годы войны не потерял своей любимой? Как стал сначала писателем-маринистом, а потом — заедино с двоюродным братом Исаем Лукодяновым — одним из создателей фантастической литературы шестидесятых, с первого же романа получив поддержку Стругацких? Их книги («Экипаж “Меконга”», «Черный столб», «Очень далекий Тартесс») будут позже названы Кириллом Булычевым «интеллигентной литературой, написанной интеллигентными людьми для интеллигентных людей».

И очень даже странно, что до сих пор его произведения не печатались на страницах самого молодежного в стране журнала «Юность». Хотя нет. Это уже было однажды — в далеком 1936 году, когда друзья-однокашники организовали в одной из бакинских школ рукописный литературный журнал с таким громким названием.

Библейских времен старцем может показаться молодому читателю наш герой — прекрасный писатель Евгений Львович Войскунский. Может, если бы не мой четырнадцатилетний сын Иван, из года в год с увлечением общающийся с ним в праздничные майские дни. Он все запоминает, а потом, вспоминая какие-то из его высказываний, расспрашивает меня о непонятном. «Да, мы были оптимистами, я и сейчас говорю, что я оптимист с тяжелым жизненным опытом. Да, будущее России нам представлялось в позитивном свете: разумеется, мы не могли предвидеть дикий капитализм». И тут мы цепляемся за слова «дикий капитализм»...

Да, Войскунский — Прошлое нашей страны, если бы не постоянное ощущение при встрече, что

рядом с тобой твой ровесник, только намного умнее, начитаннее, прозорливее. Он настолько энергичен, что не позволяет себе пропустить ни одну книжную новинку, ни один свежий номер толстых журналов. (По большому счету, их должны присылать специальной рассылкой — ему, а также Константину Ваншенкину, Марку Кабакову и еще нескольким старожилам-ветеранам).

А еще он не боится менять свое, казалось бы, устоявшееся мнение. Так, мы во многом совпали в оценках книг многообещающего прозаика Илличевского (если дословно, «не понятно, для чего он их пишет, в чем сверхидея этой словесной игры...») и глубины раскрытия поднятой темы и стилистического богатства языка в романе «Тень филина» вологжанина Дмитрия Ермакова из подаренной мной Евгению Львовичу антологии современной литературы России «Наше время».

В уже упоминавшейся повести Паустовского есть сценка с перерогонщиками верблюдов. Нетрудно представить себе годы прошедшей жизни метафорическими верблюдами, переходящими реку времени, неважно с каким названием: Урал, Нева, Волга, Лета...

Господи, дай их погонщикам долгое терпение, потому что, только владея этим «скотом» по праву человека, взрастившего его, можно перейти вечно суетное настоящее и достичь Вечности, по берегам которой до сих пор горят костры воинов Тамерлана, а старые матери на порогах лачуг вычесывают молодух, готовящихся в далекое странствие, называемое жизнью, а советские десантники из романа «Румянцевский сквер» продолжают героически сражаться в феврале 1944 года под эстонской деревней Мерекюля; а жарким летом 1939-го наш герой-юбиляр, под ногами которого плавится асфальт, сворачивает со своей Красноармейской на улицу Петра Монтиня (бывшую Азиатскую), доходит до улицы Гоголя — и видит:

«Навстречу идет Лида. Улыбку она, наверное, выносит из дому, с ней спешит на свидание».

Об одной из встреч на перекрестках времен прочитаем в публикуемом отрывке из романа, работу над которым Евгений Войскунский еще не завершил.

Как и в прежних своих книгах — романах «Кронштадт», «Мир тесен», «Румянцевский сквер», — автор обращается к тревожащим его душу воспоминаниям юности, к войне на Балтике.

Главные персонажи будущего романа молоды. В сущности, перед нами предстанет групповой портрет поколения (интересно посмотреть на своих ровесников, живших почти семьдесят лет назад), подросткового к началу Великой Отечественной. Они — курсанты флотских училищ, сражаются в составе бригад морской пехоты под Ленинградом, становятся морскими офицерами-подводниками. Смертельно опасные прорывы подводных лодок через густо заминированный Финский залив, торпедные атаки на морских коммуникациях противника — эти страницы перемежаются в романе с картинами блокадного быта Ленинграда и Кронштадта. Здесь не только война, муки голода и холода — здесь и превратности любви. Действие, исполненное драматизма, идет стремительно. Непростые судьбы героев, размышляющих о жизни страны, которую они защитили в годы войны, завершаются в наши дни.

Завершаются (в прямом смысле) в минуты вашего чтения под пером девяностолетнего писателя Евгения Львовича Войскунского — капитана III ранга в отставке и кавалера двух орденов Красной Звезды великой империи по имени СССР, бывшей когда-то и столь же далекой ныне, как мифический Тартесс.

*Борис Лукин
Март 2012 г., Московская область, село Архангельское*

СЕНЕЧКА

ГЛАВА ИЗ НОВОГО РОМАНА

Семен Малякшин, радист подводной лодки, происходил из хорошей семьи: отец его Константин Семенович был детским писателем. Начинал он битву жизни актером Театра юных зрителей. Своими шутками, озорными четверостишиями молодой вихрастый острослов обратил на себя внимание Самуила Маршака. Он-то, уже набравший известность поэт и драматург, посоветовал актеру Малякшину попробовать силы в литературе. И дело пошло. Первые стихотворные опыты напоминали маршаковские «Багаж» и «Прогулку на осле», потом, однако, окрепла рука неопита, появились веселые рассказы для детей — их печатали в журналах «Еж», потом и в «Пионере». В ТЮЗе приняли к постановке комедию Малякшина. К тому времени он остепенился, был женат на юной актрисе, и уже в их комнате на улице Рубинштейна попискивал младенец, Сенечка, серьезнейшее существо.

Сенечкой называли его родители, и почему-то и в школе, и на физфаке так обращались к нему однокашники. Уж таким он уродился — доброжелательный, любящий, чтоб все было по справедливости. Изредка, но все же встречаются в разнообразной человеческой массе подобные люди — *общие любимцы*.

С детских лет пленили Сенечку стихи и звезды. Юный книголюб бегал в Дом пионеров на занятия кружка любителей астрономии. В редкие для Ленинграда ясные вечера, когда раскидывалось в мощной своей красе звездное небо, очистившееся от вечных облаков, Сенечка Малякшин находил в нем ковши обеих Медведиц, строгие рисунки Волопаса, Ориона, Кассиопеи и других знакомых созвездий. Бормотал строки из Ломоносова: «Открылась бездна звезд полна. Звездám числа нет, безднам дна», из Баратынского: «Себе звезду избрал ли ты? В безмолвии ночном их много блещет и горит на небе голубом». Избрал он себе Арктур, альфу Волопаса, ее и отыскивал прежде всего, и чудилось Сенечке, что вокруг Аркура ходит невидимая отсюда планета, а на ней стоит и вглядывается в далекую звезду Солнце разумный арктурианин — и в черной бездне космоса встречаются, перекрещиваются их ищущие взгляды.

Он был по-юношески твердо намерен стать астрономом, или точнее — астрофизиком, потому и поступил по окончании школы на физический факультет. Но проучился лишь один год: в сороковом ему исполнилось восемнадцать, и по новому указу о

всеобщей воинской обязанности пошел Семен Малякшин на военную службу. Думал отслужить два года в армии и вернуться к учебе, но — выбора-то не было — угодил на флот. Выучившись в Кронштадте в учебном отряде на корабельного радиста, был он назначен на подплав, на подводную лодку типа С.

«Себе звезду избрал ли ты?» — пробормотал Сенечка, ступив на узкую стальную спину «эски». Да нет, ничего он не избирал. В оргмоботделе не спрашивали, где ты хочешь служить. Вокруг было сумрачно и дождливо, на пирсе тьякал случайный, кем-то забытый щенок. Сенечка, поднимаясь по крутому трапу на мостик лодки, бормотал: «И в масляной воде качались и шипели на якорях железные медузы».

«Эска» капитан-лейтенанта Сергеева была везучая. Выдержала первые удары войны, торпедировала три судна противника, уцелела в таллинском исходе. В начале октября лодка, обстрелянная немцами с южного берега, перешла из Кронштадта в Ленинград, встала на зимовку у Петровской набережной.

Получив увольнение, Сенечка помчался домой, в центр, на улицу Рубинштейна. Только перешел Кировский мост, как начался обстрел. На Марсовом поле, изрезанном укрытиями-щелями, Сенечка сиганул в одну из них. Там сидели на холодной земле несколько женщин с кошелками в руках. Почти целый час просидел Сенечка в щели и слушал, как женщины говорили о своих тяжелых жизнях на войне.

Потом он быстро шел по Садовой, близ кинотеатра «Молодежный» увидел полуразрушенный дом, женщин с лопатами среди завала. Еще недавно, летом мирного сорокового года, смотрел он в «Молодежном» фильм «Истребители», там здорово пел Бернес хорошую песню: «В далекий край товарищ улетает». Рядом сидела Лена, однокурсница с физфака, — он, Сенечка, пригласил ее, и вот она в пестреньком своем сарафане сидела рядом, а он мучительно хотел обнять ее за открытые пухлые плечи, но так и не решился.

На Невском тоже зияли пробоины в сомкнутых рядах домов. Кричали плакаты: «Враг у ворот Ленинграда!» Мешками с песком были завалены витрины кафе-автомата на углу улицы Рубинштейна.

Взлетел на третий этаж родного дома. Ему отворила дверь Инна, семилетняя сестренка, с воплем «Сенька!» повисла у него на шее. Всегда над ее черноволосой головой возвышался, как петушиный

гребень, крупный красный бант, а сегодня он был небрежно повязан где-то сбоку, над ухом.

— Непорядок на Балтике, — сказал Сенечка, входя за сестрой в комнату. — Дай-ка перевяжу тебе бант.

— Я сама повязала утром, — тараторила Инна, кивая на каждом слове, — мама ушла в пять часов в очередь, еще не пришла, ой, Сенька, тебе морская форма как идет! А ты знаешь...

— Пстой, Инка. В какой очереди мама?

— Ну в булочной, за хлебом. Ой, Сенька, по карточкам мало дают, мама сказала, не знаю, как тебя прокормлю...

— Погоди, Инка...

— Мама говорит, за декаду сто грамм мяса, двести грамм крупы, а я не знаю, сколько это...

— Это мало. Ну помолчи минутку. Что слышно о папе? Есть от него письма?

— Да, пришло вот вчера... нет, раньше... Он в Аранби... Никак не запомню...

— В Ораниенбауме. Ну, жив, значит.

Сенечка со вздохом сел на диван. Инна — позднее дитя Малякшиных — продолжала болтать, теперь — о Зинаиде Генриховне, соседке, и ее любимом коте Гекторе, которого она не знает как прокормить, кошкам и собакам ведь продуктовых карточек не дают, а кушать они тоже хотят, как люди...

Тут мама пришла. Сенечка кинулся к ней, забрал сумку, снял с Людмилы Васильевны пальто. Она, безумно усталая, повалилась на диван. Ее кукольное лицо со вздернутым носиком и ямочками на щеках, с улыбкой обращенное к сыну, было по-прежнему красиво и, как бы поточнее выразить, зовуще-беззащитно. Она ведь в театре, в ТЮЗе, была *травести* — играла мальчиков, девочек тоже. В восемнадцать вышла замуж за Константина Малякшина, у них *головокружительная* была любовь — а теперь война перевернула всю жизнь. Малякшин ушел на фронт, его определили, как писателя, в газету одной из дивизий, он чуть не погиб под Кингисеппом, а потом оказался со своей «дивизионкой» на ораниенбаумском плацдарме. Людочка, оставшись без мужней защиты, растерялась было, но что поделаешь, пришлось приспособиться к жизни в блокаде — к обстрелам и бомбежкам, к самому страшному, чего никто в Питере не ожидал, — к нарастающему голоду. По ночам она с другими жильцами дома дежурила на крыше. Плача от страха, хватала лопату и закидывала песком зажигательные бомбы, разбрызгивающие огонь и едкий дым.

— Сенечка, слава богу, ты живой, — улыбалась Людмила Васильевна, промокая платочком серо-голубые беззащитные глаза. — Мой дорогой. Ты плаваешь на подводной лодке, это страшно, да?

— Совершенно не страшно, мама.

— Сенечка, что же это делается? В очереди говорили, что немцы Вязьму взяли и наступают на Москву. Как же так? Считали, что мы всех сильнее. Даже песню пели: «От тайги до британских морей...»

— Мама, ты отдыхай. Лежи, лежи!

— Ну как же, чаем тебя напою. Вместо сахара дали сегодня соевые батончики...

Людмила Васильевна сладкое обожала. Пока еще были деньги, оставленные мужем перед уходом на фронт, она на Сенном рынке покупала горелый сахар — спекшиеся куски черной сладкой земли, извлеченной из-под разбомбленных Бадаевских складов. Промыть как следует такой кусок и откусывать, запивая кипятком, — вот, значит, и чаепитие.

Грозное время заваливало город сугробами, лишало его жителей воды, тепла и света, морило голодом. *Жители*... само это слово теряло привычный смысл... не жители, какая там жизнь, *тени* — вот кто... тени, бредущие по ущельям улиц... замерзающие в грязных пещерах жилищ... «У себя на кровати замерзал, как в степи», — звучал из черных тарелок репродукторов надтреснутый голос поэта Ольги Берггольц.

«Пещерный быт ворвался в Ленинград», — думал Сенечка Малякшин, бредя по проходам, протоптаным в высоких снежных завалах. Нелегко было ему, получив увольнение, одолеть дорогу до улицы Рубинштейна. Ноги, ослабленные дистрофией, плохо служили намерениям. Схватиться бы за трамвайную подвеску (думалось ему) и скользнуть по ней... но толстые наросты льда сковали провода...

Каждый раз приносил он ломтики хлеба, два-три кубика рафинада, урываемые от своего скудного рациона. Тащил какие-нибудь деревяшки для печки. Буржуйку поставил в комнате Малякшиных умелец, пожилой рабочий сцены из ТЮЗа. Людочка расплатилась с ним банкой кофейного напитка из прошлой жизни и кisetом с филичевым табаком, принесенным Сенечкой.

С каждым разом — видел он, добравшись до квартиры, — становилось все хуже. Мама и сестра ободрали в комнате обои, пытались сварить нечто съедобное из высохших еще в прошлом веке желтых пятен клея. Сенечка брал ведро и плелся на Фонтанку, по скользким ступеням спускался к проруби. Однажды — в конце декабря, под Новый год — притащил он ведро воды и, войдя в подъезд, увидел знакомую пожилую почтальоншу — она, закутанная в многослойные одежды, присела отдохнуть на ступеньку.

— Ты из двенадцатой? — сказала она чуть слышно. — От хорошо... а то мне не подняться... тут письмо вам...

В казенном письме начальник штаба такой-то пэ-пэ извещал, что седьмого декабря с. г. политрук Малякшин К. С. погиб смертью храбрых за Родину.

Сенечка, вслух прочтя эти три машинописные строчки, упал на стул, глотая холодный тяжелый воздух. Людмила Васильевна, опухшая от воды, которую пила чрезмерно, как лежала на кровати, так и осталась молча лежать, оперев взгляд в черный от дыма буржуйки потолок. А Инна, резко похудевшая, сидела, опустив нечесаную черноволосую голову, и водила пальцем по столу. Она, знаете, обожала переводные картинки — их потрешь мокрым пальцем, и на бумажном листе возникают цветные рисунки — парусники в море, домики на курьих ножках, смешные человечки — все что хотите. Картинки были все переведены (уплыли парусники), а привычка осталась, Инна часами сидела, водя пальцем по пустому столу.

Потом был январь.

В соседней комнате тихо умирала Зинаида Генриховна, вдова незнаменитого, но прекрасного художника и сама художница, иллюстратор книг. Вместе с ней умирал ее любимый кот Гектор — от голода облезла его роскошная бело-рыжая шкура, обтягивающая ребра и неровный позвоночник. Соседи с первого этажа покушались на жизнь Гектора, но Зинаида Генриховна сама держалась из последних сил, но не съела своего любимца и другим голодным людям не позволила.

Людмила Васильевна в январе стала сама не своя. Бродила по коридору, бормоча что-то, и однажды подстерегла Гектора, попыталась его схватить, но кот увернулся. Сенечка в тот день приходил, видел это, увел мать в комнату. Людмила Васильевна, кривая рот в ужасной улыбке, спросила:

— А если молотком? Где наш молоток, а?

Сенечка уложил ее, укрыл одеялом, поплелся на Фонтанку по воду. Вернувшись, увидел: Инна сидела на полу возле печки и, раскачиваясь, грызла принесенное им полено.

Этот день, двадцать первое января, был самым страшным в жизни Сенечки. Инна цеплялась за полено, но он отобрал и нарубил его, разжег буржуйку. Два ломтика черняшки, посыпанных солью («экономил» от своего завтрака), принес он в тот день, один ломтик дал Инне и поставил перед ней чашку с кипятком. Второй ломтик хлеба предназначался маме. Сенечка позвал ее, но она не откликнулась, не шевельнулась. Он шагнул к кровати, чтобы поднять маму. И отпрянул, простонав. Людмила Васильевна лежала с неподвижными глазами, упертыми в потолок. Ее опухшее синеватое лицо было как маска, насколько не похожая на прежнее бело-розовое лицо хорошенькой травести. Сердце остановилось. Остановилась жизнь, которую и жизнью не назовешь.

Сенечка закрыл глаза матери.

— Мама умерла, — сказал он в тишине, простроченной привычным стуком метронома.

Инна, будто и не услышав, допивала остывающий кипяток. Вдруг вскочила — и, зарывав, упала на тело Людмилы Васильевны, укрытое коричневым одеялом.

Сенечка сидел, оцепенело глядя в красный зев догорающей буржуйки. Потом уложил Инну на ее кровать, укрыл, дал второй ломтик с солью. Инна, всхлипывая, вонзила в хлеб голодные зубы. Сенечка велел ей из комнаты не выходить. Надел шапку и пошел в ЖАКТ, то есть домоуправление. Оно было в полуподвальном помещении соседнего дома. С очищенного от снега тротуара перед двумя его оконцами сочился серый, будто ненастоящий свет. Начальница ЖАКТа, женщина с суровым мужским лицом, в овчинном тулупе, прервала крупный, судя по повышенным тонам, разговор с тощим человеком, закутанным в огромное одеяло, из-под которого торчали черные валенки. Хмуρο выслушав Сенечку, начальница спросила:

— Малякшина — это которая артистка? Вот, Федосеева, — обратилась она к человеку в одеяле, — совсем молодая умерла, артистка, в тридцать лет...

— Тридцать восемь, — сказал Сенечка.

— Ну, тридцать восемь. А тебе сколько, Федосеева?

— Сколько ни есть, все мои, — прохрипела та.

— Ну, иди. Канализация не только у тебя, у всех не работает. У всех невозможная жизнь.

Сенечке начальница сказала, чтобы принес маму.

— Тут у меня еще четыре лежат. Как раз обещали завтра машину прислать, отвезут на Серафимовское кладбище.

— Один я не смогу... не управлюсь...

— О-хо-хо... Кто бы мне помог управиться?.. Ну, обожди. — Начальница дописала карандашом какую-то бумагу, медленно выводя буквы пальцами в перчатках. И грузно поднялась. — Чернила замерзли, ну и дела, — сказала она. — Пошли, моряк.

Войдя в комнату Малякшиных, начальница огляделась в полутьме.

— Это покойница? Сними с нее шубу и найди простыню, завернуть. А это кто? Сестра? Сколько лет? Что делать будем? Надо в детдом оформить.

— Нет, — сказал Сенечка. — Возьму ее к себе.

Он и сам оторопел от этих слов — они как бы сами собой возникли, без какого-либо размышления.

— Куда возьмешь? — спросила домоуправ, вздернув одну бровь выше другой. — На военный корабль?

— Да.

Сенечка в этот страшный день был сам не свой. В него будто вселился некто *другой*, управлявший поступками и словами.

Когда он с помощью начальницы выносил из комнаты тело Людмилы Васильевны, Инна вдруг сползла с кровати с плачем, с криком:

— Зачем уносите?

Пришлось Сенечке на нее прикрикнуть, чтоб легла и лежала, а он скоро вернется. Когда несли нетяжелую ношу по темному коридору, начальница сказала:

— У ней глаза опухли совсем. Ты сможешь ее подкормить?

— Подкормлю, — ответил Сенечка.

— Карточку ее взять не забудь. Говорят, с двадцать четвертого паек увеличат. Детям будет хлеба двести пятьдесят.

В домоуправлении, в соседнем с конторой помещении, в котором в прежние годы проводились собрания жильцов, холодина была, как на улице. Мебели не было никакой; скамейки, прежде тут стоявшие, конечно, спалили в печках. На полу лежали три трупа, завернутые в простыни, и еще один — в белой майке и ватных штанах, в штопаных синих носках.

Положили с краю тело Людмилы Васильевны. Сенечка, став на колени, поцеловал ледяной лоб матери. Он понимал, что больше никогда ее не увидит.

Впоследствии он не мог вспомнить, откуда взяли санки. Может, домоуправ их дала? Факт тот, что он усадил Инну, одетую во все теплое, что нашлось, на санки и длинным ремнем от старого чемодана обвязал ее ноги, чтоб не свалилась по дороге.

И потянул.

Сил у него хватило, чтобы дотянуть до кинотеатра «Молодежный» на Садовой. Тут он сел в сугроб, свернул самокрутку и стал ждать, кто бы дал прикурить. Инна понуро сидела на санках с закрытыми глазами. Кажется, ей было все равно — ехать или не ехать, жить или не жить. Сенечка задремал.

— Корешок, ты жив чи не жив?

Сенечка очнулся, вскинул взгляд на высокого, как грот-мачта (так ему подумалось), солдата с лицом, похожим на лицо Максима из картины «Юность Максима».

— А я думал, матрос, ты на хер замерз. Ой! — дурашливо спохватился солдат. — Это баба у тебя на санках? Извиняюсь!

— Сестра, — сказал Сенечка. — У тебе спички есть? Или кресало.

— А как же? Вся бы жись пропала, коли б не кресало.

Он был веселый, этот прохожий солдат. И, что особенно удачно, шел в ту же сторону, что и Сенечка, — к Марсову полю. Вдвоем потянули они сани с девочкой, это ж было для Сенечки такое облегчение. Вся дорога солдат болтал, вопросы сыпал — какой

паек у вас, подводников, — сравнивал со своим, зенитно-артиллерийским. У него заметна была склонность к раешнику, он легко рифмовал:

— У нашего комбата твердая рука, а жена евоная — инженерша о-тэ-ка.

— Это технический контроль? — уточнил Сенечка.

— Ну да, контроль по полной форме, только плохо очень кормит.

Рассказал, что командир батареи велел ему отнести жене-инженерше кусок масла и банку консервов из своего доппайка, и он, солдат, отнес, а жена-инженерша на работе была, на заводе «Русский дизель», их квартира запертая, и перед дверью сидит на грязном полу старуха, мама инженерши, и бормочет. Ключи потеряла! Солдат постучал в дверь, чтобы соседи открыли. А старуха бормочет: «Не стучи... никого нету... все померли...» «Е-мое, — сказал солдат, — что делать-то будем?» А старуха бормочет: «С ночи в очереди стояли, ждали, а хлеб не привезли... чевой-то там случилось... может, разбомбили...»

— Наши мотористы на «Русском дизеле» работали, — сказал Сенечка, остановившись, чтобы дух перевести.

— Ну мы-то не мотористы, — сказал солдат. — Мы артиллеристы. Знал бы, где этот завод, я б туда побег. Ну, давай, подводник. Поехали!

И продолжал рассказывать. Как он дверь плечом толкал, а она не поддавалась. И как ножом в замке ковырял — тоже зазря. И вдруг (тут солдат остановился и на Сенечку странно посмотрел)...

— Вдруг дверь открылась! Хочешь верь, хошь не верь, а она сама открылась! Я вошел, там темно, и нету никого... Это как понять, а? Может, врут, что его нету?

— Что ты хочешь сказать? — воззрился Сенечка на человека в солдатской длинной шинели.

Но тот не ответил. Дернул за веревку и пошел, наклонясь вперед. И Сенечка, оглянувшись на сестру, потянул. Инна сидела на санках, низко опустив голову, обвязанную темно-красным платком, и, кажется, спала. Ветер сорвался с плывущих над городом косматых туч, свистнул, ударил снежным зарядом.

На Марсовом поле, близ заколоченного досками памятника Суворову, солдат и Сенечка простились.

— Спасибо, — сказал Сенечка, — ты здорово мне помог.

Солдат прищурился на него ну в точности как артист Чирков, игравший Максима, и ответил:

— Это ладно, что помог. А вот надо, чтоб сестру сберег.

Кивнул и зашагал к своей батарее. Снежный заряд странно быстро замел его длинную фигуру.

На Кировском мосту бешеный порыв ветра чуть не сбил Сенечку с ног. (Он, надо сказать, и вообще-

то был субтильный, некрупного сложения, а теперь еще и ослабленный дистрофией.) Из последних сил он дотащил санки до причала, до трапа «Иртыша». Развязал ремень, снял Инну с санок. Сверху удивленно смотрел на них вахтенный у трапа.

— Ты сможешь идти по трапу? — спросил Сенечка сестру. — Ну, по лестнице.

— Не знаю, — прошептала Инна.

Она, сделав несколько шагов, опустила, села — не было сил подниматься на высокий борт плавбазы. Сенечка поднял сестру — а у него откуда силы взялись? — и понес вверх по трапу. А там уже стоял, вызванный вахтенным, помощник командира «Иртыша»...

Ну и покатило, перекидываемое, как футбольный мяч, «дело» о непозволительном приносе ребенка на боевой корабль. Накормить-то Инну, конечно, накормили: в кубрике, где размещалась команда «эски», в обеденный час ее усадили за стол рядом с Сенечкой и налили в миску две чумички супу из бачка.

— Не торопись, — сказал ей Сенечка. — Ну не торопись, говорю.

Досыта наелась девочка. Но вскоре у нее живот разболелся и подскочила температура. В корабельной санчасти занялся ею судовой врач. Там, в санчасти, отгородили для Инны, простыней завесили уголок. Она тихо лежала на койке, спала или думала неизвестно о чем.

Вряд ли ей привиделась *эта, костлявая*, которая неустанно косила косою по всему Ленинграду. Но от Инны ее, страшную, отогнали. Да, отбросили, вот так-то. Сенечке спокойнее становилось на душе, когда он видел улыбку, вернувшуюся на лицо сестры, слышал ее позвончевый голос. Судовой доктор поставил девочку на ноги. Сперва несмело, а потом все более резво забегала Инна по корабельным помещениям, затопала быстрыми ножками по трапам. Матросы улыбались ей. Учили распознавать корабельные сигналы. Когда горнист играл, возвещая обеденный час, Инна звонким голосом подпевала бодрому сигналу согласно матросскому фольклору: «Бери ложку, бери бак! Хлеба нету — кушай так!» Услышав сигнал приборки, орала в такт горну: «Иван Кузьмич, Иван Кузьмич, бери кирпич, бери кирпич, драй, драй, драй!» Матросы одобрительно смеялись. Советовали ей, между прочим, не попадаться на глаза командиру «Иртыша».

Понятное дело, он, командир плавбазы, ничего не имел против девочки, ставшей корабельной любимицей. Но служба есть служба, не так ли? Порядок должен быть. А он не допускал присутствия на боевом корабле посторонних лиц, в том числе, конечно, и детей.

В общем, стали готовить оформление Инны в детдом. Сенечка дал необходимые сведения о сестре, на душе у него было тяжело, беспокойно, но он понимал, что другого выхода нет.

— Не хочу в детдом! — кричала Инна.

— Мы скоро уйдем из Питера, — объяснял Сенечка, — моя лодка уйдет в поход. «Иртыш» в Кронштадт перейдет.

— Ну и что? — бунтовала девочка. — Я разве мешаю? Я на «Иртыше» буду тихо сидеть.

— Инка, да пойми же, нельзя детям в боевой поход...

— Не хочу, не хочу! — Инна плакала, кричала: — Сенька, не хочу в детдом!

Вдруг все переменялось.

В тот апрельский день командиры лодок, в том числе и командир «эски» капитан-лейтенант Сергеев, с утра занимались на тренажерах: проигрывались различные варианты торпедных атак. Занятия были прерваны воздушным налетом — разрывы немецких бомб опасно приблизились к Петровской набережной, потом переместились в глубь Петроградской стороны. Сергеев поспешил на свою лодку. Повреждений от бомбежки, слава богу, не произошло. Вернувшись на плавбазу, Сергеев продолжил заниматься на тренажере, а вернее — обсуждать с другими командирами преимущества залповой стрельбы.

Вопросами тактики торпедных атак была забита голова Сергеева, но где-то сбоку билась беспокойная мысль. Как только наступил обеденный час, он прошел в рубку оперативного дежурного. Не полагалось занимать тут телефон частными разговорами, но... Штабной каплей, давний приятель по училищу, бросил Сергееву: «Коротко!» и отвернулся.

Сергеев набрал номер городского радиокомитета и попросил позвать редактора Чернявскую.

— Римма, — сказал он, услышав ее раскатистое «алло-о-о», — бомбежка вас не зацепила? Ты живая?

— Пока живая. А ты? Когда домой придешь?

— Может, в воскресенье забегу. Ну ладно, будь.

— Миша, я вот что хотела... Я думала насчет этой девочки, о которой ты говорил...

— Ты же отказалась.

— Да. Но, понимаешь... Я думала, думала, и... в общем, Миша, давай возьмем. Хотя время не такое, чтобы...

— Я понял, Рим. Очень хорошо. Когда сможешь прийти на «Иртыш»? Тебе же надо посмотреть на девочку.

— Завтра, часа в четыре, — сказала Римма.

Тут надо пояснить. Около трех лет были они женаты — Сергеев и Римма Чернявская. Познакомились на вечеринке у однокурсника Сергеева, тоже в то время старшего лейтенанта, служившего

на морских охотниках, и была там его сестра Римма, студентка-выпускница института журналистики. Произошло то, что бывает не часто и носит возвышенное название — любовь с первого взгляда. Сергеев решительно прервал отношения с любовницей, женщиной-экономистом, которая, осерчав, написала на него жалобу в политотдел. А он, Сергеев, в то время еще не был членом партии (вступил позже) — за что же было его наказывать? Ну, погулял, и все, дело житейское. Ограничились беседой у замначполитотдела о необходимости соблюдать моральный облик. Сергеев и Римма поженились и стали жить на Большой Пушкинской в квартире родителей Риммы — профессора-химика Чернявского и его жены, тоже профессора, но не химии, а психологии.

Военно-морская служба — особенно когда он стал командиром подлодки — не часто отпускала Сергеева на Большую Пушкинскую. Каждый его приход был как праздник. Но вот что: не беременела молодая жена. Это вносило огорчительную ноту в прекрасную музыку любви. Оба хотели ребенка, но — мешало какое-то, что ли, физиологическое несовпадение. А на третьем году их непростой семейной жизни началась война.

Блокадная зима, как бы это выразить, подсушила обоих. Забота о пропитании, о выживании заслонила все прочие выплески душевных сил. Очень сдал профессор, отец Риммы. Сергеев приносил на Большую Пушкинскую свой офицерский дополнительный паек. В январе родители Риммы отправились в эвакуацию по ладожскому льду, профессор, слава богу, выжил, теперь они в безопасности, в Саратове.

Впервые за эту ужасную зиму Римма улыбнулась мужу:

— Может, доживем до весны?

— Непременно доживем, — сказал Сергеев, обняв ее.

Однажды он поднялся на борт «Иртыша», отдал, как полагается, честь флагу, и тут выбежавшая из-за надстройки девочка в вязаной красной шапочке остановилась и, как бы отвечая ему, подняла руку к виску. Сергеев засмеялся и скомандовал: «Вольно!»

Разумеется, он знал, что его радист Малякшин привел на плавбазу сестренку, — о них, осиротевших, рассказал ему военком Гаранин. И вот он увидел Инну. Знаете, Сергееву врезалось в память, как девочка с бледным кукольным лицом, надув губы, чтобы сдержать улыбку, дурашливо отдает ему честь. И пришло Сергееву в голову: надо ее *удочерить*. Пусть будет она у них с Риммой — дочкой.

Римма, когда Сергеев предложил ей это, отказалась:

— Это же такая ответственность, ты понимаешь? Где взять столько сил?

Сказано было точно, блокада слишком много сил перемолола, унесла. Как не понять.

Однако в истерзанный город робко, осторожно, натываясь на непроходимые сугробы, вступила весна. Понемногу город оживал, согревался, очищался от грязи и снега, от зимнего морока. Понемногу увеличивали паек. В апреле ленинградцы плакали, увидев пущенный трамвай...

По Неве плыли последние льдины, сходил ладожский лед, много повидавший истекшей зимою. Скоро подводные лодки отлепят от неевского гранита, уйдут в Кронштадт и, наверное, дальше — уйдет и капитан-лейтенант Сергеев на своей «эске»...

— Миша, — сказала Римма, — я передумала. Давай возьмем эту девочку.

Он понимал: ей было страшно остаться одной.

Римма пришла, поднялась на борт «Иртыша». Она принарядилась — хорошо смотрелась в синем демисезонном пальто (хоть и излишне свободно свисавшем с узких плеч). С довоенным, можно сказать, шиком сидел на голове большой синий берет с блестящей штучкой сбоку. Ее щеки запали, обтянув скулы, но все же лицо по-прежнему было ярко красиво.

Сергеев провел жену в свою каюту, и вскоре пришел вызванный радист Малякшин со своей сестрой. Инна оробела, воззрившись на незнакомую женщину. Римма заговорила с ней приветливо, спросила, умеет ли девочка читать, рисовать, петь. Инна отвечала односложно, взявшись обеими руками за края вязаной шапочки и натягивая их на уши, словно не желая ничего слышать. На вопрос, какие стихи знает наизусть, она ответила:

— Я знаю много стихов. Только не буду читать.

— Почему? — удивилась Римма.

— Не хочу.

— Ну и правильно, — вмешался в женский разговор Сергеев с легкой такой улыбочкой. — Я тоже их не люблю — стихи. Кому они нужны?

— Товарищ командир, — не понял его скрытого юмора Малякшин. — Что это вы говорите?

— Тебе, Сенечка, стихи нужны, знаю. А нам с Инной — нет. Ну их!

И тут девочка засмеялась, она ведь была смешливая.

Короче говоря, постепенно освоилась Инна с пугающей мыслью, что чужие тетя и дядя хотят взять ее к себе и *удочерить*. «Инка, — сказал Сенечка, — тебе у них будет хорошо». Она верила брату. Никого ведь больше у нее не осталось.

Оформление тянулось почти три недели. И настал в конце мая месяца день, когда горнист последний раз сыграл корабельной любимице сигнал, призывающий к субботней большой приборке: «Иван Кузьмич, Иван Кузьмич, бери кирпич...»

Элия Уилкинсон (1862–1935) — американская журналистка, писательница. Работала репортером, литературным редактором газеты «Чикаго Трибьюн», писала рассказы для газет и журналов. Автор семисотстраничной «Истории Америки» для молодежи, популярного в свое время путеводителя по Аляске «Путешествие по Стране чудес», истории детского крестового похода «С сумой и посохом». Ее роман «Судья» получил приз газеты «Детройт фри пресс».

Элия Уилкинсон — автор многочисленных не переведенных на русский язык мистических рассказов, один из которых представлен вашему вниманию.

Евгений НИКИТИН

Рисунок Анны Дудяковой

ИСТОРИЯ ОБ ИСЧЕЗНУВШЕЙ ПАЦИЕНТКЕ

О доме всегда ходили странные слухи, однако его владельцы Незертоны не доставляли никому никаких неприятностей. Поэтому соседи уверяли друг друга, что все эти рассказы не имеют ничего общего с реальностью. Ну разумеется, не имеют! Абсолютно ничего! Разве может быть иначе? Тем не менее все признавали, что — с учетом того, во сколько обходилось содержание такого особняка, — непонятно, почему Незертоны так редко бывают там. Они почти всегда находились где-то далеко (летом — на севере, зимой — на юге, порой уезжая в Париж или Лондон) и появлялись изредка, устраивая пышные приемы. В доме царило то мрачное уныние, то празднество. Большую часть времени он находился на попечении старого садовника, живущего в одиночестве на задворках.

Доктор Блок с супругой, поселившись по соседству, могли каждый день любоваться красотой внутреннего двора Незертонов, где по утрам листья сверкали от серебряной росы, а вечерами над прудом с лилиями разносилось пение козодоя. Супруга доктора даже поселилась в комнате, откуда открывался вид во двор. День за днем, сидя за вышивани-

ем, она размышляла над тайной, незримо витающей над соседским особняком.

Однажды, когда они с мужем уже готовились ко сну, радуясь отсутствию тяжелых пациентов и предстоящей спокойной ночи, в дверь позвонили.

— Если тебя вызовут, — предупредила супруга, — скажи, что ты слишком устал. Хватит с нас того, что на этой неделе тебя будили каждую ночь!

Молодой доктор спустился вниз. В дверях стоял незнакомец:

— Вашей соседке, моей жене, очень плохо — так плохо, что, боюсь, она не доживет до утра. Пожалуйста, пойдите к ней немедленно!

— Соседке? — изумился врач. — Не знал, что Незертоны приехали!

— Умоляю, поспешите, — попросил ночной гость. — Я должен вернуться к ней, а вы приходите как можно скорее.

Доктор отправился наверх — собираться.

— Какая чепуха! — возразила его супруга, услышав рассказ. — У Незертонов никого нет. Я вышивала у окна весь день и не видела, чтобы кто-нибудь приехал. Находишь в доме хоть один человек, садов-

ник зажег бы фонарь у крыльца. Это какая-то лоушка. Не ходи.

Но доктор решил идти. В последний момент супруга сунула ему в карман револьвер.

Хотя в особняке было темно, врач разглядел открытую дверь. На лестнице, ведущей на второй этаж, висел бронзовый светильник, из которого лился тусклый свет. Ноги доктора бесшумно утопали в роскошных коврах. Наверху его уже ждали. Доктор считал себя очень высоким, однако незнакомец вышался над ним на полголовы. Он жестом пригласил следовать за ним, и мужчины зашагали по залу по направлению к гостиной. Мерцание нескольких светильников окрашивало помещение в розоватый оттенок. На шелковом диване посреди подушек лежала умирающая от чахотки женщина. Она была похожа на лилию — белую, грациозную, слабую, но все еще прелестную. Она умоляюще взглянула на врача; затем, прочитав в его глазах невольный приговор и близость смертного часа, устремила полный муки взор на своего спутника. Осмотрев больную, Блок задал несколько вопросов. Мужчина отвечал, женщина по-прежнему хранила молчание. Врач дал ей лекарство, затем выписал рецепт и положил на каминную полку.

— Боюсь, аптекарь уже ушел домой. Купите вот это лекарство завтра с утра, а я зайду перед завтраком.

После этого он мог отправиться домой, но решил остаться. Дело было не в профессиональном беспокойстве за пациентку. Доктор сидел словно зачарованный. Он смотрел на кольца, сверкающие на женских руках, на подрагивающие на ее висках светлые завитки, разглядывал платье из белого шелка, ниспадающее огромными складками. Время от времени незнакомец давал умирающей принесенное доктором снадобье и начинал мерить пол шагами до тех пор, пока движение ее руки не успокаивало его.

Наконец врач ушел. Его супруга не спала и с нетерпением ждала рассказа. Молча выслушав, она отвернулась к стене.

— Дорогая, ты, кажется, заболела, — заметил Блок. — У тебя простуда. Ты вся дрожишь.

— У меня нет никакой простуды, — резко ответила супруга. — Но я... Ладно, давай спать, только не выключай свет.

На следующее утро, перед завтраком, доктор зашагал по влажному газону к особняку Незертонов. Парадная дверь оказалась заперта, на звонки никто не ответил. Старый садовник, бросив косить траву, подошел к крыльцу.

— Зачем вы мучаете звонок, доктор? — спросил он. — Там никого нет.

— Нет, Джим, есть. Меня вызвали сюда вчера ночью. Мужчина попросил осмотреть его жену. Должно быть, они заснули, раз не отвечают на звонки. Собственно говоря, я не удивлюсь, если она уже умерла. Очень больная женщина. Быть может, она мертва, а с ним что-то случилось. У тебя есть ключ, Джим? Впусти меня.

Старик задрожал всем телом и прошептал:

— Никогда не входите туда, доктор. Не ходите осматривать никого. Если за вами пошлют еще раз, сначала скажите мне... Нет, я не пойду туда — ни за что. Это, как оговаривал мистер Незертон, не входит в мои обязанности. Я всего лишь ухаживаю за садом.

Спорить было бесполезно. Блок взял у старика ключи, отпер парадную дверь и вошел. В доме не было никаких признаков жизни. Комната наверху молчала и пустовала. Пыль покрывала все густым слоем — тонкую парчовую ткань дивана, где он видел умирающую женщину, подушки... В комнатных светильниках не осталось ни капли масла. Пахло плесенью и чем-то зловещим; здесь давным-давно никто не бывал.

Однако на каминной полке лежал выписанный прошлой ночью рецепт. Блок прочитал его, свернул и положил в карман. Старый садовник ждал его внизу:

— Вы ведь больше никогда не станете подниматься туда, да, доктор? Если только я сам не приду за вами? Не станете?

— Не стану.

Выслушав рассказ доктора, супруга поцеловала его и заметила:

— В следующий раз, когда я говорю оставаться дома, оставайся!

Перевод с английского Евгения Никитина

Евгений Никитин — студент четвертого курса переводческого отделения лингвистического факультета Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета. Как переводчик публикуется в «Юности» с 2010 года.

Леонид КОЛГАНОВ

Шацков А. Лествица в небо: Избранное / Андрей Шацков. —

М.: Издательство журнала «Юность», 2012. — 416 с.: ил.

«СТРАСТИ ПО АНДРЕЮ»

О книге Андрея Шацкова «Лествица в небо. Избранное»

Недавно прекрасный критик Инна Ростовцева написала о том, что считает Андрея Шацкова самым православным поэтом на Руси. Зная Андрея Шацкова с 1973 года, могу добавить, что он поэт в первую очередь державно-имперский в высшем смысле этого понятия. А также стихийно-православный и патриотичный опять же в самом высоком смысле. Им движут инстинкт и Стихия. И во всем своем творчестве он дает религиозно-философское осмысление и времени, и себя. Как, скажем Андрей Тарковский в своем знаменитом фильме «Андрей Рублев», имеющем еще одно название — «Страсти по Андрею», сам, еще будучи атеистом, дал великое осмысление эпохи Андрея Рублева. Читая книгу «Избранное»

Шацкова, я сразу вспоминаю прекрасный фильм «Страсти по Владимиру» — о том, как в каком-то научно-исследовательском институте, разумеется, в эпоху застоя и маразма общественность пытается устроить авторский вечер Владимира Высоцкого, а директор Института и начальник первого отдела всячески пытаются этот вечер сорвать. И когда начальник первого отдела говорит, что Высоцкий непатриотичен, директор резко возражает, говоря: «Он патриотичен! Он в миллион раз патриотичней нас с тобой! Но он не так патриотичен, как требуют там!» И устремляет взор вверх, имея в виду, очевидно, Старую площадь, где располагался ЦК КПСС, или же само Политбюро! Да, патриотизм Шацкова

больше схож с патриотизмом Высоцкого и Губанова, который никак не подходил эпохе застоя, ибо был полностью лишен совковости. Что же касается имперскости в поэзии Шацкова, то она тоже была не ко двору в те серые времена. В конце концов и Иосиф Бродский в каком-то смысле был питерско-имперским поэтом. Вспомните его стихотворение «Памяти Жукова», написанное в год изгнания — 1972-й! За это стихотворение его не только не надо было изгонять из Союза, а надо было наградить Высшей государственной премией! Как мудро сделало в позапрошлом веке во Франции правительство короля Луи-Филиппа, наградив Генриха Гейне за стихотворение «Два гренадера» — лучшее, что было написано в мировой поэзии о Наполеоне, — орденом Почетного легиона и обеспечив его до конца жизни полным пансионом. Да, Шацков тогда был полностью не востребован той действительностью. Помню, на Шестом московском совещании молодых писателей я и руководители нашего семинара поэты Алексей Марков и Олег Дмитриев показали большую подборку Шацкова Владимиру Алексеевичу Солоухину. Солоухин сказал, что Шацков большой поэт, которому нужна большая книга, а не несколько маленьких публикаций. А так как книгу сейчас пробить невозможно, то ради нескольких публикаций нечего и беспокоиться. А ведь уже был опубликован весь Набоков, весь Солженицын! И на дворе стоял февраль-март 1988 года!

Говоря о православии Андрея Шацкова, надо понимать, что оно у него не казенное, аки партийная организация и партийная литература, а стихийно-внутреннее! Иногда он нарушает почти все каноны, как в стихотворении, написанном в 2008 году в Иерусалиме. О нем ниже. Но это и хорошо. Когда мы с поэтом Николаем Потапенковым в начале 90-го года прошлого века отвезли нашу совместную книгу «Триптих», где под одной обложкой были Шацков, Климов-Южин и я, отцу Дмитрию Дудко, то отец Дмитрий сказал, что не все стихи Шацкова каноничны, но талантливая поэзия искупает все! И посоветовал не думать о канонах, когда пишешь стихотворение. Ведь недаром Франция до сих пор чтит своего самого французского и самого еретического поэта Франсуа Вийона! Да и Толстого, Достоевского и Лескова некоторые до сих пор считают ересиархами. Но так как мы об «Избранном» Андрея Шацкова, то я перехожу к его филогенетической составляющей. Скажем так о влияниях и предшественниках. Когда о Шацкове говорят, что он последний осколок Серебряного века, отвечаю словами Станиславского: «Не верю!» Последним осколком Серебряного века был Георгий Иванов. А филогенетика Андрея Шацкова совсем иная. Она уже идет, говоря слова-

ми Анны Ахматовой, от некалендарного двадцатого века, начавшегося в аккурат в 1914 году. А он был и железным, и медным, и дубовым, и земляным, и кровавым, а также жемчужным, платиновым и алмазным. Больше всего в его стихах меня как последовательного смогиста поражают его метафорические узоры и орнаменты, идущие от Великого Ключева и Есенина. Прежде всего Есенина «Исповеди хулигана», «Черного человека», «Сорокоуста» и «Пугачева». И здесь он смыкается, с одной стороны, с поэтами-имажинистами, прежде всего с Есениным, Кусиковым, Мариенгофом и Шершеневичем, а с другой — с такими крестьянскими поэтами, как Сергей Клычков и Петр Орешин. И, уже ближе к нашему времени, пересекается с поэтами-смогистами — Леонидом Губановым, Юрием Кублановским, Владимиром Алейниковым и Владимиром Батшевым, живущим сейчас в Германии и очень ценящим поэзию Шацкова. И все это потому, что и Ключев, и Есенин, и крестьянские поэты, и имажинисты, и следующие им смогисты черпали из таких великих бездонных колодцев, как «Слово о Полку», «Калевала», «Песнь Песней». А также из русских былин и песен. Сама аббревиатура «СМОГ» расшифровывается как «смелость, мысль, образ, глубина». А у Шацкова прослеживается ярко выраженное метафорическое мышление. Но мысль у него всегда соседствует с образом. Мой покойный учитель, кстати, тоже очень любивший стихи Шацкова, прекрасный поэт Александр Коренев, писал: «Нет в поэзии случайных тем, потому что образ больше мысли!» Но у Шацкова и образ, и мысль работают на равных, и получается этакий сильно заряженный энергетикой Земли мыслеобраз, проникающий в самые глубины читательского подсознания. Они, если так можно сказать, написаны черным землем подкорки. Отсюда их сакральность для русского читателя, в какой бы части света он ни жил. Кстати, метафоры Шацкова, даже двадцатилетней давности, живут и здравствуют до сих пор, в отличие от умозрительных и вымученных псевдометафор многих так называемых поэтов-метафористов, из которых в последние застойные годы пытались сделать искусственно-официальный совковый авангард. Что же касается концептуально-философской составляющей поэзии Шацкова, то она по добромудру евразийская, идущая от Алексея Константиновича Толстого, а также всех трех Аксаковых. В его стихах, буквально как река в разливе, разлита старомосковская широта и доброта. Недаром мой друг, живущий сейчас в Италии, блестящий лингвист Сергей Григорьев говорил, что мало у кого встречал такое чудное московское произношение, как у Шацкова. Не откажу себе в удовольствии процитировать некоторые наиболее удачные, наиболее

любимые мной строки Шацкова, говорящие сами за себя. А именно: «Сугробов белые колени загнула вьюга у крыльца», «Мир жесток, как испытый палач», «Зрел март, всходя опарою сугроба», «Божьи руки над Русью раздвинули занавески пасхальной зари», «И рванула подвздошная жила, как весною заплот у пруда», «Белы снега, словно горностаи, запорошат нашу старину». Здесь, как говорится, ни прибавить, ни убавить. Желаю прекрасной книге Андрея Шацкова долгой и счастливой жизни! А ка-

кое у нее чарующее название — «Лествица в небо». Сразу вспоминается Гоголь, в предсмертных муках увидевший нечто такое, чего мы до сих пор не видим, простирающий вверх руку, смотрящий в небо и молящий: «Лестницу мне! Лестницу!» И закончить я хочу стихотворением Андрея Шацкова, о котором я упоминал в самом начале этой статьи, написанном во время его посещения Святой Земли, таким — нарушающим все мыслимые и немыслимые каноны, таким — почти языческим и таким русским.

РОЖДЕСТВО НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Святая ночь, святое торжество —
Настало,

и шагами пилигрима
Спускается на стогны Рождество
Со стен и башен Иерусалима.

В небесной грусти Гефсиманский сад,
Песок и камень овамо и семо.
Здесь пуп земли, так книги говорят.
Здесь луч Звезды достигнул Вифлеема.

Здесь нет лесов, где правят волшебство
И, колядуя, втайне тешат беса.
Но все равно встречают Рождество
Желанное и жданное...
Завеса —

В сочельник расточается пурги,
Ложась пуховым платом на дороги.
Здесь не слышны тяжелые шаги
И к валенкам привычны с детства ноги.

Отсюда так далек Ершалаим
Библейский
над Гихона берегами.
Здесь торжествует в силе Третий Рим —
Московия — над грузными снегами!

Здесь я рожден, и будит сердце зря
Загадочной страны призыв и вызов.
Восточная лимонная заря.
Русскоязычный шепот кипарисов.

Наталья СМЕХАЧЕВА

Родилась и выросла в Торжке. Окончила Торжокское педагогическое училище (отделение физвоспитания). Работала учителем физкультуры, инструктором ЛФК, экскурсоводом. После окончания Тверского государственного университета и по сей день — преподаватель общественных дисциплин в Профессиональном художественном училище золотного шитья города Торжка.

Пишу стихи и рассказы. Состою в городском литературном объединении «Тверца». Печатаюсь в районных и областных газетах и журналах, коллективных сборниках.

Автор книги стихов «У Лунного брода».

Брату

И опять, и опять я в то лето иду...
...Золотые шары над скамьей у колодца.
Тихо падают яблоки в старом саду,
И щербатый забор виновато смеется.

На крыльце без перил — толстый ежик ручной
И лохматый козел, словно облако, белый.
Пахнет свежим вареньем, прогулкой лесной
И еще предстоящим, не прожитым делом.

У рябины резной дедов посох стоит.
«Бежин луг» увлеченно козел наш листает.
Черный Шарик соседский сердито сопит
И к колодцу без деда меня не пускает.

В кособоком ведре дольки солнца лежат.
Крутит дед козью ножку из старой газеты.
Ты роняешь с ладони смешных лягушат —
Золотинки беспечно скользящего лета...

А потом — грузовик, и во влажной пыли
Две косички тугие машинного следа.
Бирюзовый закат, и у края земли
Светлой болью — фигурка застывшая деда...

Мы махали ему и не знали тогда,
Что кузнечик знакомый отпел наше детство,
И простился дед с нами совсем, навсегда,
Свой певучий баян нам оставив в наследство.

Красный городок

Заросли берега Тверцы.
Склон Ильинский зарос бурьяном.
И уже не летят скворцы
В сад, который сажала мама.
Сада нет. Да и дома нет.

Средь крапивы — ромашек малость.
Но сиянье ушедших лет
Здесь, на этих камнях, осталось.
«Штандр!» Вот так не повезло!
Мяч в окно — как снаряд хороший.
И мы режем с отцом стекло
В «Керосинке» у дяди Леши.
Лодки кружатся на реке,
На жуков-плавунцов похожи.
Весь в мурашках гусиной кожи
Брат с мутиловкою в руке.
Солнце летних беспечных дней!
С речки дружно в кафе шагаем.
До сих пор ничего вкусней
Тех столовских котлет не знаю.
Стукоталочки по ночам,
Монастырских подвалов тайны.
Вкус сосулек необычайный,
Руки мамы на плечах.
И дворянское: «Кэс ке сэ?..»
Нашей бабки слегка спесиво,
Из прочитанного эссе
Россыпь слов, как узор, красива.
Сказки мамы, смех отца,
Запах флоксов в осенний вечер...
И шагнули мы здесь с крыльца
Всем ветрам и мечтам навстречу.

Здесь сегодня иная жизнь.
Но взгляни — как для нас когда-то
Разлиновывают стрижи
Золотую тетрадь заката...

Настроение

1.

Осенний город обморочно-тих.
По-стариковски сгорбились соборы
и скалятся облезлые заборы
из-за колонн, уныло завитых,
к реке сползая с улочек крутых.

И воздух сер и полусонно-тих ...

2.

Уже не видно огненных коней.
Лишь тучи все ползут, ползут лениво.
Блестит асфальт. Промозгло и тоскливо
в душе такой не прибранной моей.
И сумрак все плотнее и плотней.

Не помнит сердце солнечных коней...

3.

А город зажигает фонари,
бульвар смеется страшно и убого.

И пожирает грязная дорога
последний след больной ночной зари.
Особняков громадятся лари.

Ткут саваны из света фонари...

4.

Через туманность газовых желтков
над площадью — гигантской сковородкой —
плыву в ничто в прекрасной утлой лодке
смешных надежд, мечтаний и стихов.
И сыплет Время пыль — минут... веков...

Через туманность газовых желтков...

5.

Навстречу мне — глаза, глаза ворон,
щербатый клен с луной разбитой в кроне...
Что если я — какой-нибудь вороне
лишь снящийся абсурдный, странный сон,
ее души осколок, отзвук, стон?..

Не видно звезд — все серо от ворон...

г. Торжок

Зулкар ХАСАНОВ

АБИТУРИЕНТ

1.

Конец августа — еще лето, но за порогом осень. Улетучился зной, от которого страдали в июле, дни стали короче, а ночи прохладнее и длиннее. У выпускников нет теперь такой жажды — непременно искупаться. Нам, абитуриентам, не пристало обращать внимание на перемены погоды и природы. У меня заботы совсем другие и нешуточные. Мне надо непременно поступить в 2-й Московский медицинский институт, этого хотели я и мои родители.

Я стою перед зданием аэропорта, рядом — отец, бодро оглядывающийся по сторонам. За низким покосившимся забором на летном поле — несколько маленьких белых самолетов. Красный заправщик катит по полю аэродрома, а к зданию аэропорта идут летчики только что совершившего посадку самолета. Водитель-заправщик и экипаж довольны успешно выполненной работой. Летчики идут чуть устало, но бодро, щеголяя фуражками, и ветер закидывает за спину их галстуки,

яркое солнце режет глаза. Наконец они вступили в тень, которая, словно драпировка, сползла со здания аэропорта. И я услышал голос отца:
— Максим, прилетишь в Смоленск — сразу ищи гостиницу, лучше около базара. В каждом городе около базара есть гостиница для колхозников!

Он называл рынок базаром.
— Хорошо, папа, — сказал я.
Отец уже в третий раз сегодня дает мне деньги.
— Да мне хватит...

— Бери на всякий случай, бе-е-ери-и-и!

Он нажимал на «б», на «и». Мы с отцом вместе стояли, оглядывая спокойных и суетливых пассажиров уже с билетами в руках. Кто-то устало жевал пирожок, а кто-то налегал на мороженое.

Аэропорт в городе N маленький. Вечерело. Я летел на самолете первый раз в совсем незнакомый город. Мы с отцом, видимо, немного возбуждены и взволнованы, особенно отец. Он суетится, торопит меня, чтобы я занял очередь на регистрацию. Мы встали в очередь. Казалось, что пассажиры рассматривают нас как пришельцев с другой планеты. Я полечу впервые, и сердце радостно бьется.

Меня ожидает Смоленск. Отец рассказывает, что он летал на разных самолетах, что в самолете кормят и дают леденцы, когда самолет отрывается от взлетной полосы. А еще стюардессы ходят по салону и раздают пакеты. Зачем? Мало ли зачем.

Потом он советовал, как быстро и без проблем найти медицинский институт, как нужно подавать документы и убеждать приемную комиссию, что экзамены, сданные в Москве в 2-м Медицинском институте, обязательно засчитываются в Смоленске, и я обязательно должен быть зачислен. Вот этого-то мне почему-то не хотелось, хотелось в самолет, в Смоленск.

...Август 1977 года. Я не поступил в медицинский в Москве, и родители надеялись, что мои оценки примут в Смоленске, и вот я лечу устраиваться в мединститут.

Смоленск — старый русский город на холмах, у подножия которых плещется Днепр. Помню смоленский парк, скамейки и много шахматистов и болельщиков, которые тихо разговаривали и болели за своих.

Вечерняя прохлада, запах сирени и смех девочек, вызывающий у отдыхающих покой и умиротворение.

Уже поздно. Я — в гостинице, в комнате еще с десяток кроватей. Кто-то спит, кто-то читает, кто-то копается в чемодане. Тихо. Окно открыто — пахнет флоксами, где-то гремит трамвай. Я проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь с радостным предчувствием приключений и открытий. Рядом жужжит бритва, веселый лысый старичок подмигивает и говорит:

— Доброе утро! Молодой человек, позвольте спросить, как вас зовут?

— Здравствуйте, — отвечаю я, — зовут меня Максимом. Максим Петрович Фигурнов, из города N, находящегося совсем близко от здешних мест.

Старичок называет себя каким-то длинным именем и отчеством, потом говорит, что он по важным делам в командировке, и я понимаю, что он — важный и известный человек. Несколько, однако, смущает синяк под его правым глазом и несвежая белая повязка наискосок, как у Кутузова. Видя, что я любопытствую насчет повязки, он меня успокаивает: «Пройдет!»

— Конечно пройдет, — говорю я, — куда же ему деваться?

Я рассказываю ему, что я абитуриент и что экзамены в Смоленске не сдавал. Сдавал в Москве, но не добрал полбалла, что в Смоленске тоже по делу.

Неожиданно старик начинает мне довольно эмоционально сочувствовать. «Я тебе помогу, Максим, — говорит он, — у меня в Смоленском мединституте брат двоюродный, профессор, в приемной комиссии, он обязательно поможет».

Он произносит имя и отчество брата. «Да, — подумал я, — мне такую абракадабру не запомнить. Ну ничего, он мне все расскажет, как его найти и как представиться».

— Я ему позвоню завтра, и все будет в порядке, — запел, улыбаясь, родственник человека из приемной комиссии. — Пойдем завтракать.

И мы пошли в столовую. В чистой столовой рядом с гостиницей — тихо,

завтрак уже прошел, время-то десять часов. Мы сидим одни за столом, и старик жадно ест макароны, запивая их горячим чаем. Макароны блестят от масла, блестит его лысина от пота, и я слушаю увлекательную историю о том, что все родственники старика так или иначе связаны с медициной. Профессия медика для него вообще является святой, и я, оказывается, очень подходящий абитуриент для этой профессии.

Я слушаю и думаю: хорошо, что этот старикан повстречался мне. И это даже ничего, что завтрак мне обошелся в два раза дороже, у моего нового друга не было мелких денег. Какие пустяки! Ну да, ничего не жалко, какие деньги, он мне вон в каком деле поможет.

А вечером я загрустил, вспомнив Москву, я хотел учиться в 2-м Медицинском. Ладно, Смоленск так Смоленск, здесь парк красивый, буду гулять, знакомиться с девчонками. Здесь тоже хорошо. Мой товарищ уже поел и опять полез в свой чемодан.

— Максим, вот костюмчик себе купил очень хороший, — продолжал облизывать тонкие губы мой новый друг. — Хочешь, продам почти даром тебе этот костюм, ты будешь выглядеть не хуже Андрея Болконского или Пьера Безухова — героев Льва Толстого в романе «Война и мир».

— Дорогой? — спросил я.

— Что вы сказали?

— Я говорю, сколько стоит костюмчик?

— Совсем недорого. — Он сказал незнакомое слово «бостоновый», погладил пиджак и положил в его чемодан. — Восемьдесят рублей.

— Дорого, — говорю я, вспомнив, сколько стоил мой костюм на выпускной вечер.

— Могу уступить за пятьдесят, хочешь?

Я почему-то засомневался. Все же пятьдесят рублей — солидная скидка. Вот, думаю, купить или не купить? Потом будто очнулся: какой на фиг костюм, зачем мне

костюм, у меня и денег-то всего десять рублей, после завтрака уже шесть. Я лихорадочно вспоминаю все свои расходы: парк, гостиница, завтрак на двоих. Электричка из Смоленска до Москвы — два рубля и еще два целковых до города N. Итого: два рубля.

— Слушай, Максим, если не хочешь купить, дай мне займы пять рублей. Ты не думай, профессор из Смоленского мединститута нас не подведет — он врач, профессор, самый известный человек в Смоленске.

Я протянул ему два рубля. Как же можно другу отказать, если он просит?

— Хорошо, слушай, давай сделаем так: поедем к тебе. Я хочу познакомиться с твоими родителями, потом поедем опять в Смоленск, и я буду просить своего брата записать тебя на первый курс медицинского института.

Мне показалось это вполне разумным. Тем более денег больше нет и, значит, надо ехать домой. Правда, придется потратить немало времени. Но мой новый лысый друг взял свой чемодан, и мы пошли.

По дороге на вокзал мой незнакомец вспомнил о каком-то очень важном деле, и мы договорились, что я поеду домой один, а он приедет завтра. Я написал ему подробный домашний адрес, сказал, что живу на первом этаже в пятиэтажном панельном доме недалеко от вокзала. Моего друга, как мне показалось, это огорчило. Расставались мы старыми друзьями, почти родственному. Я думал о том, как это здорово: везде живут добрые хорошие люди, они всегда готовы прийти на помощь.

2.

Пригородная электричка из Смоленска в Москву была забита до отказа, наступила пятница, и народ рвался в столицу за колбасой. Сумок у меня не было, я сидел и глазел по сторонам.

Народ в электричке красивый, колоритный. Они смеялись и разговаривали, читали и ели, спали и уступали друг другу места. Общая атмосфера доброжелательности и ожидания чего-то счастливого, ясного и обязательного хорошего. Прямо напротив сидит огромный подвыпивший мужчина и смотрит на меня с умилением. Глаза и лицо красные, но выражают радость и покой. Я смотрю на него доброжелательно и с улыбкой.

— Что, молодой, в армию собрался? Служба в армии молодым людям сильно помогает в выработке своего характера. Правильный характер — это успех на всю жизнь. Ты меня, сынок, сильно не осуждай, — продолжил мой новый знакомый, — у меня сегодня праздник. Звать меня Яковом. Я работаю на селе агрономом, это, понимаешь ты, нелегкая работа.

Яков отвернулся, разговаривая с кем-то из людей, сидящих за его спиной. Я задремал. Проснулся от толчка в плечо. Это мой попутчик вновь решил продолжить беседу.

— Молодой, слышишь, молодой! Я институт закончил, заочный, — сказал Яков и самодовольно оглянулся вокруг, чтобы и все оценили по достоинству его речь. — Теперь я агроном дипломированный, понимаешь!

Пахнет от него водочным перегаром, он сильно навеселе, из его глаз сыплются искры удовольствия и глубокого удовлетворения собой и окружающими.

— Не куришь?

Я мотнул головой.

— А я пойду покурю!

Яков исчезает в тамбуре. Проехали половину пути на Москву, когда новоиспеченный агроном ушел покурить, да так и не вернулся. Уже на вокзале, в Москве, я сидел в пустом вагоне и смотрел на чемодан и куртку, оставленные Яковом.

— Уважаемые пассажиры, просьба освободить вагон, поезд прибыл на станцию назначения и дальше отправится в депо, — слышу я объявление.

И тогда я взял куртку Якова. Она была довольно тяжелая, что-то посыпалось на пол, это были деньги. Столько денег я прежде никогда не видел.

— Где у вас здесь находки сдают? — спросил я у вокзального милиционера.

— В столе находок. Потерял что-то?

— Нашел, — ответил я

Довольные сотрудники бюро находок с нескрываемой радостью принимали у меня деньги.

— Триста рублей! — сказала тетенька.

— Так! А теперь давай вещи в чемодане описывать, — сказал длинный дяденька в очках.

Зазвонил телефон.

— Вот и хозяин нашелся! — крикнул очкастый. Кажется, в его голосе была досада.

Просидев часа полтора в этом бюро, я наконец вырвался на свободу из душного вокзала. К вечеру был уже дома и с наслаждением пил чай. Родители слушали мой рассказ, как я съездил в Смоленск и как устроился в институт.

— Остался совсем пустяк. Познакомлюсь с братом моего друга, лысого типа с повязкой на глазу, и дело будет в шляпе, буду в институте, он завтра приедет, — закончил я и посмотрел на отца.

— Эх, сынок, мы думали, что ты поумнел, а ты вляпался в историю. Мы не рассчитываем на такое, прямо скажем, «везение». У тебя отличные знания, и родители не из таких, чтобы связываться с проходимцами. Правда, неизвестно, может, он человек и порядочный. Приедет — встретим. Кстати, ты не спросил его, зачем он к нам едет? Будем начеку.

После разговора с родителями поселилось в моей душе сомнение: «Что-то не так с этим стариком, синяк под глазом и костюм в чемодане за восемьдесят рублей явно не бостоновский!»

Утром родители готовились к встрече гостя. И лысый пришел!

— Вот он! Я говорил! Не обманул!

Душа пела, а в голове — сомнения. Старик между тем покорял моего отца и маму, сыпал комплименты, и я видел, что он готов продемонстрировать костюм. Отец прервал его: «Пойдем завтракать», — мягко сказал он, и я знал — мой приятель не откажется.

Отец готовил удивительные сырники со сметаной, только за один аромат этих сырников лысый должен оставить костюм и отдать мне два рубля!

Ел он так, как в ресторане, резал сырники ножом, а кусочки макал в густую сметану, потом медленно подносил ко рту. Он клал сырник в рот, и на его лице светились радость и счастье. Чай лысый пить не стал, как-то быстро засобирался, заспешил и очень элегантно покинул наш дом.

Я смотрел, как он бежал, помахивая чемоданом, по улице. Отец

произнес вслух: «Вор он! Рецидивист, наверное, вещи у него ворованные, и нет у него никакого брата-профессора».

Отцу не жалко было сырников, ему было жалко старика, опустившегося на дно жизни...

С тех пор прошло двадцать пять лет. Недавно я ездил в Москву за покупками, но ничего не купил и с крупной суммой денег на обратном пути заехал перекусить в «Макдоналдс», где и оставил сумку с деньгами. Приехал домой, в свой город, сумки нет, вероятно, после еды расслабился и оставил сумку с тридцатью тысячами в «Макдоналдсе».

Позвонил туда, ответили, что есть такая сумка, можете приехать и забрать. Я, естественно, приехал, поторапливая электричку от нетерпения, представился. Ко мне подошла худенькая девочка и сказала: «Я начальник смены, сколько денег было у вас в сумке?» Я от-

ветил, что тридцать тысяч рублей. Она протянула мне сумку, повернулась и ушла.

— Подождите, подождите, я вас должен отблагодарить, — сказал я.

— Ничего нам не надо, это наш долг — возвращать посетителям оставленные вещи в целостности и сохранности.

— Спасибо, спасибо большое и успехов вам, — сказал я начальнику смены.

Я оставил им пять тысяч рублей и огромный торт, а 2-й Московский медицинский я окончил давно, но 1977 год помню до сих пор.

Смоленск, красивый парк, отдыхающие. Старикан лысый с повязкой на правом глазу. Яков, оставивший чемодан в электричке на Москву. Сырники, которые, макая в сметану, уплетал мой лысый друг с повязкой на глазу, сожалея о том, что бостонский костюмчик он до сих пор так и не продал.

г. Калуга

Йосси ВЕРДИ

Любой человек, занимающийся художественным творчеством, — это наивысшее проявление человеческого духа. Это говорит о том, что в момент, когда он творит, когда он является творцом, в нем просыпается Бог. И когда мне пишется, когда дни мои наполнены творчеством — я самый счастливый на всей планете. Главное, что ты успел сделать, что ты верен своему призванию, что ты творец и через тебя говорит сам Бог.

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА ВОЙНЫ

Тетя Анна была уже старенькой. По ее внешности видно было, что ей недолго осталось жить. Уже не было и следа ее былой красоты и привлекательной внешности.

Чтобы как-то коротать свое время, она занималась продажей семечек. Вот и сегодня она по обыкновению взяла мешочек с семечками, прижала его к груди и вышла на улицу.

Опираясь на палку, стала медленно подниматься по ступенькам парка недалеко от ее дома.

Проклятая война, перевернувшая жизнь многих людей, не миновала и тетю Анну: ее сын погиб на фронте. Это огромное горе и по сей день чувствовалось на ее когда-то очень привлекательном, красивом лице, преждевременно покрытом

морщинами. Эту непреходящую печаль можно было видеть в ее вечно грустных глазах.

Тетя Анна медленно и задумчиво поднималась по ступенькам парка. Была осень. Делая каждый новый шаг, она невольно обращала внимание на то, как падают пожелтевшие листья деревьев, посаженных вдоль лестницы, ведущей в парк. Лестница

почти вся была покрыта пожелтевшими листьями.

Вдруг она увидела молодую веселую пару, спускающуюся по ступенькам вниз. Они, громко смеясь, о чем-то говорили. Когда молодая пара подошла к ней, тетя Анна с восхищенной улыбкой посмотрела на них и невольно вспомнила свадьбу своего сына. Он и его возлюбленная были точно такими, как это молодая пара, дружными и веселыми.

Не успела тетя Анна оторваться от этих приятных воспоминаний, как вдруг в глазах ее потемнело: она вспомнила тот роковой день, когда получила ужасную весть о героической гибели сына в боях за родину. Под впечатлением этих грустных воспоминаний невольно стали течь слезы по ее морщинистым щекам. Эти слезы текли из самых глубин ее души. Ей стало плохо, руки не слушались ее и стали трястись.

Вдруг раздался гром. Засверкала молния. Этот звук был похож на

выстрел. Она, не в силах устоять на ногах, потеряла сознание и упала на ступеньки.

Мешочек с семечками упал на землю, семечки рассыпались по ступенькам. Потихоньку начал моросить дождь. На какое-то мгновение мне показалось, что тетя Анна жива, и на том месте, где рассыпались семечки, расцвели подсолнухи. И одна молодая красивая девочка проходила между подсолнухами и, улыбаясь, помахивала рукой.

Азербайджан

Руслан ЖИГАЛОВ, 13 лет

Зовут меня Руслан Жигалов, мне 13 лет, живу в Ярославле, учусь в седьмом классе школы с математическим уклоном. Наша школа носит имя философа, экономиста и социолога Карла Маркса. Обучаюсь игре на гитаре и фортепиано в музыкальной школе имени Леонида Собинова. Люблю слушать классическую и современную музыку, подбираю некоторые любимые произведения на гитаре. Занимаюсь в секции плавания, в школе играю в волейбол.

Писать рассказы начал во втором классе по мотивам произведений различных авторов. Люблю наблюдать за природой и общением людей, слушаю диалоги и монологи, пытаюсь подыскать тему для новых рассказов. Летом мы часто ездим на природу с палатками. Много читаю фантастики и некоторую классическую литературу. Очень хочется побывать в Италии и написать о моих путешествиях по этой стране. Мне нравится эпоха Возрождения, и поэтому хотелось бы подробнее изучить этот период в самой Италии.

В будущем хочу написать книгу и поступить в МГИМО.

КОГДА Я БЫЛ МАЛЕНЬКИМ...

(Волчек. История из детства)

Когда я был маленьким, мне тогда было семь лет, я ездил к бабушке в поселок. Он находился в нескольких километрах от города и был маленьким и уютным. Рядом протекал ручеек, он весело журчал, и по весне всегда готовился к тому, что местные ребята скоро

пустят в его воды несколько маленьких корабликов, сделанных из коры сосны. И, соревнуясь в скорости и устойчивости, сосновые кораблики будут прыгать по волнам до тех пор, пока не упадут с небольшого водопада в речку, и поплывут дальше к озеру, а может, и в море.

Лес, который находится буквально в двух шагах от ручейка, жил своей жизнью и никогда не засыпал, даже зимой. Небольшой шалаш, который мы построили на дереве, ночью постоянно подвергался осадам лесовиков (это маленький лесной народец). Днем его совсем не видно, а вот ночью

(если хорошо присмотреться и прислушаться) он выбирается из тени деревьев и наводит в лесу свои порядки или беспорядки, как у нас в шалаше. В таком чудесном месте и жила моя бабушка. Здесь случались необыкновенные истории: иногда веселые, иногда загадочные, иногда пугающие, а впрочем, вы сейчас сами узнаете, какие они. Вечером, сидя за чашкой чая, бабушка рассказала мне одну, вот послушайте...

Однажды в нашем поселке произошло очень интересное происшествие, немного страшное, но поучительное. Ничто не нарушало мерное и спокойное течение его жизни, но вот с начала сентября, после отъезда семьи Таракановых из их старого дома, стали происходить странные и пугающие вещи. Этот дом достался им от старого дедушки. Дедушку Костю отвезли в больницу полгода назад в город, и с тех пор он больше не приезжал. Бабушка сказала, что его душа ушла в очень хороший и далекий мир, который называется Эдем. А похоронили его на кладбище за поселком, около церкви. Мы очень боялись ночью ходить рядом с этим кладбищем, потому что там жили лешие и кикиморы, которые по ночам воровали овес и рожь. Я даже помню, как ночью мужчины из поселка выходили в поля, чтобы их спугнуть, но лешие для разведки выпускали сначала диких кабанов, лосей и оленей, их-то и гоняли, чтобы они не съедали урожай, но это совсем другая история. Извините, я отвлекся...

Как раз около заброшенного дома деда Кости вечером невозможно было пройти. Люди говорили, что, проходя мимо дома и двух мусорных контейнеров, которые стояли за углом, они видели в темноте красные глаза и слышали громкое, страшное рычание. Во мраке ночи звучал протяжный вой. После этой пугающей ночи даже пострадал один человек. Существо из старого дома деда Кости пугало ничего не подозревающих прохожих. На следующий день эти люди рассказывали неправдопо-

добно страшные истории про чертей и огромного зверя с тлеющими глазами и клыками острыми, как ножи. Утром эта новость разошлась по поселку как ветер, оставив в сердцах и умах мирных жителей поселка необъяснимый страх.

Раннее утро было пасмурным. В такие дождливые дни на улицах редко встретишь опаздывающего на работу прохожего или спешащего по особо важным вопросам курьера. В шесть часов утра в комнате пожилого капитана полиции Василия Ивановича Строгова зазвонил телефон. У него на самом деле было очень строгое лицо, поэтому и фамилию ему дали именно такую. Капитан с трудом открыл глаза, что-то тихо пробурчал себе в усы, нащупал в сумраке на прикроватном столике телефонную трубку, хрипло и недовольно гаркнул в телефон:

— Алло! Слушаю... Что? Где это случилось и во сколько?

Капитан долго слушал объяснения с того конца телефона. Потом, видимо, уже проснувшись окончательно, громко и четко отдал распоряжения о том, чтобы оцепить место происшествия и никого туда до его приезда не пускать. Он быстро собрался и, не позавтракав, выскочил из дома. Во дворе его уже ждала полицейская машина. Задремавший было за рулем водитель только успел себе придать серьезный вид и рванул с места в дежурный участок полиции. Там в кабинете сидел один из пострадавших этой ночью, или, вернее, одна. Это была молодая, красивая и очень напуганная девушка. Рукав пальто порван, а в глазах читались страх и паника. Капитан Строгов зашел в кабинет и сделал добродушное лицо, хотя это было трудно с его-то строгим выражением.

— Итак, гражданка?.. — Он сделал небольшую паузу, хотя знал почти всех в поселке.

— Любовь Михайловна Красавкина. — У девушки был слабый и испуганный голосок.

— Итак, Любовь Михайловна, расскажите-ка мне, пожалуйста, что произошло, и опишите напавшее на вас существо. Только спокойно, не волнуясь, здесь вам ничто не угрожает. И вспомните каждую мелочь, это очень важно для нашего расследования.

В дверь кабинета просунулась взъерошенная голова дежурного сержанта. Он вопросительно посмотрел на Василия Ивановича, как будто прося разрешения, и протянул сложенный листок.

— Это заключение криминалистов, каким образом было порвано пальто гражданки Красавкиной, только что прислали из лаборатории.

— Спасибо, Сергей. Ты свободен. — Капитан забрал листок и углубился в чтение документа. — Рассказывайте, Любовь Михайловна...

— Так вот я и говорю... Шла я, значит, сегодня утром на работу часа в четыре утра. — Глаза пострадавшей вновь наполнились слезами, и в них загорелась искорка страха. Она всхлипнула, но собралась и продолжила: — У нас очень рано открывается прачечная, и надо успеть рассортировать все белье. Так вот... Проходила я мимо старого дома деда Кости, ведь Таракановы, которым достался он в наследство, спешно уехали на прошлой неделе, даже не продав дом и ни с кем не попрощавшись. Дом был такой пустой, одинокий, что как-то жутковато было... — Голос Любы опять задрожал.

— Давайте спокойно, Любочка, важно знать, что произошло, — подбодрил капитан добродушным голосом и опять углубился в чтение документа.

— Так я и говорю... Шла я около дома деда Кости, было еще темно, как вдруг за мусорным контейнером я услышала рычание и жуткий вой, из-за бака выскочило что-то странное, косматое, огромное, с горящими красным огнем глазами, клыками, как два столовых ножа, и пышущим из пасти зеленым пламенем. Это был ужасный

зверь или даже демон из преисподней. — Девушка всхлипнула, утерла глаза платочком. — Я вам правду говорю. — И посмотрела на капитана. Тот ободряюще кивнул и стал слушать дальше. — Так вот я и говорю... Я бросила сумку и хотела бежать в сторону прачечной, но я, наверное, не попала в него, я только на той неделе купила эту сумочку, а там же косметичка, губная помада, телефон, кошелек, блокнот с записками и рецептами, шелковый платок, мне его подарили на именины, потом там было...

— Люба... — Глаза у капитана сделались отчаянно-удивленные. — Вы бы лучше по делу, а с сумочкой мы еще разберемся.

— Ну вот... Этот демон кинулся на меня, разорвал рукав и подол пальто. Я попыталась кричать, но от страха только запищала как мышь. — Руки Любочки затряслись, она хлопнула и снова попыталась платочком промокнуть глаза. В них блеснул ужас произошедшего. — Но я все-таки закричала так громко и истошно, что, наверное, разбудила все ближайшие дома. Это существо остановилось, страшно зарычало и бросилось за мусорные баки к дому деда Кости. Я вскочила на ноги, не знаю, откуда только силы взялись, и побежала куда глаза глядят. Хорошо, меня увидел патрульный милиционер, я так и упала без сознания к нему на руки. — Она опять всхлипнула и жалостливо посмотрела на капитана. — И очнулась я только в больнице, меня осмотрели врачи, а сержант ждал в приемном, я с ним потом познакомилась, его Сергей зовут, вот только фамилию не узнала.

— Узнаете еще. Спасибо, Любовь Михайловна, вы нам очень помогли. Мы расследуем этот случай. И не паникуйте, это никакие не демоны из преисподней. И, скорей всего, я знаю, что происходит.

Вечером того же дня Василий Иванович Строгов велел сержантам натянуть прочную, из тонкой бечев-

ки, рыболовную сеть. Ее поставили около дома деда Кости и мусорного контейнера, разложили рядом куски мяса и обыскали участок вокруг дома, в сам дом было не попасть, потому что он заперт, а через дырки по сараям туда не залезть. Сами сели в машину, припаркованную недалеко от дома, так, чтобы можно было видеть все происходящее около контейнеров, и стали ждать.

Ночью, около полуночи, в доме послышался приглушенный рык, кто-то тихо поскребся, и в лунном холодном свете из мрака появилось мохнатое страшное существо... Это была собака. Очень худая и грязная. Собака породы ньюфаундленд. Она шла, или, вернее, еле тащилась, прихрамывая на заднюю ногу и поджав хвост. Ее свалывшаяся черная шерсть висела клочьями. Это была обыкновенная одичавшая собака, с огромной тоской в карих глазах, которые на самом деле отражались красным цветом, и очень напуганная. Весь ее вид говорил, с каким трудом ей удалось выйти на улицу, скорее всего, чтобы найти пищу.

Капитан Строгов достал винтовку, передернул затвор, прицелился через окуляр ночного видения и спустил курок. Бах! Выстрел прогремел, как гром в тишине. Сержанты вздрогнули, и один пожилой перекрестился. Шприц со снотворным впился в заднюю ногу псины. Она перепугалась, подскочила на месте и бросилась напрямиком в сеть. Запуталась, забила ногами, попыталась укусить воздух, и уснула, подергивая задними лапами. Ее тут же отвезли к ветеринару, который сделал необходимые уколы и прививки. Поэтому и усыпили, чтоб никого от страха не укусила.

На следующее утро все прояснилось. Этот дом принадлежал семье Таракановых, они были нелюдими и необщительные люди, ни с кем не разговаривали и ходили всегда с очень злыми и обиженными лицами. Даже когда приходили в магазин, они просто бросали деньги на стойку, молча показывали на товар и уходили, не

сказав «спасибо». Многие жители их сторонились. Они совсем недавно приехали в этот поселок после смерти деда Кости, чтобы вступить в наследство. И когда они оформили все документы и уехали, соседи вздохнули спокойно и про себя прошептали: «Слава богу». А собака... Это был пес старого деда Кости, его звали Волчек. После смерти хозяина он куда-то пропал, и все подумали, что он просто от горя убежал. А оказалось все очень просто. Таракановы сначала попытались ночью выгнать прутом собаку из дома. Потом увезли пса в лес и бросили его там, но когда Волчек прибежал обратно, грязный и исхудавший, просто заперли бедного пса в подвале, не давали есть и пить. А перед отъездом в сарае его и забыли. Они не собирались брать его с собой, и, скорее всего, увезли бы его еще дальше и выкинули, он был им не нужен, хотя Волчек очень ласковый и добрый пес. Конечно, Волчек надеялся, что его новые хозяева будут так же хорошо к нему относиться, и был готов верно и преданно служить им. Но...

Когда полицейские зашли в сарай, они нашли там перегрызенную веревку. Видимо, Волчек освободился от связывающих его пут и выскочил за куском мяса к мусорным контейнерам. В этот момент и проходила мимо Люба Красавкина, она сама испугалась до смерти и напугала бедного пса, когда бросила в него сумку.

Так закончилась эта история про умного, доброго и бездомного Волчека, которого потом взяли к себе... Как вы думаете, кто? Да, именно Любочка с Сергеем, это тот сержант, который спас ее ночью, они ведь потом поженились. Но это другая интересная и веселая история, тоже с участием Волчека. А Волчек живет у Любы и Сергея и служит им верой и правдой.

Пусть я и не принимал прямого участия в этой истории, мне захотелось рассказать ее вам. После этого я навещал Волчека, приносил ему кусочки мяса и играл с ним.

г. Ярославль

Татьяна КОРМИЛИЦЫНА

Родилась в 1971 году в г. Горьком (ныне Нижний Новгород). По образованию — музыковед, лингвист, преподаватель, переводчик. По роду деятельности — менеджер среднего звена в крупной торговой компании. По натуре — отчаянный оптимист, умеренный энтузиаст, добродушный циник. Первые стихи начала писать еще в пятилетнем возрасте, однако особой активности на поэтическом поприще не проявляла. Нашла себя в иронической поэзии и одностопных в возрасте около двадцати пяти лет. Литературные кумиры — Достоевский, Ахматова, Северянин. Пристально и восхищенно слежу за творчеством Людмилы Улицкой и Дины Рубиной.

НЕ ВЕРЬ

Не верь мне, любимый! Нельзя глупой бабе верить!
Соврать — не соврет, но и правды вовек не скажет.
Да в дом не пускай, а вели подождать за дверью.
Начну свои сказки — и слушать не думай даже!

Возьми с меня клятву, заставь расписаться кровью,
Поставь на колени у самой большой иконы.
И помни — вся эта печаль, что в глазах коровьих,
Правдива не боле, чем слезы, мольбы и стоны.

Что общего баба имеет с отцом и сыном?
А духа святого не сыщется в ней подавно!
Ума — ни на грош, дури с придурью — на полтину.
Так можно ль со мной разговаривать, будто с равной?

Винной считаешь — кори и ругай, как хочешь.
Прибей для острастки, и в подпол — на хлеб и воду.
Нет веры — не надо... Любви бы твоей глоточек,
Да кроху надежды — взамен надоевшей «свободы».

г. Нижний Новгород

Алена КСЕНОФОНТОВА

Студентка четвертого курса СГУ ННФ, специальность «гостиничный и туристический бизнес». До университета училась в музыкальном колледже им. Балакирева по классу скрипки, обучение в ней планирую продолжить после окончания СГУ. Фотограф, занимаюсь художественной съемкой и графическим дизайном. Состою в нескольких литературных объединениях (объединение радикального творчества «ORT», культурная коалиция «Коллапс», «Русский литературный клуб»). Публиковалась в нескольких номерах нижегородских альманахов «Земляки» и «Русский смех», в сборнике «Литкульт» и на нескольких литературных сайтах. Вместе с товарищами по перу занимаюсь организацией творческих литературно-музыкальных вечеров, общественных мероприятий в поддержку оппозиции. Играю в некоторых группах, таких как фолк-рок-группа «Лунарь».

* * *

Мерным стоном звенит чугунок
Колокольный: «Ре-до-ре-си-ля».
В церкви нынче целый табун,
Отпевают девку — Россию.
Ей всего девятнадцать лет,
Но болезнь изнутри ее выела,
И последний предсмертный бред
Не смогла пережить, не осилила.
На щеках белоснежных застыл
Красным маком румянец юности,
Только тела пожар остыл
И лицо молодое осунулось.
Да в глазах голубых — пустота,
Как туман этим утром заснеженным.
Угасающая красота
Человеческой безмятежности.
В черных платьях бабы ревут:
«На кого ты нас, милая, бросила?!»

И проститься с ней не дают,
Все целуют да глядят косы ей.
Кабы фельдшер нашелся в селе
Тот, что чинит души невинные,
Но врачи тем, кто посмелей,
Робы шьют с рукавами длинными.
Так помолимся Богу Всевышнему,
Чтоб душа ее с миром в раю
Пребывала с другими обиженными,
Херувимы им песни поют.
Гроб глухой отзывается деревом
Каждой горсти сырой земли.
Что ж вы, ироды, с девкой сделали?
Как пред смертью склониться смогли?
Вслед за ней мы схороним тысячи
Матерей, детей и отцов.
И замолкнет чугунок на выселках —
Не хватило у мертвых слов.

г. Нижний Новгород

Валерий ИЛЬИЧЕВ

Продолжение. Начало в № 3 за 2012 г.

АГЕНТУРНЫЙ РОМАН

Послесловие к первой главе

Через несколько дней, 23 февраля 1911 года, Николай II начертал на докладе: «Никаких неправильностей в действиях властей административных, судебных и полицейских я не усматриваю. Дело это считаю законченным». Петр Аркадьевич Столыпин был вполне доволен. До его убийства в Киеве полицейским агентом Богровым оставалось менее шести месяцев.

Глава II. Перевертыш

Лось проснулся от шума и, приподнявшись на нарах, сразу оценил обстановку: в углу камеры уголовники окружили небольшую группу политических заключенных. Среди политических лишь двое крепких парней с рабочих окраин могли оказать в драке серьезное сопротивление. А остальные их товарищи были из интеллигенции и явно уступали в силе уголовникам. Исход назревающей схватки был очевиден. Уголовников возглавлял известный конокрад Рябой. Пока он был настроен довольно миролюбиво:

— Слушайте, я о вас мараться не хочу. Дело-то рядовое. Я выиграл в картишки приличный костюмчик вашего новенького студентика. Пусть снимает лепеху, и вся недолга. Мы же не задаром. Взамен дадим клифтик попроще, и ему не придется в кальсонах щеголять. Все по справедливости. А не то покалечим вас по-легкому, чтобы в карцер-кондей не загреметь. Все равно с привычным шмотьем студенту придется на этапе расстаться. Так что не артачьтесь понапрасну.

Рабочие парни протиснулись вперед с согнутыми в локтях руками. Им, выросшим в бараках, где пьяные драки происходили ежедневно, получать по

скулам и терпеть физическую боль было не впервой. Но на серьезную поддержку их хлипких товарищей им рассчитывать не приходилось.

Быстро оценив обстановку, Лось, спружинив своим мускулистым телом, соскочил с нар:

— Эй, Рябой, чего спать не даешь?! Шум в камере затеял? По-тихому не можешь свои дела решить?

— Да вот, Лось, политическое дерьмо вздумало свои права качать!

— А из-за чего весь сыр-бор? Всего лишь из-за этого френча с плеча тщедушного молодого человека? Давай, сыграни на лепеху со мной. Поставлю против немного рыжья.

Лось ловко вытянул из-за ворота небольшой обрывок золотой цепочки. Подумав, оторвал одно из четырех имеющихся у него звеньев:

— Вот этого за клифт вполне хватит. Пойдет?

— Рыжье-то не самоварное?

— Попрдержжи язык, Рябой, а то рассерчаю и вырву с корнем. Тут не на базаре: не обманут и не обвезят.

Рябой на мгновение задумался: «За учинение драки в камере могут посадить в кондей, а если мои кореша кого-нибудь из этих хлюпиков ненароком покалечат, то новый срок наматают. Зато при удачном раскладе, если подфартит в картишки, золотишком обогашусь. На этапе конвойный вертухай за эту безделушку водкой и куревом обеспечит. К тому же Лось — известный сиделец и отказать ему в пастырке карт не по понятиям». И Рябой решил:

— Ладно, давай смечем банк. Только колотушки — от третьих лиц, и метать будет посторонний.

— Согласен, тасовать, колоду поднимать и стирки сдавать студентика попросим. Иди-ка сюда, мала-

хольный. Да не бойсь. Никто тебя не тронет. Испытай судьбу.

После некоторого раздумья новичок в сопровождении настороженно державшихся рабочих пошел к уголовникам. Лось взял услужливо протянутую истрепанную карточную колоду и протянул студенту:

— Потасуй тщательно. А теперь сам подними. Кому первому набирать, Рябой?

— Давай ты, а я уж довольствуюсь тем, что остается.

— Остатки сладки! Твое решение. Ну-ка дай, болезный, стирку на счастье.

Взяв выданную карту, Лось не торопясь, словно священнодействуя, постепенно сдвигая ладонь, взглянул на свою удачу: «Девятка бубей, хоть хреном бей. Для начала неплохо». И бодро кивнул студенту:

— Давай еще, не скупись!

Увидев вторую карту, Лось с трудом скрыл разочарование: «Черт принес шестерку. Мало, но рисковать дальше не буду. Рябой — мужик жадноватый, к тому же глуповат и бесхитростен. Его легко взять на фу-фу. Попытка не пытка!»

И Лось, сделав вид, что доволен прикупом, уверенно кивнул сопернику:

— Теперь тебе набирать. Я останавливаюсь.

И Рябой дрогнул. Взяв поспешно одну за другой две карты, заколебался: «К восьмерке приплыла семерка. Судя по довольной роже Лося, у него не менее восемнадцати. Надо тянуть еще. Меня выручит любая картинка». И Рябой потребовал:

— Давай еще одну — в открытую.

Взглянув на вывернувшуюся так некстати подряд вторую семерку, небрежно отбросил карты в сторону:

— У меня перебор!

Лось удовлетворенно хмыкнул и нараспев произнес известную дразнилку:

— «Не очко меня сгубило, а к одиннадцати туз». Ну а мои колотушки можешь не смотреть: с двух карт перебора не бывает. Сам знаешь. Не журись, Рябой. В другой раз фарт словишь.

— Мне-то что? Теперь костюмчик со студентова плечика — твои заботы.

И Рябой, стараясь сохранить достоинство, отпавился восвояси, насвистывая лихой мотивчик.

Лось небрежно кивнул новичку:

— Носи пока, болезный, принадлежащий мне с этого момента френчик. Я не претендую на немедленную отдачу: размерчик не мой. Но когда понадобится, отдашь по первому требованию.

И равнодушно отвернувшись, Лось вернулся на свои нары. Его приятель по кличке Молот разочарованно вздохнул:

— Скучновато разошлись: без драки. Умыл ты Рябого. Только не пойму, зачем тебе вступаться за этих — политических? Они в Бога не веруют и царя — не жалуют. Среди них и православных русских совсем мало. В основном инородцы.

— Эх, Молот, на дворе 1916 год. Войне конца и края не видно. Крестьяне бунтуют, рабочие бастуют. Полиция не успевает недовольных в кутузку сажать. А вдруг по воле этих революционеров все свершится? Возьмут они власть и тогда вспомнят, как я за них заступничаю.

— Ты что, Лось, с ума съехал? У царя-батюшки войска, полиция, чиновники, а эта кучка горлопанов лишь листовки раздает да бомбы кидает.

— Да по мне пусть хоть перебьют друг друга. Но чтобы не проиграть ставки, надо делать на обе стороны. Тогда не прогадаешь. Да и сам паренек еще может пригодиться для дела. К тому же, как ни крути, а костюмчик на нем теперь мой. В случае чего сам френчик на кон поставлю. У меня не заржавеет. А мое добро пусть малахольный помнит.

Лось вновь завалился на нары и, отвернувшись к стене, захрапел.

А спасенный им от раздевания студент Титов сидел в углу среди политических и раздумывал о прервратностях судьбы: «Этот здоровенный амбал Лось пришел ко мне на помощь и спас от расправы. Мой костюм ему явно ни к чему. И, судя по грозной роже, о доброте он даже и не помышляет. Так зачем же он вмешался? А что, если Лось, как и я, — агент полиции и защищает меня по ее заданию? Ну нет, такого быть не может. Лось явный уголовник и к политике не имеет отношения. Уж не рассчитывает ли он, что революционеры возьмут верх и тогда вспомнят его заслуги? Если так, то он наивный дурачок».

В отличие от уголовного Лося, студент юридического факультета Сергей Титов, давно и успешно работающий на полицию под псевдонимом Схимник, в победу революции не верил. Три года назад, едва поступив в университет, он примкнул к революционерам. Тогда это было модно — дух неповиновения скомпрометировавшей себя власти витал в воздухе. Романтично настроенный Сергей не хотел довольствоваться расклейкой прокламаций. Но его на первых порах не допускали к более серьезным делам. Титова настораживала сдержанность руководителей организации и нежелание связываться в громкие дела, способные вызвать ответные репрессивные меры со стороны полиции. Однажды Титова вызвали для беседы в охранку. И полицейский чин продемонстрировал полную осведомленность о делах их подпольной организации. Заметив удивление молодого человека, полицейский довольно рассмехался:

— Как видите, мы полностью в курсе всех ваших дел. Среди тех, с кем вы постоянно встречаетесь и кто громче других кричит о необходимости ниспровержения власти, много наших тайных осведомителей. Кстати, не хотите к ним присоединиться? Да не вскидывайтесь в яростном негодовании! Не хотите — и не надо. Но если пожелаете помочь государству в борьбе со смутьянами, прошу к нашему шалашу. Я вас больше не задерживаю. Только подумайте о последствиях. Лучше у нас получать заслуженные вознаграждения, чем хлебать отвратительную баланду в тюремной камере.

В тот раз Титов поостерегся докладывать товарищам о сделанном ему предложении стать тайным осведомителем: «Зачем возбуждать ненужные подозрения?»

Только после той беседы стал внимательно присматриваться к сотоварищам. Теперь все у него вызывало подозрения. Малейший двусмысленный поступок или высказывание возбуждали у него сомнение в верности друзей делу революции. К тому же его сильно разочаровывали бесконечные и, в сущности, бесполезные рассуждения о равенстве и братстве. Титову иногда начинало казаться, что для его товарищей главным лозунгом является оппортунистическое изречение «Движение — это все, конечная цель — ничто».

«Да, мои соратники, похоже, совсем не хотят революции. Одни ждут победы над Германией, другие все надежды связывают с созывом новой Государственной Думы. А в это время рабочие и крестьяне погибают от тяжелого труда и гибнут на фронте. А этим, похоже, наплевать».

Окончательно переполнил терпение Титова случай, когда он однажды увидел выходящего в обнимку с танцовщицами из дорогого ресторана основательно пьяного руководителя их организации Тимофеева, скрывавшегося от полиции под революционным псевдонимом Купец. Когда пролетка укатила прочь, увозя развеселого Тимофеева, на словах рьяно пекущегося о благе народа, Титов ощутил злобу и ненависть: «Мы организуем сбор средств для пропагандистской работы. Студенты и рабочие по копейке от себя отрывают, а этот барин жуирует на оторванные от бедных семей деньги: тратит их в кабаках на развеселых девиц. Других доходов у этого профессионального революционера нет и быть не может. Да еще не исключено, что он от охраны за предательство тридцать сребреников получает на разудалую жизнь. Сволочь!»

С этого дня Сергей Титов все чаще вспоминал сделанное ротмистром предложение о негласном сотрудничестве. И все сильнее и чаще к нему приходила мысль о возможном переходе на другую сторону

баррикад: «Я молод, впереди окончание университета, безбедная жизнь преуспевающего присяжного поверенного. А здесь вокруг предательство, зависть, склоки, интриги, бахвальство мнимыми заслугами перед народом. А на деле до простого люда им и дела нет: лишь бы урвать побольше денег из партийной кассы. Так почему же я должен жертвовать своей карьерой, а может быть, и жизнью по воле людей, использующих массовое недовольство режимом в своих личных целях? К тому же беднякам можно помогать, бескорыстно выступая в их защиту на судебных процессах».

И наступил день, когда Титов, предварительно с осторожностью покружив по городу, направился в охранное отделение. Уже знакомый ротмистр встретил его радушно:

— Я ведь был уверен в вашем приходе к нам. С первой встречи я убедился в вашем остром уме и способности правильно оценить истинное положение вещей. Мы очень высоко ценим, когда образованные люди добровольно, без принуждения, желают оказать нам помощь в борьбе с внутренними врагами, гораздо более страшными, чем вооруженная до зубов Германия вместе с союзниками. Такое сотрудничество дорогого стоит и, поверьте, высоко нами ценится.

— Я не собираюсь брать у вас деньги. Просто я ненавижу всех этих подлецов, говорящих высокопарные слова о справедливости, а на деле заботящихся лишь о своем благополучии. Они легко посылают с бомбами в руках на смерть рядовых партийцев. А сами просаживают не принадлежащие им деньги в кабаках. При первой опасности сбегают за границу и там тоже живут на широкую ногу на партийные деньги.

— Я рад вашему пониманию истинных обстоятельств, одобряю и уважаю принятое решение бороться с безрассудными врагами Отечества. Только деньги от нас все же придется брать. Нет, нет! Не как вознаграждение. Упаси бог, если вы так остро воспринимаете наше предложение. Мы вам будем давать средства лишь для выполнения служебных заданий, например для поездки за границу либо посещения дорогого ресторана в целях завязывания контактов с интересующими нас людьми. Вы теперь наш сотрудник. Такой же, как и я, только без погон. Мы — офицеры, имеем право тратить выделенные по особой статье средства для осуществления служебных функций. И вы тоже будете иметь такую возможность. Вижу, вы поняли разницу между вознаграждением за информацию и деньгами, выданными для выполнения ответственных государственных поручений. Вот только предоставляемые вами сведения будете, естественно, заверять в целях кон-

спирации вымышленной подписью. Это в ваших же интересах. Допустим, мы вас будем называть между собой Схимник.

— Да, но в нашей подпольной группе есть бывший семинарист.

— Вот и хорошо. Если ваши сотоварищи заподозрят кого-нибудь в измене, то выведав, что их выдает какой-то Схимник, подумают не на вашу скромную персону, а на этого недоучившегося семинариста. Что скажете?

«Но ведь это подло — науськивать товарищей на ни в чем не повинного человека».

Чутко уловив колебания молодого человека, ротмистр пояснил:

— Зря вы волнуетесь за его судьбу: невинному в предательстве человеку будет легко оправдаться. Зато вы останетесь вне подозрений.

И Титов позволил себя уговорить.

— Давайте сразу и опробуем вашу новую подпись. Вот лист бумаги, изложите известную вам информацию о противогосударственной деятельности злонамеренных лиц и подпишитесь «Схимник». Пусть гадают ниспровергатели самодержавия, кто представляет нам сведения об их злонамеренных действиях.

Когда Титов закончил писать донесение, ротмистр, внимательно изучив содержание, похвалил:

— Вы молодец. Дали нам важные ниточки, дергая за которые мы распутаем весь чертов узел преступных замыслов. И, кстати, сможем уберечь от каторги многих молодых людей.

Пожав руку новому тайному сотруднику, ротмистр дал понять, что полиция ему благодарна за важные сведения. Но когда Титов ушел, офицер с досадой поморщился: «Этот Схимник пока сказал лишь малую часть того, что знает. Из других источников нам известна его роль в подпольных делах. Хотя сообщенные им сведения о местонахождении некоего Потапа, сбежавшего из ссылки, действительно важные. Теперь установим за нелегальной явкой внешнее наблюдение, попасем несколько дней, выявим связи и намерения, а потом арестуем. Скорее всего, у Титова свои счета с этим неуловимым Потапом. Хотя, возможно, они лично не знакомы, и потому Схимнику легко было сдать безразличного для него человека. Как бы то ни было, а первые существенные данные, позволяющие арестовать опасного человека, получены. Похоже, разочаровавшийся в идеалах революции Титов станет весьма ценным сотрудником. Лиха беда начало!»

Ротмистр не ошибся. Важная для полицейского дела информация шла от Схимника непрерывно. Оберегая безопасность тайного сотрудника, охранка проводила аресты по его сообщениям лишь в

крайних случаях для предотвращения тяжелых преступлений. И усилия полиции давали результат: на Титова не падало ни малейшего подозрения. Правда, через несколько месяцев после начала тайного сотрудничества Титова с охранкой тело неудавшегося семинариста из их группы нашли висющим в петле в номере маленькой гостиницы. Ротмистру удалось успокоить совесть Титова, убедив его, что несостоявшегося монаха казнили не заговорщики за измену, а он сам покончил с собой из-за несчастной любви. Титов предпочел верить этой нелепой версии и продолжил свое секретное сотрудничество.

Но наступил момент, когда у товарищей Титова возникли подозрения о его двойной жизни, и полиция вынуждена была его арестовать вместе с другими членами подпольного кружка. Это спасло Титова и сразу прекратило все домыслы товарищей. Полиция полагала после многомесячного следствия освободить Титова из-за отсутствия весомых доказательств вместе с еще тремя второстепенными членами подпольного кружка. Это должно было окончательно снять все подозрения с Титова. Но история распорядилась иначе: в феврале 1917 года произошла революция, и содержащиеся в тюрьме политические заключенные были освобождены. Но, в отличие от своих товарищей, Титов отправился не домой: он поспешил к зданию охранки.

Здесь уже кипели страсти. Разъяренная толпа долбила куском рельса дверь и бросала в здание вывороченные из мостовой булыжники, наслаждаясь звоном разбитых стекол. Титов увидел в толпе Тимофеева, ранее замеченного им в кутежах с танцовщицами из кордебалета. Тот заводил толпу, размахивая неистово руками и призывая к священной мести ненавистным сатрапам. Вокруг пламенного революционера сгруппировалась толпа, жаждущая насилия и разгрома. У Титова вновь вспыхнули подозрения: «Этот Тимофеев по кличке Купец действительно так ненавидит власть или стремится, как и я, уничтожить изобличающие его секретные полицейские документы?»

Но в этот момент дверь наконец рухнула, и в проем, расталкивая друг друга, ринулись народные мстители. Титов не раздумывая бросился вслед за всеми. Вбежав на второй этаж, он ворвался в кабинет теперь люто ненавидимого им ротмистра, втянувшего его в тайное сотрудничество. Здесь до него уже побывали: из кабинета успели вынести все ценное. Отсутствовали массивные напольные часы, исчезли серебряные подстаканники, украшенный дорогими камнями портсигар, всегда лежавший на столе для посетителей. На полу валялась отброшенная за ненадобностью документация. В углу лежала стопка служебных папок. Титов повезло: пятым по

счету он обнаружил свое собственное досье секретного сотрудника. Поспешно засунув драгоценную папку под пальто, Титов поспешил к выходу. С трудом прорвавшись сквозь толпу все прибывающих для грабежа и разгрома людей, Титов выбрался на улицу и поспешил домой.

По дороге ему все время казалось, что его преследуют переодетые сыщики или жаждущие отмщения преданные им революционеры. Едва войдя в комнату, он запер дверь и раскрыл свое досье. Мельком просмотрев первые листы со своими данными, внимательно начал читать полученные от него за полтора года сведения. Удивленно покрутив головой, присвистнул: «Вот это да! Ротмистр от моего имени писал любую ставшую ему известной информацию о малейшем инакомыслии, о некоторых людях, проходящих якобы по моим сообщениям. Я вообще о них никогда не слышал и в глаза не видел. Ротмистру бы романы писать. Это он, молодчик, стремясь к дутым показателям своей агентурной осведомленности, напропалую составлял фиктивные сообщения. Небось вознаграждения ежемесячно получал за свою полицейскую ловкость. Вот мерзавец!»

Титов посмотрел на разгоревшийся в печке огонь. Затем начал вырывать по несколько листков из своего секретного дела, комкать их и бросать в пламя. С наслаждением наблюдал, как безжалостный костерок уничтожает свидетельства его беславногo предательства. Закончив сожжение, с тревогой подумал: «Только бы ротмистру удалось скрыться за границу. Не то поймают, и он, спасая свою шкуру, сразу меня выдаст».

Но Титов зря беспокоился. На следующий день он узнал, что переодетого ротмистра опознали и казнили, протащив за привязанную к ногам веревку по булыжной мостовой. И Титов вздохнул с облегчением: он был свободен от своего темного прошлого и мог свободно мечтать о наступающем для угнетенных светлом будущем, наполненном свежим воздухом свободы, равенства и братства. Но теперь только надо было позаботиться, чтобы новые власти по достоинству оценили его прежние революционные заслуги и допустили к сладким кускам неожиданно завоеванного пирога всеобщего счастья. И его не забыли, предложив работу в ЧК. Новая должность вполне удовлетворяла его самолюбие, опьяняя безнаказанностью своевластия. Да и материально он чувствовал себя вполне защищенным.

Прошло пять лет. События, стремительно сменяющие друг друга, постепенно начали вытеснять на задворки сознания воспоминания о его прошлой дореволюционной жизни. Ему порой даже начинало казаться, что позорное сотрудничество с охранкой было частью не его собственной жизни, а другого совершенно незнакомого человека. Теперь уважаемый сотрудник всемогущего ведомства, наводящего ужас на обывателей, имел все основания полагать, что тайна его беславногo предательства навсегда ушла в прошлое.

Так было до дождливого вечера 1923 года. Готовясь к очередной облаве, Титов совсем не ожидал, что в закинутые чекистами сети попадет человек, способный погубить его с таким трудом достигнутое благополучие.

Продолжение следует.

СЛОВЕЧКИ-КАЛЕЧКИ, или КОЕ-ЧТО ПРО ОПЕЧАТКИ...

Классики озорничают

На станции сцепщики проверяют колеса поездов.

По путям проходят дорожные мастера, проверяя рельсы.

Путь книги проверяют корректоры. Труд их незаменим.

Корректор — это высокая специальность, для которой нужен особый склад ума, острый глаз. <...>

В жизни книги наступает момент, когда корректор непосредственно соприкасается с текстом и отвечает за него так, как отвечает штурман за ход корабля. Человек, который перекладывает на карту данные, сообщенные штурманом, — и рулевой, и механик.

Виктор Шкловский. Ода корректору

Опечатки бывают даже полезны тем, что веселят читателя.

Карел Чапек

В... газетах только опечатки правдивы.

Сергей Довлатов

Корректор я такой, что не подточишь пятки,
Но даже у меня отыщут опечатки!

Николай Некрасов

Кто что ни говори, без верной корректуры
Нет настоящих книг и нет литературы!..

Николай Некрасов

Поэт может вынести все, кроме опечатки.

Оскар Уайльд

Решено было не допустить ни одной ошибки. Держали двадцать корректур, и все равно на титульном листе было напечатано: «Британская энциклопедия».

Илья Ильф

Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.

Александр Пушкин

Не все ли, русским языком
Владея слабо и с трудом,
Его так мило искажали?..

Александр Пушкин

Хромоногий стиль

Далеко не все студенты были одинаковых возрастов. Среди них сразу можно заметить «птенцов» первого курса — их лица казались такими моложавыми.

И это было не мимолетное увлечение, а глубокое чувство подобно корню многовекового дуба.

Рядом с ней примостилась невзрачная девушка лет двадцати, рыжая, прыщавая, с тощей выщипанной шеей, как у страуса, и пронзительными малахитовыми глазенками.

Они буквально сцепились друг с другом, как две гранитные стены.

Она на мгновение испытала мгновение дикой радости.

Наташа пришла ровно в семь, вернее даже немного раньше.

Александр стал так мрачен, как будто его грызла неотвязная мысль.

Он заслонил девушку своим силуэтом.

Шеф отодвинул папку с договорами, на которые почти не взглянул, и надувшись, как истукан Будды, несколько секунд подозрительно смотрел на Сидорова.

Она запрокинула за голову свою левую руку нежным мягким изгибом...

Хитрющие глазенки-бусинки в оправе роговых очков сверкали, как карбункулы, выкапывая из глубины глазного яблока отблески гениальных мыслей, которые посредством порочного обросшего щетиной рта преобразовывались в целые фразы и выражения, а эти последние — в ценнейшие рекомендации профессионального сводника, который дарил людям счастье.

Он собственноручно приходил смотреть, как плавают Наташа в аквапарке.

Я не машина, не механизм, состоящий из шестеренок, которые заставляют двигаться члены моих рук и ног.

Петров выпученными от изумления и ужаса глазами все еще продолжал твердить себе под нос «есть, есть товарищ генерал».

Банкир тихонько прошептал очень интимные слова, которые на бумаге отдают оттенком пошлости, но в устах супруга звучат вполне законно и прилично.

— Мы подождем еще несколько минут, господин начальник, — прогнусавил Корнеев своим каркающим голосом.

Девушка представала самой настоящей воительницей Марфизой в вызывающей на поединок позе, исключающей искры из глаз в пестром бикини.

Молодой писатель о том, как начал писать

Эрнест Хемингуэй говорил по этому поводу: «Чтобы стать писателем, нужно иметь несчастное детство». У меня получилось примерно так же, только детские годы были вовсе не несчастными, а полными разнообразных ярких впечатлений.

Плотный поток прижавшихся другу к другу людей вынес его к шипящему и пожевывающему, идущему вниз, как в пропасть, эскалатору.

А еще четверо получают поездку на двоих...

Приглашаем на занятия в МУДЮК «Тимуровец» (*муниципальное учреждение детско-юношеский клуб*).

В нашем магазине вы можете приобрести индивидуальный, неповторимый образ стильной одежды и обуви.

Раньше в лесах около нашего города водились барсуки и собирали клюкву.

Новости рынка недвижимости: «Замедление темпа снижения количества роста...»

Ничего не сказала Ирка, лишь книги в сумку обратно запихала и поползла по коридору мертвым выползком.

У вас холопская психология, куда вас пошлют, туда вы и идете. В вас не живет образ самовывживания.

Телок лежал бездыханно, отошавший и сдохший. Черт бы его побрал, этого бычка: надо же, не пил, не курил, а сдох.

Фотографию «Рассвет над прудами» автор сделал, гуляя вечером по городу.

Из письма рекламодателя в редакцию: «А кто набирал этот текст — руки бы оторвать...» И подпись: «С добрыми мыслями и пожеланиями, директор медцентра “Ваше здоровье”»

_водка происшествий

По лесопаркам города стали бродить преступники, приметы которых полностью совпадали с описанием пострадавших женщин.

При обследовании дверного замка эксперт обнаружил серое вещество. Впоследствии оказалось, что это застывший хлебный мякиш.

Гражданин вел антиобщественный образ жизни: курил пьяный и уснул в постели.

Ой!печатки

Требуется делопроизводитель. Высокая грамотность.

Дорогие зеленогадцы!

Платный контакт.

Опрос читателей.

Хам. префекта (*зам. префекта*)

Конченная цель.

Дедсаду требуется воспитатель.

Требуется системный администратор по вокальным сетям.

Требуются грызчики бутылок.

На публикацию статьи бредакцией получен ответ.

Унижаемые (*уважаемые*) жители района!

На пошлой неделе возросло количество ДТП.

Такси. Круглосучно.

Козьи наки.

Потупил учиться.

Открыт новый магазин.

Налогооблажение.

Хоть кол на голове чеши.

Калорийная фигура.

Госдума в пропитом (*прошлом*) году приняла проект о добровольных пенсионных накоплениях.

Правила пожранной безопасности.

Предатель (*председатель*) Совета ветеранов.

Выставочный зад.

Гиена огненная.

Проведите новогодний вечер с нами! Заказ толиков по телефону...

Тоска объявлений

Требуется литературный редактор. Обязанности: превращение наборов букв и апломбов рекламодателей в статьи, приятные для чтения.

Мужская душевая: водой не пользоваться!

Остекление балконов.

Похудение: 100%-ное снижение веса.

Строительная фирма предлагает липовый эксклюзив.

Массаж, гадание, чистка квартир. Нарращиваю всё.

Молодой человек средних лет познакомится со светловолосой женщиной.

Школа парапсихологии: подключаем к денежному потоку.

Магазин предлагает палатки, спальники, рюкзаки. Вербка на все случаи жизни.

Читаю стихи о любви. Недорого.

Утерян техпаспорт на имя Потеряйко А. А.

Перлы собирала Юлия Сысоева

Галка ГАЛКИНА

С уверенностью сказать не могу, но вероятней всего, мой выход в ИНТЕРНЕТ контролируют и периодически пытаются заблокировать, запуская различные вирусы. Буквально недавно я не мог зайти ни в Yandex, Mail, ни на Facebook. Везде, куда я пытался войти, шла ОШИБКА.

...Судя по всему, мы столкнулись с серьезной, коррумпированной машиной, так как, вероятней всего, мой выход в ИНТЕРНЕТ контролируется, а нам уже угрожала в своих ответах МО прокуратура, и, вероятней всего, именно они производят давление на медицинские учреждения...

...Уже обнаружили в почтовом ящике три конверта, вероятно, грубо замаскированные под доставку по почте РОССИИ, так как сложены они были таким образом, чтобы их можно было переносить во внутреннем кармане или в дамской сумочке.

...У нас дочь упала с велосипеда и получила пусть и не серьезные травмы, но травмы! Мы, конечно, съездили в травмпункт, где ей оказали медицинскую помощь. А потом ждали комиссию по делам несовершеннолетних и не знали, как защитить свою дочь от них! И какую статью нам предъявят?

Матвеев Вадим Александрович из России

Галка ГАЛКИНА:

Вадим Александрович! Вирусами заражен не только Интернет, но и все наше общество. Вирусы проникли во все поры и щели. Повсюду. Они уже в организме, в транспорте, в почтовых ящиках, дамских сумочках, везде.

Родина в опасности!

Серьезная коррумпированная машина набирает обороты. Терпеть это больше нельзя.

Теперь от каждого из нас зависит будущее России!

Что надо делать? Как бороться с этим безобразием? Главное — бдительность. Никаких велосипедов и прочих транспортных средств. Они — первые разносчики вирусов. Ребенка наказать и поставить в угол. Но тут главное — не переусердствовать! Соседи не дремлют и могут донести в комиссию по делам несовершеннолетних. А коррумпированная машина не заставит себя долго ждать!

Вадим Александрович, об Интернете — забыть. И чем быстрее, тем лучше! Будем выходить на связь телепатическим способом. Вы будете думать о нас, а мы о Вас.

Телепатия — шаг к построению новой, некоррумпированной ячейки общества. Обживайте телепатическое пространство. Будьте готовы к борьбе с коррумпированной машиной.

И победа будет за нами!
Ура!

ФАЗА МЕСЯЦА:

**На кого стекло
два раза?**

Из области ДНК

- ☺ К чему бы приложить ДНК?
- ☺ ДНД без ДНК — жизнь прекрасна и сладка!
- ☺ ВДВ и ДНК — широка река Ока!
- ☺ ДНК и АКМ — и в Кузьминках нет проблем!
- ☺ ДНК и БТР — не допустят полумер!
- ☺ ОРЗ и ДНК — спляшет доктор гопака!
- ☺ ДНК и ВВС — так закончился прогресс!
- ☺ ДНК и ПМЖ — жизнь пройдет на кураже!
- ☺ ДНК и ВТО — ценам падать каково?
- ☺ ДНК и ОТК — власть советская крепка!

Апрельские волнушки

- ☼ За березкой, за избушкой травы мяли мы с подружкой!
- ☼ За рябиной, за осиной похмелились керосином!
- ☼ За осиной, за березой пробудился я тверезым!
- ☼ За овином, за оврагом шел отряд за водкой шагом!
- ☼ За овином да за лугом шел отряд все тот же цугом!
- ☼ Там за ригой, за сараем я от женщин невменяем!
- ☼ За кусточком, за мостом обмахнулся я хвостом!
- ☼ За рекою, за ручьем расправлялись с кулачем!
- ☼ Там, за лесом, там, за бором, хрюкал тихо пьяный боров!
- ☼ Там, за бором, палисадом клон прошел, виляя задом!

© Фото Игоря МИХАЙЛОВА

**SMS'КА, ПОСЛАННАЯ В ООН:
Хорошего сакса и секса!**

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Журнал «ЮНОСТЬ» для жителей РФ, дальнего и ближнего зарубежья распространяется только по подписке!

Наши подписные индексы: **71120** (карточная), **83124** (адресная), **42835** (годовая), **42886** (для пенсионеров и библиотек) — в каталоге «Пресса России» (зеленый); **10152** (карточная) — в каталоге «МАП»; **83802** (карточная), **83801** (адресная) — в каталоге «Роспечать».

Также вы сможете подписаться на журнал «ЮНОСТЬ» через редакцию. Нужно только заполнить и оплатить квитанцию, а ее копию передать нам любым из этих способов:

- по электронной почте: **unost-reklama@mail.ru**
- по факсу: 8 (499) 250-40-60/74
- продиктовать по телефону! 8 (499) 250-83-98

Квитанции можно вырезать из журнала или скачать на нашем сайте: **<http://unost.org>**

Москвичи могут приобрести журнал:

- в киоске «Экспресс-хроника» по адресу: г. Москва, Страстной бульвар, д. 4
- в редакции журнала «ЮНОСТЬ» по адресу: г. Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская, д. 8, стр. 1
- в редакции журнала «Знамя» по адресу: г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 2/46

ВЫБОР ЕСТЬ!

ВАША «ЮНОСТЬ» ВСЕГДА С ВАМИ!

Годовая подписка на литературный журнал «ЮНОСТЬ» через редакцию возможна с любого месяца. Нужно только оплатить квитанцию и отправить копию нам! Будем рады встрече с новыми читателями!

Подписка на год

Извещение	Получатель платежа: НП «Редакция журнала «Юность» Московский банк Сбербанка России ОАО г. Москва ИНН: 7710047052 КПП: 771001001		
	Расчетный счет № 40703810138040100906		
	ОАО «Сбербанк России» г. Москва, БИК 044525225		
	Корр. Счёт: 30101810400000000225		
	Ф.И.О.: _____ Адрес: _____ _____		
	Телефон: _____ E-mail: _____		
	Вид платежа:	Дата	Сумма
	Годовая подписка на журнал «Юность» с _____ месяца 2012 г.		2220,00
	Платательщик: _____		

Подписка на полгода

Извещение	Получатель платежа: НП «Редакция журнала «Юность» Московский банк Сбербанка России ОАО г. Москва ИНН: 7710047052 КПП: 771001001		
	Расчетный счет № 40703810138040100906		
	ОАО «Сбербанк России» г. Москва, БИК 044525225		
	Корр. Счёт: 30101810400000000225		
	Ф.И.О.: _____ Адрес: _____ _____		
	Телефон: _____ E-mail: _____		
	Вид платежа:	Дата	Сумма
	Полугодовая подписка на журнал «Юность» с _____ месяца 2012 г.		1200,00
	Платательщик: _____		

Копию оплаченной квитанции можно отправить в редакцию журнала «ЮНОСТЬ» по факсу: 8(499) 250-40-60, 8(499) 250-40-74, по электронной почте: unost-reklama@mail.ru.
Телефон для справок: 8(499) 250-40-72/74.